

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

КАЗМАГАМБЕТОВА А.С.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Монография

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

~ 1 ~

ББК
К

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
факультета довузовского образования и РИСО
Казахского национального университета имени аль-Фараби*

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор Нуршаихова Ж.А.
кандидат филологических наук Рысбаева Г.К.

Казмагамбетова А.С.

К... Вербализация проксемного поведения в языке художественной литературы. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. - ___ стр.

ISBN

Настоящая книга посвящена изучению одной из актуальных тем в мировой и отечественной лингвистике – вербализации проксемного поведения в языке художественной литературы. При этом, установлен корпус проксем и охарактеризованы функциональные особенности проксемного поведения коммуникантов, носителей казахского и русского языков, описаны способы вербализации проксем в художественных текстах; выявлена национально-культурная специфика проксем в коммуникативном пространстве казахского и русского народов и способы передачи проксем в художественных переводах.

Книга адресована студентам и магистрантам филологических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами межкультурной коммуникации и невербальной семиотики.

© Казмагамбетова А.С., 2014
© КазНУ им. аль-Фараби, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....

1. ОСОБЕННОСТИ ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

- §1.1 Межкультурная коммуникация: формы, виды и функции....
- §1.2 Особенности национального менталитета и их отражение в проксемном поведении коммуникантов.....
- §1.3 Проксемические средства передачи национально-культурной информации казахского и русского народов.....
- §1.4 Концептуализация и проксемное поведение коммуникантов.....

2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОКСЕМ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- §2.1 Механизмы, приемы и способы вербализации проксемного поведения в коммуникативном пространстве казахского и русского языков
- §2.2 Национально-культурные особенности проксем казахского и русского народов.....
- §2.3 Способы передачи проксем в художественных переводах.....

Заключение

Библиография.....

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика и смежные с ней науки, находясь на волне «коммуникативного» бума, обогащаются многочисленными исследованиями, рассматривающими различные аспекты вербального и невербального языка. Коммуникативная деятельность человека вызывает оживленный исследовательский интерес к изучению таких невербальных средств языка, как *проксемика**. Настоящая книга посвящена изучению одной из актуальных тем в мировой и отечественной лингвистике – вербализации проксеминого поведения в языке художественной литературы. В работе описаны механизмы, способы и приемы вербализации проксеминого поведения в языке художественного произведения.

Систематическое научное изложение основ невербальной семиотики в ее соотношении с лингвистикой впервые было представлено известным российским ученым Крейдлиным Г.Е. [1, с. 7]. Проблемы невербальной семиотики затрагивались также в трудах казахстанских исследователей: Бейсембаевой С.Б., Булгаковой Г.Ф., Ешимова М.П., Кажгалиевой К.Ш., Момыновой Б.К., Муканова М.М., Нурманова А.Н., Омиралиевой Ж.К., Сейдаханова М.М., Сейсеновой А.Д., Татубаева С.С., а также зарубежных ученых: Акишиной А.А., Бердвилла Р.Л., Веста Л., Вундта В.,

* В исследовании под термином *проксемика* (от англ. *proxemics*) понимается наука о пространстве коммуникации, или коммуникативном пространстве. Это наука о том, как человек представляет, обживает и использует коммуникативное пространство.

Григорьевой С.А., Джонсона С., Железановой Т.Т., Кулиша Л.О., Лабарра У., Себеона Г., Сенченко С.В., Сапожникова С.К., Столяровой М.Е., Стернина И.А., Трейгера Дж., Холла Э. и др. [2-24].

Однако, изучение проксемики в художественной литературе представится нам актуальным, прежде всего тем, что по мере возрастающего интереса к межкультурной коммуникации и освещения всех сторон деятельности человека, возникает настоятельная необходимость более глубокого изучения исторической, социальной и культурной эволюции невербальных знаковых средств выражения. Между тем, в существующих работах в большей степени представлена мимико-жестовая сторона невербальных средств коммуникации, тогда как проксемика остается гораздо менее исследованной областью. В работе невербальная сторона коммуникации рассматривается с позиции как традиционных, так и развивающихся направлений современной лингвистики – семиотики и межкультурной коммуникации, благодаря которым активизировалось изучение невербальных средств языка.

Известный российский ученый Крейдлин Г.Е. в монографии «Невербальная семиотика» и докторской диссертации «Невербальная семиотика в соотношении с вербальной» указывает на актуальность и необходимость изучения невербальных компонентов коммуникации, и в частности, проксем в ситуации речевого общения представителей различных народов. Проксемное поведение – это отношение человека к коммуникативному пространству и его поведение в этом пространстве [1, с. 461].

В настоящей монографии установлен корпус проксем, их роль и место в языке художественной литературы казахского и русского народов, охарактеризованы функциональные особенности проксемного поведения коммуникантов, носителей казахского и русского языков, в художественном тексте, описаны способы вербализации проксем в художественных текстах исследуемых языков. Кроме того, выявлена национально-культурная специфика проксем в коммуникативном пространстве казахского и русского народов и способы передачи проксем в художественных переводах.

Исследование построено на анализе фактического материала, эксцерпированного из художественных произведений (570 единиц русского и 560 единиц казахского языков). Основной акцент при

изложении фактического материала в его теоретическом осмыслении и комментировании делается на семантических и функциональных элементах, которые играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии невербальных единиц с вербальными.

Представляется, что выводы, сделанные в исследовании, позволят расширить лингвокультурологические представления о роли проксем в языке и об особенностях правил проксемного поведения, отражающих национально-культурную специфику русского и казахского языков.

Результаты работы можно использовать в вузовских курсах по теории языка, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, психолингвистике, а также в различных спецкурсах: «Язык и этнос», «Невербальная коммуникация». Материалы исследования помогут также в составлении словаря проксем казахского и русского языков.

Искренне признательна своему научному руководителю – доктору филологических наук профессору Шаймерденовой Нурсулу Жамалбековне, которая вдохновила меня на защиту кандидатской диссертации «Вербализация проксемного поведения в языке художественной литературы» (г. Алматы, 30 июня 2008 г., КазНУ им. аль-Фараби), а также за постоянную поддержку на пути к науке.

ГЛАВА 1

ОСОБЕННОСТИ ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

§ 1.1 Межкультурная коммуникация: формы, виды и функции

Очевидно, что ни одна филологическая, и, в частности, лингвистическая концепция не может претендовать на абсолютную истину уже в силу того, что автор всегда высказывает свою точку зрения в определенный исторический период развития науки. На каждом новом этапе ее развития представление о сути объекта неизбежно уточняется, поскольку происходит постоянное углубление знаний о последнем.

Интерес к проблеме коммуникации наблюдался не только в области психологии и языкознания или новых, производных от них направлениях, психолингвистике и социолингвистике, возникших во второй половине XX столетия, а также стала общей для множества отраслей человеческой деятельности. В настоящее время исследования коммуникативных процессов входят в число наиболее актуальных, поскольку коммуникация¹

¹ Communicatia - от лат. communico - общаться, делать общим, связывать.

стала привлекать особое внимание специалистов различного профиля: психологов, филологов, историков, философов и др.

Коммуникацией традиционно принято называть обмен информацией между индивидами посредством общей системы вербальных и невербальных знаков и символов. В общественном смысле в зависимости от рассматриваемой модели под коммуникацией часто предлагают рассматривать взаимодействие людей или животных в формах обмена знаниями, эмоциями, схемами поведения, осуществляемыми с определенными целями.

В ряде источников, таких, как словарь русского языка, философская энциклопедия, энциклопедический словарь, философский словарь, термин «коммуникация» трактуется как «путь сообщения, сообщение, обобщение» [28, с. 233]. В некоторых источниках «коммуникация» трактуется как «связь, в ходе которой происходит обмен информацией между системами в живой и неживой природе» [34, с. 75]. В профессиональной лексике «коммуникациями» называют средства передачи информации, средства сообщения объектов, средства доставки грузов, тепла, воды и т.д. Данный термин в лингвистической науке наполняется все новым содержанием.

Так, Почепцов Г.Г. в определяет коммуникацию как процесс перекодировки вербальной в невербальную или невербальной в вербальную сферы с целью принуждения к выполнению того или иного действия [35, с. 11], а американский ученый-психиатр Юрген Рюш выделяет около 40 ипостасей коммуникации в зависимости от сферы применения, например, в психологии, политике, архитектуре, антропологии и т.д. [36, с. 15].

В настоящее время отсутствует единство мнений по поводу толкования терминов «общение» и «коммуникация». В результате продолжительных споров, дискуссий и обсуждений различных точек зрения сложились следующие подходы к ее разрешению. Сторонники первого (Выготский Л.С., Курбатов В.Н., Леонтьев А.А. и др.) уравнивают в правах оба эти термина, используя в качестве основного аргумента этимологическую и семантическую тождественность [37, с. 37].

Сторонники второго подхода (Каган В.И., Жебит В.) настаивают на разделении понятий коммуникация и общение. Согласно этой точке зрения, общение и коммуникация – пересекающиеся, но не синонимичные термины [38, с. 12]. Согласно Кагану М.С., различие между коммуникацией

и общением проявляется по меньшей мере в двух отношениях: 1) коммуникация является чисто информационным процессом, тогда как общение имеет и практический, и духовный характер; 2) общение представляет собой межсубъектное взаимодействие, структура его диалогична, в то время как коммуникация – это только информационная связь субъекта с тем или иным объектом. По его мнению, коммуникация – монологична, а общение – диалогично [38, с. 143-146].

Данный подход принят известным социальным психологом Андреевой Г.М., которая, отмечая общение как категорию более широкую, чем коммуникация, предлагает выделять в структуре общения три взаимосвязанные стороны:

- коммуникативную, т.е. собственно коммуникацию, которая заключается в обмене информацией между общающимися индивидами;
- интерактивную, заключающуюся в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т.е. в обмене не только знаниями, идеями, основывающегося на учете личностных характеристик партнеров;
- перцептивную, представляющую собой процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и достижения на этой основе взаимопонимания и сближения представителей различных культур [39, с. 23].

В рамках второго подхода особую точку зрения сформулировал Соколов А.В. Его позиция заключается в следующем: общение – это одна из форм коммуникационной деятельности. Основу выделения этих форм составляют целевые установки партнеров по коммуникации, в соответствии с которыми возникают три варианта отношений участников коммуникации:

- субъект-субъектное отношение в виде диалога равноправных партнеров (такая форма коммуникации и есть собственно общение);
- субъектно-объектное отношение, свойственное коммуникационной деятельности в форме управления (коммуникатор рассматривает реципиента как объект коммуникативного воздействия, как средство достижения своих целей);
- объект-субъектное отношение, свойственное коммуникативной деятельности в форме подражания (реципиент целенаправленно выбирает коммуникатора в качестве образца для подражания, а

последний может даже не осознавать своего участия в коммуникационном акте) [40, с. 73].

Типичным способом реализации коммуникативного общения является диалог двух собеседников, а способами управления и подражания – монолог в устном, письменном и поведенческом виде. Вполне очевидно, что в данном случае коммуникация рассматривается как понятие более широкое, чем общение.

Третий подход к проблеме соотношения общения и коммуникации основан на понятии информационного обмена. Этой точки зрения придерживаются те ученые, которые считают, что общение не исчерпывает все информационные процессы в обществе. Данные процессы охватывают весь общественный организм. Пронизывают все социальные подсистемы, присутствуют в любом фрагменте общественной жизни. Причем вербальные средства обмена составляют лишь небольшую часть информационного обмена в обществе, а большая часть информации осуществляется в невербальных сигналах, вещах, предметах и материальных носителях культуры. Последние позволяют передавать информацию и в пространстве, и во времени. Именно поэтому «общение» обозначает процессы обмена информацией, которые представляют собой специфическую человеческую деятельность, направленную на установление и поддержание взаимосвязи и взаимодействия между людьми.

Чтобы понять соотношение и взаимосвязь этих понятий, следует установить специфические особенности каждого из них.

Понятие «коммуникация» в настоящее время рассматривается в самых разных аспектах. Среди множества интерпретаций данного термина существует его понимание как процесса направленной связи между людьми. Благодаря этой связи происходит целенаправленный обмен мнениями, действиями, предметами, участие в тех или иных формах коллективной деятельности, совместное времяпрепровождение, религиозные, нравственные и другие отношения, являющиеся необходимой предпосылкой человеческой жизни [40, с. 74].

В общей совокупности указанных взаимосвязей и взаимодействий человек выступает одновременно как в роли субъекта, так и в роли объекта общения. Как субъект он познает своего партнера, определяет свое отношение к нему, воздействует на него с целью решения какой-либо

проблемы. При этом остается объектом познания со стороны своего партнера. Партнер адресует к нему свои чувства, намерения и старается влиять на него и достигнуть каких-то результатов, а он принимает послания избирательно, в соответствии с определенными нормами и правилами. Наличие такого встречного взаимопонимания и взаимовлияния партнеров друг от друга и отличает коммуникацию от простого общения.

Исходя из представленных подходов и точек зрения, мы считаем, что *коммуникация* – это социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, передаваемой целенаправленно при помощи вербальных и невербальных средств, который имеет своей целью достижение взаимопонимания между партнерами и осуществляется в соответствии с определенными правилами и нормами.

Таким образом, понятия *общение* и *коммуникация* – частично совпадающие, но не тождественные понятия, имеющие как общие, так и отличительные признаки. Общими признаками являются соотнесенность с процессами обмена и передачи информации и связь с языком как средством передачи информации. Отличительные признаки выражаются в различных объемах и содержании этих терминов (узком и широком). Общение – это наиболее широкая категория для обозначения всех видов коммуникативных контактов людей, включая и простые формы взаимодействия. Мы будем исходить из понимания коммуникации как процесса обмена мыслями, идеями, представлениями, эмоциональными переживаниями и информацией, направленного на достижение взаимопонимания и воздействия друг на друга партнеров по коммуникации. В то время как общение – это процесс обмена познавательной и оценочной информацией, имеющий своей целью удовлетворение потребности человека в контакте с другими людьми.

Принято считать, что средством коммуникации является *язык*. Под этим понятием подразумевается не только язык человеческой речи, но и различные знаковые и сигнальные системы, используемые для коммуникации.

Современное коммуникативное пространство представляет собой довольно сложную систему, в которой одно из основных мест принадлежит различным видам коммуникации. Это обусловлено тем, что

в различных ситуациях и обстоятельствах человек ведет себя по-разному и тем самым в каждом отдельном случае взаимодействует с другими людьми особым образом. Кроме того, характер и особенности коммуникации определяются также средствами и способами передачи информации, субъектами коммуникации, ее целями и многими причинами. Все это позволяет выделить различные виды коммуникации: межличностную, внутригрупповую, массовую и межкультурную (см. рис.1). В современной коммуникативистике выделение тех или иных видов коммуникации в различных источниках весьма различается. При этом каждый вид коммуникации имеет свое теоретическое обоснование и выражение, поскольку коммуникация в жизни людей так же безгранична и разнообразна, как само человеческое общество. Это разнообразие находит отражение в различных формах, типах и видах коммуникации. Из всех отмеченных видов коммуникации для нас представляет интерес, прежде всего, межкультурная коммуникация.

Объективным основанием для межкультурной коммуникации являются различия между культурами, складывающиеся в процессе формирования каждой этнической культуры. Как было отмечено выше, жизнедеятельность и отношения людей определяются существующими в той или иной культуре нормами, которые регулируют практически все области человеческого мышления и поведения и оказывают влияние на характер восприятия, оценки и межличностные отношения. Образование, воспитание, память, традиции, обычаи и язык вырабатывают систему ориентаций, помогающую людям успешно справляться с житейскими ситуациями и различными проблемами.

Поведение людей, принадлежащих другим культурам, не является чем-то непредсказуемым, оно поддается изучению и прогнозированию, но обуславливает потребность в специальных образовательных программах, направленных на формирование знаний и навыков межкультурной коммуникации.

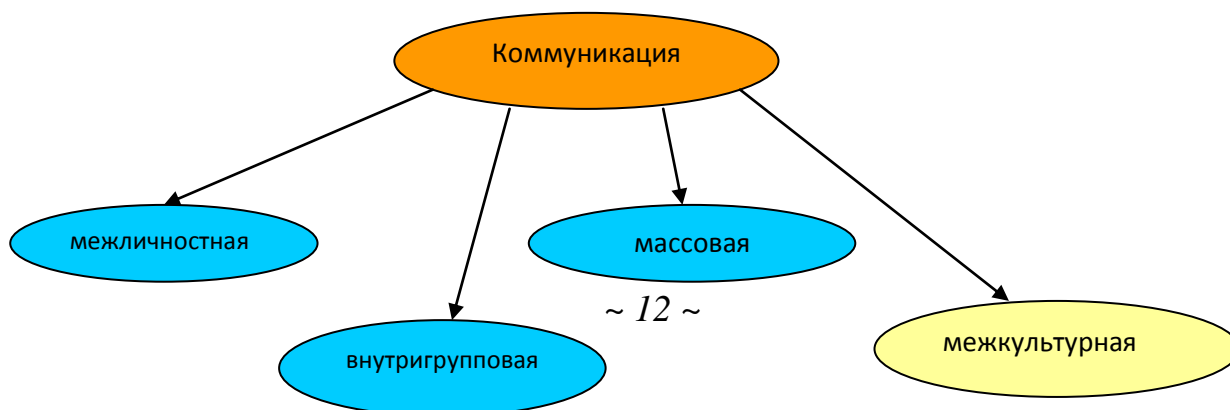

Рисунок 1– Формы коммуникации

Межкультурная коммуникация – общение между представителями различных человеческих культур (личные контакты между людьми, реже – опосредованные формы коммуникации (такие, как письмо) и массовая коммуникация). Особенности межкультурной коммуникации изучаются на междисциплинарном уровне и в рамках таких наук, как психология, лингвистика, этнология, антропология, социология, каждая из которых использует свои подходы к их изучению.

Понятие межкультурная коммуникация введено в 1950-х годах американским культурным антропологом Эдвардом Т. Холлом в рамках разработанной им для Госдепартамента США программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов в других странах.

Первоначально для описания межкультурной коммуникации использовалось, так называемое, классическое понимание культуры, как более или менее стабильной системы осознанных и бессознательных правил, норм, ценностей, структур, артефактов – национальная или этническая культура.

В настоящее время все чаще доминирует, так называемое, динамическое понимание культуры, как образа жизни и системы поведения, норм, ценностей и т.д. любой социальной группы (например, городская культура, культура поколений, культура организаций). Динамическое понятие культуры не предполагает строгой стабильности культурной системы, она до определенной степени может меняться и модифицироваться в зависимости от социальной ситуации.

Как научная дисциплина, межкультурная коммуникация находится в стадии формирования и отличается двумя характерными особенностями: прикладным характером (цель – облегчение коммуникации между представителями различных культур, снижение конфликтного потенциала) и междисциплинарностью.

Работы по межкультурной коммуникации в последнее время приобретают все большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции населения.

В зависимости от сочетания различных способов, приемов и стилей общения в коммуникативистике принято выделять три основных вида межкультурной коммуникации – вербальную, невербальную и паравербальную [40, с. 134] (см. рис.2).

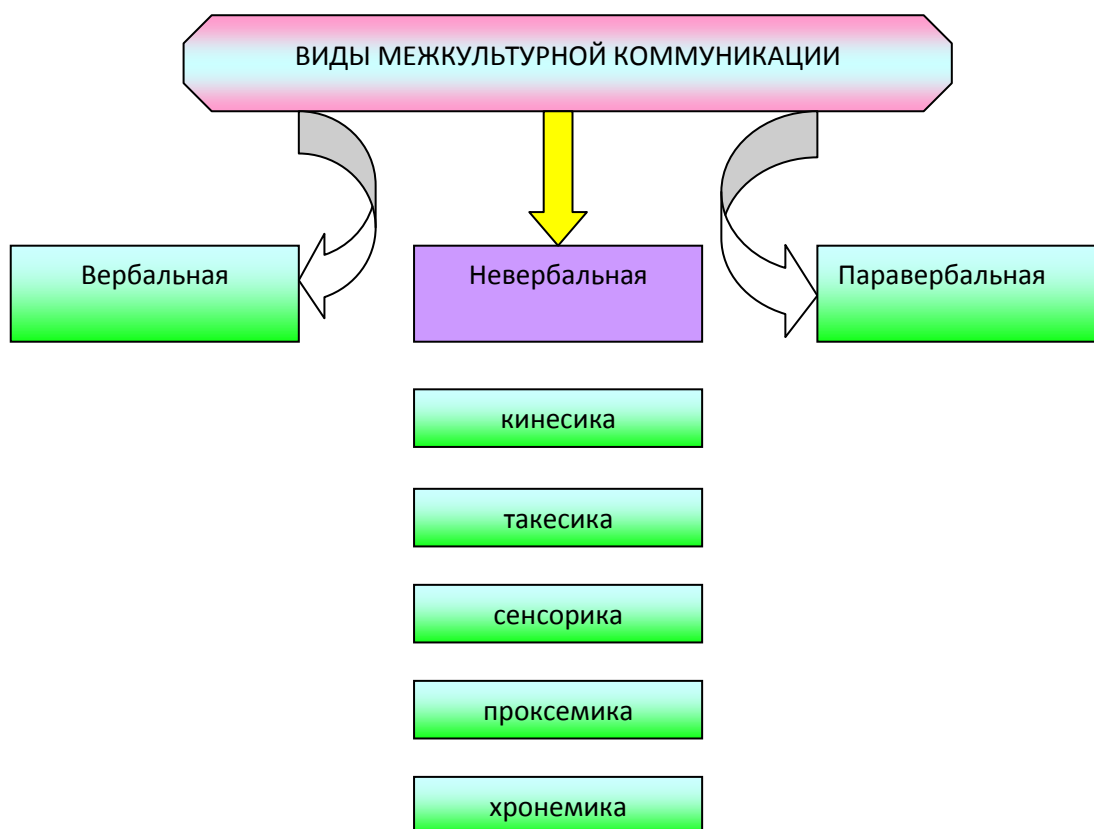

Рисунок 2 – Виды межкультурной коммуникации (по Садохину А.П.)

Главным и единственным субъектом коммуникации является человек, который для обеспечения своей жизнедеятельности вступает во взаимосвязь с другими людьми. Система человеческих взаимоотношений опосредуется культурой, которая определяет характер и эффективность

человеческого общения. Но в ходе различных видов деятельности у человека складывается потребность в поиске более совершенных и эффективных форм общения, что порождает различные роли и назначение тех или иных форм общения. Иными словами, в зависимости от разнообразных причин различные формы общения приобретают соответствующее назначение в жизнедеятельности людей, то есть функцию. Функциональный анализ коммуникации дает возможность выявить ту социальную роль, которую она выполняет в обществе, и помогает более точно понять ее сущность.

Важным при изучении межкультурной коммуникации является установление функций, выполняемых в процессе коммуникации (см. рис. 3).

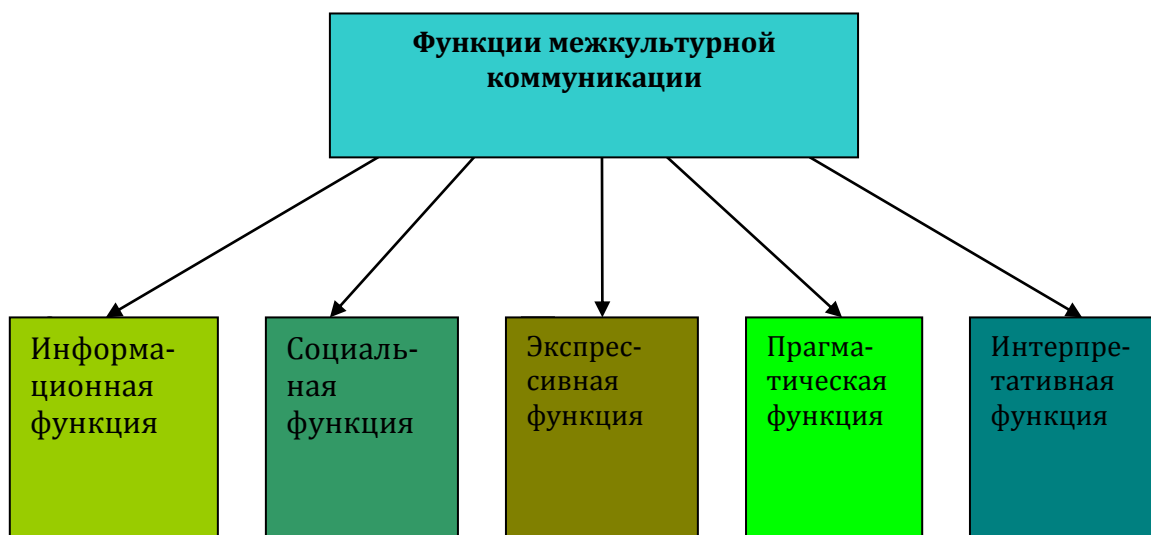

Рисунок 3 – Функции межкультурной коммуникации

Информационная функция трактуется, исходя из понятия информации, как обмен между людьми различного рода знаниями и сведениями, которая играет роль посредника. Она представляет собой обмен сообщениями, мнениями, замыслами, решениями, который совершается между коммуникантами. Информационный обмен может совершаться как ради достижения какой-то практической цели, решения какой-либо проблемы, так и ради самого процесса коммуникации, поддержания отношений между людьми.

Социальная функция имеет большое значение в формировании и развитии культурных навыков взаимоотношения людей. Она формирует

наши мнение, мировоззрение, реакции на те или иные события, поскольку культура не может существовать вне общения, ведь именно в этих процессах человек, будучи общественным существом, может согласовать свои действия с действиями других людей, добиться выполнения социально значимых целей, да и просто стать человеком. Благодаря этой функции всем членам общества обеспечивается приобретение некоторого уровня культурной компетенции, с помощью которой становится возможным их нормальное существование в данном обществе.

Экспрессивная функция означает стремление партнеров по коммуникации выразить и понять эмоциональные переживания друг друга. Так, межличностная коммуникация всегда начинается с установления контакта между партнерами. При этом важно не только сообщить необходимую для общения информацию (представиться), выбрав для этого стереотипные вербальные высказывания, но и дополнить их невербальными средствами (улыбка, рукопожатие), которые должны показать нашу расположенность (нерасположенность) к контакту. Плохое первое впечатление может разрушить далеко идущие планы партнеров. Выражение эмоций очень важно и в дальнейшем общении, когда укрепляются намеченные связи между людьми, осуществляется какой-то совместный проект.

Экспрессивная функция проявляется в выражении чувств, эмоций в процессе коммуникации через вербальные и невербальные средства. Они связаны с выбранным стилем речевого общения, используемыми невербальными средствами коммуникации. В зависимости от того, какой способ передачи чувств и эмоций выбран, экспрессивная функция может значительно усилить или ослабить информационную функцию коммуникации. Особое значение экспрессивная функция имеет для творческих людей, создающих произведения, которые должны быть оценены другими и в которых отражается их собственное образное восприятие мира и эмоциональное отношение к нему. В ходе осуществления этой функции в партнере возбуждаются нужные эмоциональные переживания, которые в свою очередь способны изменить собственное эмоциональное состояние.

Прагматическая функция позволяет регламентировать поведение и деятельность участников коммуникации, координировать их совместные действия. Она может быть направлена как на себя, так и на партнера. В

ходе осуществления этой функции возникает необходимость прибегать как к побуждению партнера к выполнению какого-то действия, так и к запрещению каких-то поступков, поскольку человек общается ради достижения каких-то целей, для чего осуществляет определенную деятельность, которая в свою очередь нуждается в постоянном контроле и корреляции. Именно это выполняет прагматическая функция коммуникации.

Интерпретативная функция служит, прежде всего, для понимания своего партнера по коммуникации, его намерений, установок, переживаний, состояний. Дело в том, что различные средства коммуникации не только отражают события окружающей действительности, но и интерпретируют их в соответствии с определенной системой ценностей и политических ориентиров. Некоторые зарубежные исследователи называют это свойство коммуникации *interpretation function*, подчеркивая таким образом значение именно интерпретации информации, отбора и освещения фактов с определенных позиций. В то же время эта функция зачастую используется для передачи конкретных способов деятельности, оценок, мнений, суждений и т.д.

При изучении функционального аспекта коммуникации необходимо помнить, что все указанные функции тесно связаны между собой и присутствуют в том или ином сочетании фактически в любом виде коммуникации. На практике все эти функции в соответствующей степени проявляются на разных уровнях межличностной коммуникации: социально-ролевом, деловом и интимно-личностном.

Социально-ролевой уровень коммуникации связан с выполнением ожидаемой от человека роли, невозможен без знания норм окружающей человека среды. Общение при этом носит, как правило, анонимный характер и не зависит от того, происходит ли оно между близкими, знакомыми или незнакомыми людьми.

На уровне делового общения идет совместное сотрудничество, поэтому целью общения на этом уровне является повышение эффективности совместной деятельности. Партнеры оцениваются с точки зрения того, насколько хорошо они выполняют свои функциональные обязанности и решают поставленные перед ними задачи.

На интимно-личностном уровне общения человек удовлетворяет свою потребность в понимании, сочувствии, сопереживании. Обычно для этого уровня характерны психологическая близость, эмпатия, доверительность.

Все указанные функции находят свое преломление в пространственной ситуации общения между коммуникантами [41, с. 352]. Коммуникант и его коммуникативное поведение находят отражение в национальном менталитете.

§ 1.2 Особенности национального менталитета и их отражение в проксежном поведении коммуникантов

На современном этапе развития лингвистической науки важным является изучение проксежного поведения в структуре национального менталитета. В многочисленных трудах отечественных и зарубежных ученых предпринимается попытка выявить суть этого лингвистического феномена.

Согласно Степанову Ю.С., Стернину И.А., коммуникативное поведение личности рассматривается как проявление национального менталитета коммуникантов. В повседневном общении влияние на национальный менталитет проявляется на разных уровнях. Во-первых, национальный менталитет в значительной степени детерминирует коммуникативное поведение и в целом, коммуникативную культуру говорящих.

Так, для русских характерна коммуникативная общительность, которая проявляется в легкости вступления в речевой контакт даже с незнакомыми, которые используют для этого любой повод, что недопустимо у казахов, в частности, у женщин-казашек. Во-вторых, разный национальный менталитет определяет различное восприятие одних и тех же явлений действительности, включая коммуникативное поведение. В-третьих, несовпадение коммуникативных культур порождает различные коммуникативные экспектации участников речевого акта, нарушение которых носителями иной культуры ведет к негативному восприятию [42, с. 26].

Выявление национально-культурных особенностей ментальности, под которой, по мнению Колесова В.В., понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального

характера в типичных его проявлениях» – важный аспект исследования [43, с. 218].

В рамках данных направлений основной единицей ментальности признается концепт, определяемый с различных точек зрения.

Ментальная модель национально-культурного пространства структурируется различными ментальными и лингвоментальными образованиями, в том числе и концептами. Любой концепт представляет собой «сгусток» национальной культуры в ментальном мире человека [44, с. 161].

Вслед за Маркиной М.В., представляется возможным установление факта национально-культурной маркированности реальной и ментальной модели мира, поскольку она представляет отражение реального культурного пространства реального социума. При этом реальная среда проецируется в ментальном мире человека, и эту проекцию следует считать ментальной моделью реальной культурной среды индивида, обладающей национально-культурной специфичностью [44, с. 161].
Материал нашего исследования показывает, что национально маркированной является и проксема в русском и казахском языках.

Современный мир справедливо можно характеризовать как эпоху глобализации, которая затрагивает не только экономические сферы, но и проявляется во всех сферах жизни каждого человека, что предполагает активные контакты с носителями разных языков и культур, как в профессиональной, так и в обыденной жизни. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что даже блестящее знание языка без понимания культуры его носителей не приводит к полному взаимопониманию.

Для успеха в межкультурном общении важно умение интерпретировать поведение партнера не в рамках своей собственной, а в рамках его культуры. Иначе может сложиться ситуация неадекватной интерпретации культурного поведения партнера в рамках своей собственной культуры. Поэтому при изучении культуры другой страны и поведения ее носителей важно понять и осознать основополагающие элементы мировосприятия носителей другого языка и культуры, которые формируют определенный тип коммуникативного поведения и эмоциональные реакции людей на события повседневной жизни.

При этом важным представляется понимание того, что есть менталитет.

Очевидно, что разница в повседневном поведении людей, способе общения, мировосприятии может определяться индивидуальными особенностями людей, или их принадлежностью к тому или иному социальному слою, или семейным традициям. Изучение менталитета выделяет те черты в поведении и мировосприятии людей, которые в той или иной степени характерны для всех носителей данной культуры. Их отсутствие воспринимается другими носителями как отступление от нормы. Обычно типичные черты национального менталитета чаще всего неосознанно проявляются в социальном поведении носителей данной культуры. Иное поведение вызывает у них непонимание, неприятие, а порой вызывает их раздражение или угнетение.

При этом общность языка не всегда будет условием общего менталитета. Так, англичане и американцы значительно отличаются по своему менталитету, и наоборот, проживание на одной территории разных народов, наличие общего исторического процесса и проживание в одном государстве может стать основой для образования общего менталитета у народов, для которых родными являются разные языки, например, Казахстан и современная Швейцария. Вместе с тем, для людей одного социально-культурного пространства понятны многие особенности менталитета, свойственные данному социуму.

Менталитет того или иного народа – это совокупность определенных образцов поведения, привычек и установок в осмыслении событий, которые представителями другого менталитета воспринимаются как чужие и непонятные. Менталитет – это определенные поведенческие образцы и эмоциональные реакции, которые определяются национальным образом мира, характерным для народа или народов, объединенных единым историческим прошлым, единой культурной традицией, проживающих, как правило, на одной территории. Менталитет становится видимым и осязаемым только при соприкосновении с носителями других ментальностей, при взгляде извне.

Наряду с менталитетом в научных исследованиях часто употребляется понятие «национальный образ мира», который составляет основу для формирования менталитета. Национальный образ мира формируется у народа – ее носителя – под влиянием исторических и культурных

процессов, а в последнее время и экономических, участники которых являются носителями данной ментальности или ими являлись их предки. Точных данных о том, какой период времени важен при формировании устойчивых черт национального образа мира, не существует.

Национальный образ мира можно определить как совокупность тех общих образов в сознании носителей одной культуры, которые определяют их поведенческие образцы и влияют на психологию мировосприятия. Вместе с образцами поведения эти образы передаются из поколения в поколение, пока изменения реального мира не приведут к изменениям в сознании людей из-за того, что их устойчивое мировосприятие и образцы поведения уже не позволяют им успешно ориентироваться и действовать в реальном мире.

На формирование национального образа мира влияют определенные исторические события, например, участие народа в войне, резкая смена политического строя и, связанная с ним роль личности в обществе, например, в диктаторских или в демократических государствах образ восприятия мира будет разным.

Экономические процессы в современном обществе также становятся одним из факторов, влияющих на формирование мировосприятия. Эпоха глобализации требует максимально быстрого темпа работы и жесткую ориентацию на максимально высокий результат. Это порождает мировосприятие, в котором человек воспринимает себя скорее винтиком в большом работающем механизме, чем личностью, принадлежащей к определенной ментальности.

Распространение английского языка как языка общения в крупных международных корпорациях порождает восприятие себя как некоего гражданина мира, не принадлежащего к какой-либо определенной культуре. Все это, с одной стороны, приводит к унификации некоторых основных черт мировосприятия и созданию унифицированных поведенческих образцов, а с другой – лишь подчеркивает разницу ментальностей, так как человек начинает испытывать психологическое неудобство из-за навязанных ему поведенческих образцов, нехарактерных для той культуры, представителем которой он является. Часто это настолько давит на человека, что приводит к состоянию постоянного стресса и депрессии.

Национальный образ мира – это та структура национального сознания, которая лучше видна изнутри, чем извне, поэтому обычно он описывается самими носителями этого мировосприятия. Этим национальный образ мира отличается от менталитета, который обычно легче оценивать со стороны, чем при взгляде изнутри – из собственной культурной традиции.

Основными факторами, влияющими на формирование национального образа мира и ментальности, принято считать историческое развитие страны, наличие культурного наследия определенного склада, географический фактор.

В качестве главных характеристик менталитета следует выделить следующие: восприятие пространства, восприятие времени, соотношение частного и общественного при восприятии личностью самой себя.

В настоящей работе наше внимание привлекает восприятие пространства носителями различных культур, а также языковое выражение единиц, описывающих расстояния между коммуникантами. Так, Шпейглер О., характеризуя культуру в пространственной протяженности, вводит термин *парасимвол*. Парасимволом для русской культуры является бесконечная равнина, аналогично в казахской культуре – дала.

Суюнова Г.С. рассматривает специфику пространственной ориентации этих двух культур через понятие *степь*. Автор отмечает доминанту зрительного восприятия пространства у славян, но «огромное степное пространство трудно, невозможно освоить зрением, и, следовательно, невозможно сделать это своим» [45, с. 284]. Лес, по мнению Суюновой Г.С., привычная среда обитания славянина, в лесу он себя чувствует более защищенным, нежели в степи. По этому поводу русский историк Ключевский В., ссылаясь на природные (ландшафтные, климатические) факторы, которые влияют на менталитет, своеобразие культуры, писал об особом месте леса в жизни русского человека. Лес служил убежищем от врагов, был кормильцем. При этом он был тяжел для него, и он никогда не любил своего леса. Надеясь его своими страхами, где обитает нечистая сила. Во фразе *темный лес* заключена семантика его неизведанности и опасности.

Как отмечает Суюнова Г.С., в обоих языках сема «простор и бесконечность» является обязательным элементом слова «степь», в нем размыты границы времени и пространства [45, с. 283]. Степь

ассоциируется со свободой, простором, с чувством шири и дали, воспевается в песнях («*Степь широкая, степь раздольная...*» и др.), но она пугает своей необъятностью. Для русского человека степь была источником постоянной угрозы со стороны внешних врагов. Бердяев Н.А. говорил о трудной задаче, которая стояла перед русским человеком, – задача оформления и организации своей необъятной земли. Осваивая степь, человек как бы фиксирует свое отношение и причастность к ней. Так, казах-кочевник не страшится степи, он в своей стихии, ему она понятна, ведь степь – его дом, а кочевой образ жизни научил его осваивать просторы и познавать мир.

Таким образом, историческое развитие страны, культурные традиции, особенности быта, географический фактор определяют специфику пространственной ориентации носителей различных культур. В связи с этим наше исследование направлено на выявление и описание проксем, отражающих особенности восприятия личности в пространстве и репрезентирующих национальные образы и менталитет казахского и русского народов.

Коммуникация представителей различных лингвокультурных общностей постоянно привлекает внимание современных лингвистов. Также необходимо помнить, что при коммуникации наряду с лингвистическими средствами передачи смысловой деятельности важную роль выполняют невербальные средства. Исследование данного направления лингвистики в настоящее время представляется особенно важным в плане сопоставительного описания национально-культурного своеобразия того или иного языкового коллектива.

В настоящее время имеется немало число лингвистических работ, посвященных вопросам невербальной коммуникации. Наш интерес среди них вызывают работы отечественных лингвистов Бейсембаевой С.Б. и Ешимова М.П., представивших детальный анализ невербальных средств и лексикографическое описание жестовой семантики, также заслуживает внимания «Казахско-русский толковый словарь мимики и жестов в казахском языке», составленный Момыновой Б. и Бейсембаевой С.Б.

При этом нужно отметить, что в отечественной науке данная проблема находилась в зоне пристального внимания многих казахских ученых, например, Валиханов Ч. в своих трудах описывал жест «Коленопреклонение» [46, с. 152]. Муканов М.М. сделал попытку дать

определение жеста и невербального знака, а также описал и классифицировал 28 знаков невербального характера. В своей работе он писал: «Конечно, изучение этих знаков не преследует утилитарных целей, мы изучаем их не для того, чтобы пользоваться ими. Однако знаки, которые здесь приведены, насколько нам известно, до сих пор никем не описаны. Между тем они сейчас повсеместно исчезают. Поэтому представляется небезынтересным запечатлеть такие штрихи истории развития средств коммуникации между людьми (это в свою очередь поможет в создании более адекватной теории коммуникации). Кроме того, поиск в этом направлении должен содействовать уяснению того, как меняются прежние жесты-знаки и появляются новые в связи с величайшими историческими переменами в жизни ранее угнетенных народов Востока, в том числе казахов» [6, с. 117].

Особого внимания заслуживает исследовательская работа Татубаева С.С., который рассматривает жесты как компонент искусства [10, с. 28].

Большинство исследователей разделяет мнение, что словесный канал используется для передачи информации, в то время как невербальный канал используется для «обсуждения» межличностных отношений, а в некоторых случаях используется вместо словесных сообщений. Невербальное общение ценно тем, что оно проявляется, как правило, бессознательно и самопроизвольно и обусловлено импульсами нашего подсознания. Таким образом, отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем вербальному каналу общения.

Как показывают результаты исследования Мехрабиана А., значительная часть информации при обмене воспринимается через невербальные средства (55 % – за счет невербальных, а 38 % – за счет звуковых средств). Отсюда следует, что всего 7 % отводится словам, воспринимаемым получателем во время речи. Это имеет принципиальное значение, поскольку обосновывает неугасающий интерес ученых к исследованию невербальных средств, в частности, наш интерес к роли проксем в коммуникации. При этом нужно отметить, что проксемика является одной из интересных и пока еще малоисследованных проблем невербальных средств.

В последние годы в лингвистике обозначился ряд исследований, посвященных изучению проксемических средств языка (Акишина А.А., Григорьева С.А., Железанова Т.Т., Кулиш Л.О., Крейдлин Г.Е., Сенченко С.В., Сапожников С.К., Столярова М.Е., Стернин И.А. и др. В казахстанской науке к данному аспекту фрагментарно обращались Булгакова Г.Ф., Муканов М.М., Нурманов А.Н., Омиралиева Ж.К., Сейдаханов М.М., Сейсенова А.Д. и др.).

Как показали наши исследования, ученые по-разному трактуют данный термин, оставляя за собой право сужать или расширять понимание этого термина, в то время как в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определение термина *проксемика* отсутствует.

В «Большом психологическом словаре» проксемика (анг. proxemics) представляется как «научное направление, близкое к этологии и экологической психологии, занимающееся изучением пространственного поведения человека и животных» [47, с. 415].

Артур Ребер в «Большом толковом психологическом словаре» понимает *проксемику* как «изучение пространства и его использования в различных социальных и культурных ситуациях. Основными областями, представляющими интерес, являются теснота, территориальность и исследование личного пространства» [48, с. 255].

Согласно Прохорову А.М., «*проксимальный* (от лат. proximus-ближайший), расположенный ближе к телу (или органу): напр. в руке плечо – проксимальный отдел по отношению к предплечью, а кисть – дистальный» [49, с. 197].

Американский антрополог Холл Э. дает следующее определение: «проксемика, или пространственная психология, – это использование пространственных отношений» [24, с. 93].

По Садохину А.П., «*проксемика* – это использование пространственных отношений при коммуникации, выражающееся в отделении личной территории, персонализации места и объекта общения, которые становятся собственностью человека или группы индивидов» [40, с. 162].

Согласно Крейдлину Г.Е., «*проксемика* – это наука о пространстве коммуникации, или коммуникативном пространстве, это наука о том, как человек мыслит в коммуникативном пространстве, как его обживает и использует» [1, с. 457].

При понимании термина «проксемика» мы отдаем предпочтение определению российского ученого Крейдлина Г.Е. При этом, ряд ученых относит проксемику как науку, изучающую пространственные параметры человеческого поведения, к сфере паралингвистики. Объектом паралингвистики являются, таким образом, не только движения тела и звуковые характеристики речи (фонация), но и те динамические и статические ситуационные маркеры, которые вовлекаются в формирование конкретного речевого акта. В понятие же *ситуация* Колшанский Г.В. включает «совокупность реальных пространственных и предметных условий [50, с. 64].

Также представляется возможным рассматривать проксемику как единицу пространства, обладающую физическими параметрами, соответствующими характеру общения, которое коммуниканты сохраняют вокруг себя в качестве своеобразного рабочего пространственного объема коммуникативного акта, т.е. *проксема* – это пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения [51, с. 13].

Бейсембаева С.Б., Омиралиева Ж.К., Ешимов М.П. рассматривают проксемику в сфере паралингвистики.

Согласно Омиралиевой Ж.К., понятие *проксемика* включает расстояние между коммуникантами при различных видах общения и их векторное направление [8, с. 52]. Выделяет с учетом имеющихся классификаций следующие типы паралингвизмов:

- фонационные паралингвизмы
- кинематические паралингвизмы
- проксемические паралингвизмы

Расстояния между коммуникантами, по мнению Омиралиевой Ж.К., во время речевого общения определяются характером их отношений (офиц./неоф., интим./публич.).

В своем исследовании Ешимов М.П. отмечает, что *проксемика* – «адам мінез-құлқының кеңісіктегі параметрін қарастыратын ғылым саласы» [3, с. 32].

Различия в понимании термина наблюдаются и в российских лингвистических подходах. Это связано, прежде всего, с тем, что сам термин «паралингвистика» (от греч. *para* – около, возле, при + *лингвистика*) получил несколько интерпретаций у исследователей. Одни,

опираясь на идеи Трейгера Г.Л., придерживаются узкого понимания термина «паралингвистика», определяя его исключительно к звуковой сфере. Например, Николаева Т.М. дает паралингвистике статус околоролевых явлений. К ним она относит только те неречевые элементы, которые сопровождают речь, т.е. являются побочным продуктом речевой деятельности, бессознательным или конвенциональным, но при этом в достаточной степени информативным и структурно организованным [50, с. 115].

Колшанский Г.В. относит невербальные средства к околожыковым и считает нужным рассматривать их как паралингвистические средства, включая в систему паралингвистических средств как жесты и мимику, так и вопросительные, восклицательные знаки, многоточие, совокупности зрительных и слуховых факторов [50, с. 22-24].

Лабунская В.А. придерживается широкого понимания термина паралингвистика и к паралингвистическим средствам, выражающим невербальное поведение людей, относит такие явления телодвижения, как жесты рук, выражения лица, а также акустическую систему отражения, экстралингвистические структуры, тактильно-кинестезическую систему отражения и ольфакторную систему отражения.

Крейдлин Г.Е. относит к паралингвистическим средствам только звуковые коды невербальной коммуникации и предлагает сохранить термин паралингвистика лишь для обозначения звуковых и околослуховых явлений, а остальные подсистемы невербальной коммуникации разделить от паралингвистических средств и рассматривать как отдельные науки невербальной семиотики [1, с. 22].

На наш взгляд, классификация невербальных систем, предложенная Крейдлиным Г.Е., является более полной. Ученый к невербальным семиотическим подсистемам относит: паралингвистику, кинесику, гаптику, гастику, хронемиду и проксемику (см. рис. 4 стр. 23).

В нашей работе в понимании паралингвистических средств мы считаем целесообразным опираться на вышеизложенное и рассматривать невербальные средства, придерживаясь точки зрения Крейдлина Г.Е. Таким образом, под термином «паралингвистика» мы понимаем только звуковые явления, а такие невербальные поведения человека, как кинесика, окулесика, гаптика, гасстика, ольфакция, хронемика, системология и, в частности, проксемика считаем невербальным кодом

коммуникации. Следовательно, эти понятия можно включить в состав невербальной семиотики – еще более обширной области знаний, вбирающей в себя практически все невербальные элементы и явления, так или иначе влияющие на процесс общения.

Изначально проксемические исследования (Hall E.T), представляя в основном поверхностные исследования, были направлены на выявление сходств и различий в пространственном аспекте речевого общения у представителей лингвокультурных общностей с целью преодоления возникавших в этой связи недоразумений [24, с. 37].

Проксемика свидетельствует о том, что пространство, в котором протекает коммуникация, имеет определенную структуру, различающую оптимальные зоны для каждого конкретного вида общения. Различают четыре основные дистанции: интимную, личную, социальную и публичную.

Общепринятой классификацией проксеми, т.е. межличностных расстояний в пространстве признана классификация, предложенная Холлом Э., которая стала классическим примером, без нее не обходится ни одно исследование, касающееся пространственных отношений. Холл Э. выделяет 4 типа межличностных общений:

- интимная (15-45 см.): допускаются лишь близкие, хорошо знакомые люди;
- личная (15-120 см.): для обыденной беседы друзей и коллег;
- социальная (120-400 см.): обычно соблюдается во время официальных встреч в кабинетах;
- публичная (более 400 см.): подразумевает общение с большой группой людей.

Крейдлин Г.Е., усовершенствовав классификацию расстояний, включает дальнюю дистанцию. Как видно, расстояние между людьми от одной зоны к другой возрастает по мере того, как степень близости между ними уменьшается [1, с. 467].

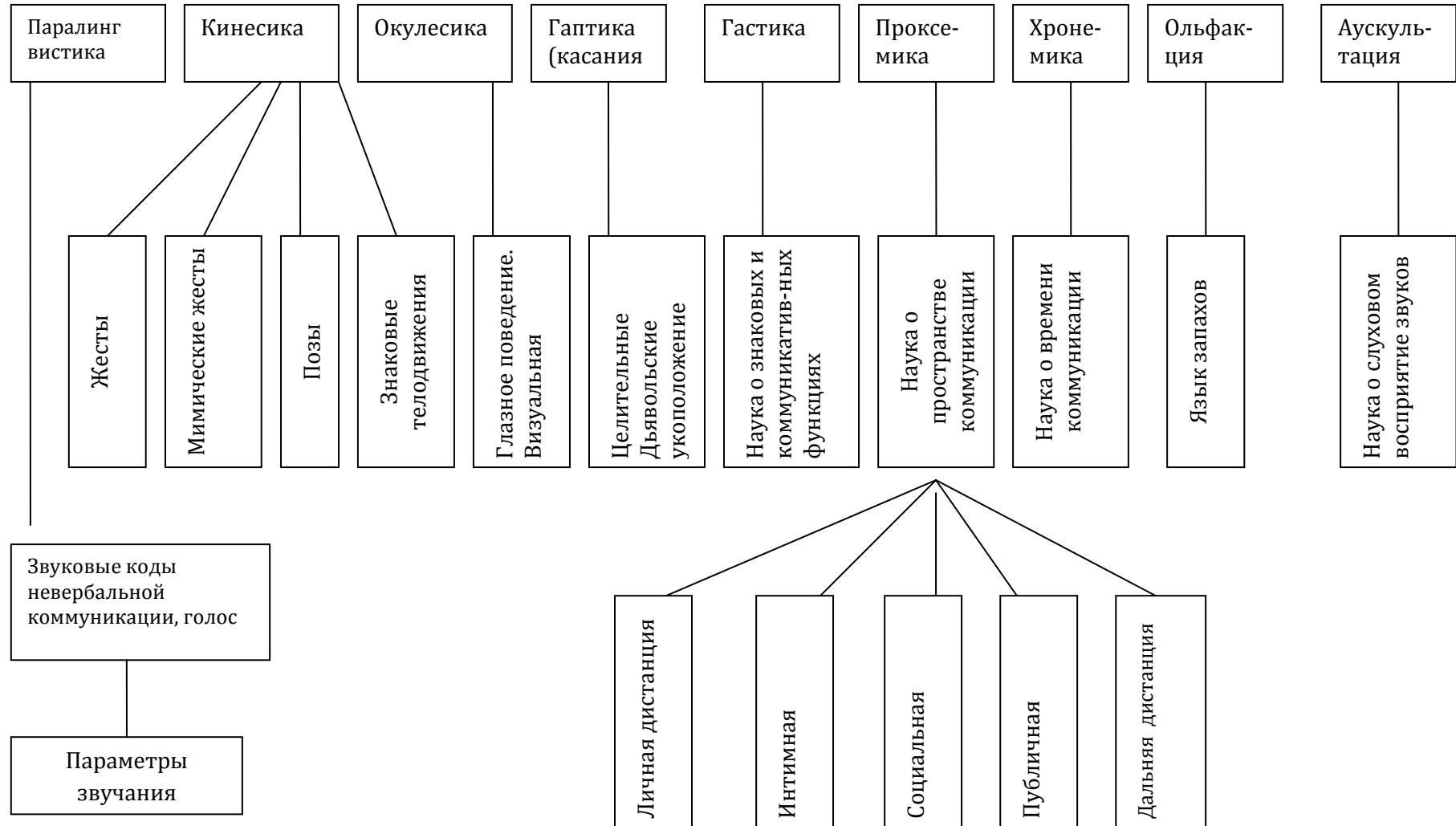

Рисунок 4 – Классификация невербальных систем (по Г.Е. Крейдлину)

В своих работах Холл Э., а вслед за ним Шатер Р., Шефлен А. и др. предлагают осуществить классификацию межличностных расстояний в пространстве диалога, на каждом из которых кинетическая активность и проксеминое поведение людей различаются, причем различие это функционально, социально, культурно или прагматически значимо.

Доказано, что ощущение территории человека является генетическим, и от него невозможно избавиться: чем сильнее человеку мешает чье-то приближение, тем больше в его крови вырабатывается гормонов борьбы. В такой момент человек, как правило, готовится к самозащите. Зоны интимной дистанции отличаются друг от друга в зависимости от той или иной культурной среды. Например, в западноевропейских культурах она составляет около 60 см. В культурах восточноевропейских народов эта дистанция меньше – приблизительно 45 см. В странах Южной Европы и Средиземноморья это расстояние составляет от кончика пальцев до локтя. Партнеры на этом расстоянии не только видят, но и хорошо чувствуют друг друга. Данная зона необходима человеку, чтобы сохранять ощущение уверенности в себе, внутреннего комфорта.

Для процесса коммуникации наиболее важным является личное пространство, непосредственно окружающее тело человека. Эта зона составляет 45-120 см, и в ней происходит большая часть всех коммуникационных контактов человека. На таком расстоянии физический контакт не обязателен. Это оптимальное расстояние для разговора, беседы с друзьями и хорошими знакомыми, общения на приемах, официальных вечерах и дружеских вечеринках. Личное пространство зависит от особенностей культуры и характера отношений между людьми. Например, в азиатских культурах личное пространство может зависеть и от кастовой принадлежности участников коммуникации. Обычно лица высшей касты находятся на принятой дистанции от лиц низшей касты. Исследования по вопросу коммуникационной проксемики, проведенные в семи странах Европы, показали, что для личного общения англичане используют больше пространства, чем французы и итальянцы. В свою очередь французы и итальянцы используют больше личного пространства, чем ирландцы и шотландцы, а армяне и грузины при общении располагаются ближе, чем эстонцы.

Незнание границ личной зоны при межкультурном общении приводит к межкультурному конфликту, поскольку люди разных культур испытывают дискомфорт при общении из-за незнания личной дистанции

своего собеседника. Так, латиноамериканцы обычно общаются, находясь в зоне для них – личной, а для североамериканцев – интимной. Поэтому первые считают вторых сдержанными и холодными [40, с. 164].

Личная дистанция также зависит, кроме прочего, от симпатии или антипатии собеседников. Чем больше симпатизируют друг другу партнеры по общению, тем меньше расстояние между ними, но и здесь сказываются межкультурные различия. Например, немцы общаются на большем расстоянии, чем русские, и чрезмерно близкое приближение русского немец может интерпретировать как вторжение в свое личное пространство и может ответить агрессивно. Североамериканцы предпочитают общаться в пределах личной и общественной зон, а жители Ближнего Востока и латиноамериканцы – в личной зоне, но у них она включена в интимную зону с точки зрения жителей США. Поэтому при общении американца и араба американец будет считать, что его собеседник вторгается в его интимную зону и будет стремиться увеличить дистанцию общения, а араб, напротив, будет стремиться сократить эту дистанцию. В результате американец посчитает араба навязчивым, а для араба американец будет холодным человеком.

Нарушение личного пространства – одно из самых больших культурных потрясений для американцев, приезжающих в Россию, когда им приходится ездить в общественном транспорте, стоять в очереди в магазине или просто общаться с русскими. Американцы очень неохотно садятся втроем на заднее сиденье автомобиля. Если в учебной аудитории достаточно места, американские студенты обязательно садятся через одно место друг от друга, в то время как русские сели бы рядом, чтобы не обидеть соседа.

Культуры, в которых предпочитают тесный контакт, характерны для регионов с теплым климатом, а те культуры, где люди предпочитают общаться на расстоянии и меньше соприкасаться физически, – с холодным. При этом представители индивидуалистических культур оказывают активное и агрессивное сопротивление в случае нарушения их личного пространства, в то время как представители коллективистских культур в таких случаях ограничиваются пассивным отпором.

Социальная зона – это то расстояние, которое поддерживается при общении с незнакомыми людьми или при общении с малой группой людей, т.е. такое расстояние принято при общении с людьми, которых мы

не очень хорошо знаем. Социальная (общественная) зона составляет 120-260 см. Она наиболее удобна для формального общения, поскольку позволяет ее участникам не только слышать партнера, но и видеть его. Поэтому такое расстояние принято сохранять при деловой встрече, совещании, дискуссии, пресс-конференции и пр.

Социальная зона непосредственно граничит с личной, и в ней, как правило, происходит большая часть формальных и служебных контактов. В этой зоне осуществляется общение учителя и учеников, начальников и подчиненных, обслуживающего персонала и клиентов и т.д. Здесь очень важно интуитивное чувство дистанции общения, поскольку при нарушении социальной зоны бессознательно возникают отрицательная реакция на партнера и психологический дискомфорт, которые также приводят к неудачным результатам коммуникации.

Публичная зона – это расстояние, предпочтительное при коммуникации с большой группой людей, с массовой аудиторией. Эта зона предполагает такие формы общения, как собрания, презентации, лекции, доклады и речи и пр. Публичная зона начинается с расстояния от 3,5 м и может простирается до бесконечности, но в пределах сохранения коммуникационного контакта. Поэтому публичную зону называют открытой.

Публичную зону коммуникации мы можем наблюдать во время совершения светских или религиозных церемоний, когда глава государства или глава религиозного института находятся на значительном расстоянии от большинства людей [40, с. 164-165].

Описывая коммуникативный акт, по мнению Крейдлина Г.Е. [1, с. 467], следует различать два типа расстояний: физическое и психологическое. Физическое и психологическое расстояния между участниками коммуникации происходит по своим законам. Это проявляется в языковом коде, например, в общих принципах и способах выражения речевых актов [70, с. 476], в словах, обозначающих эмоции; если, например, скучать по какому-то человеку можно, только когда он физически далеко от вас, то нерасположенность к кому-или чему-то – это нежелание быть с этим кем-то или чем-то в психологической близости.

Как известно, пространственная модель мира включает «горизонтальную» и «вертикальную» проекции [8, с. 23].

По мнению Омиралиевой Ж.К., мусульманская религия предполагает более абстрактную, всеобъемлющую картину мира. В ней не существует четких горизонтальных, вертикальных проекций, наблюдается система: Человек – Небо, Бог.

В пространственной картине мира казахов началом является небо. Что находит отражение в обрядовой мусульманской культуре, согласно которой при омовении и совершении пятикратного намаза руки возводятся вверх, все молитвы воздаются к небу [8, с. 24].

Даниленко А.И. в своей работе выделяет следующие принципы пространственной ориентации:

- принцип граничных свойств
- принцип симметрии
- принцип разбиения

Эти принципы он объединяет в систему, которую называет схемой ингерентных пропорций, которая строится из целого набора пространственных характеристик объекта, его очертаний и субстанциональных свойств, концептуализируемых вслед за этим с помощью параметров обозначения. Вторую систему называет внешней характеристикой. Эта система помогает человеку категоризировать в отношении пространства обозначаемые объекты в их граничных свойствах. И определяет тремя осями:

- вертикальная – протяжение вдоль линии свободного падения с точкой пересечения на поверхности земли или параллельной ей плоскости;
- горизонтальная – протяжение слева направо без естественного ограничения;
- перспективная – направление взгляда предполагаемого наблюдателя в сторону заданной ориентации [59, с. 60].

Гачев Г., характеризуя итальянскую пространственную картину мира, подчеркивает такие важные компоненты, как *вертикальность* (здесь Гачев Г. использует термин *статуарность*) и опускание. Вертикальность проявляется в том, что, например, *комната* – по-итальянски *stanza*, т.е. «стоянка», не как, например, по-французски *logement* «лежанка», а по-казахски бөлме – «разбиение» и т.д. [53, с. 12].

Пребывая в той или иной сфере коммуникативной деятельности [53, с. 39-49], человек может в зависимости от условий его взаимоотношений с внешним миром, находиться внутри естественных сооружений или

артефактов, или снаружи их. Пребывание людей внутри или снаружи офисов, домов, квартир, институтов, кабинетов и лекционных залов сопряжено с выполнением ими социальных функций, предписываемых социальной ролью. Такие места пребывания считаем целесообразным называть функционально-ролевыми. В функционально-ролевое пространство входят формализованные места пребывания (впереди/сзади, вверху/внизу, сбоку/в углу, слева/справа, в центре/с краю).

Каждое из функционально-ролевых мест пребывания имеет свои формальные наполнители. Особенно активно в такой роли используются в коммуникации формальные пространственные характеристики. Формальное пространственное положение коммуниканта способно служить средством выражений чувств, настроений, желаний (симпатий), антипатий. За каждой формальной проксемой закреплен определенный социально одобренный смысл.

В рамках социальной группы лицо пытается в качестве неформального лидера ставить себя в центр общего внимания. В центре внимания аудитории находятся выступающие с трибуны ораторы, пространственное местоположение которых (на определенном возвышении над аудиторией) позволяет им выделиться из сидящих в зале и привлечь к себе внимание слушателей. Находящиеся в аудитории также могут в определенной степени обратить на себя внимание своим месторасположением. Прежде всего это те, кто садится в центре, особенно в первых рядах. И, наоборот, те, кто хочет остаться незамеченным, «в тени», обычно садится сзади или сбоку. Часто это можно наблюдать на семинарских занятиях. Впереди или в центре располагаются те, кто хорошо подготовился к занятиям, а неподготовившиеся студенты стремятся занять места как можно дальше от преподавателя и по возможности не в середине. С краю садятся или стоят наблюдатели, болельщики, которые хотят наблюдать за событиями, но не быть их активными участниками. Следует признать, что болельщики на футбольных или хоккейных матчах обычно являются активными наблюдателями, непосредственно выражающими свои эмоции вербальными и кинесическими средствами, чувствуя себя в гуще событий, несмотря на местоположение с краю. Среди различных вариаций положения «с краю» выделяется позиция «с краю, в углу». Обычно ее занимают, когда хотят хотя бы на несколько минут отдалиться от окружающих и уйти в себя. Кроме того, данное положение – хорошая

позиция для наблюдателя за окружением, позволяющая при необходимости быстро включиться в коммуникацию.

Таким образом, положение впереди, в центре – активное участие в коммуникации; сзади, с краю – пассивный наблюдатель. Например, национальной спецификой обладает местоположение коммуникантов в условиях русского и немецкого общения. В этой связи следует упомянуть о традиционной немецкой привычке держать двери всегда закрытыми. Закрытые двери в зданиях учреждений, заведений, организаций ассоциируется у немцев с порядком и аккуратностью. В русском общении нет строгих правил относительно постоянно закрытых дверей помещений, в которых происходит речевое общение. Поэтому у русских, впервые посетивших немецкое учреждение, может появиться чувство обстановки секретности, таинственности и сопряженного с этим дискомфорта.

Коммуникативно используемые пространства находятся в прямой зависимости от возможностей передавать или воспринимать информацию по различным коммуникационным каналам. Определенную роль играет при этом сам тип коммуникатора (интраверт – экстраверт). В зависимости от этого фактора выделяются вариации в метрических параметрах проксемических зон. В немецком общении это выглядит следующим образом:

**Таблица 1. Метрические параметры проксемических зон
(в немецком общении)**

<i>Проксемические зоны</i>	<i>Параметры</i>
интимная зона	у интравертов – 0,4 м. до 1,5 м. у экстравертов – 0,3 м. до 0,5 м.
личная зона	у интравертов – 1,5 м. до 2 м. у экстравертов – 0,4 м. до 1,5 м.
социальная зона	у интравертов – 2 м. до 4 м. у экстравертов – 1,5 м. до 3 м.
публичная зона	у интравертов – 4 м. до границ слыш. у экстравертов – 3 м. до границ слыш.

Особое место в этой шкале занимают метрические характеристики проксемических интерперсональных дистанций в общении незнакомых и малознакомых людей. Как показывают наблюдения, незнакомые люди, желающие спросить о чем-то прохожего, приближаются к нему на несколько шагов, смотрят ему в лицо и останавливаются обычно так, чтобы не преграждать ему путь, но в то же время несколько задержать. Это характерно для общения как внутри зданий (в коридорах), так и снаружи.

Внутри функционально-ролевого пространства выделяются положения: наверху/внизу, впереди/сзади, справа/слева, близко/далеко. Положение впереди – позиция формального лидера. Его занимают коммуникаторы с высоким статусом: командиры воинских частей, руководители политических движений на различного рода манифестациях и митингах, в том числе президент, посещающий ту или иную страну и находящийся во главе делегации.

В формальных условиях положение «впереди» связано с определенными преимуществами (стоящие в очереди могут обратиться с соответствующей просьбой к продавцу, в политической реальности политик взаимодействует на таком уровне с избирателями, и те, в свою очередь могут попросить его ответить на вопросы и т.д. В практике политического имиджмейкинга это называется мирандой.

Позицию «сзади» занимают следующие за лидером, а также те, кто хочет укрыться от взглядов присутствующих. Тот, кто знает, что будет подвергнут жестокой критике на совещании, садится обычно назад.

Позиция «справа/слева» одна из разновидностей положения «с краю», позволяющая быстро сменить функционально-ролевое пространство.

Положение «наверху» в значительной степени сопряжено с выражением превосходства, может служить местоположением судей в зале суда, кресла которых обычно находятся на возвышении по отношению к скамье подсудимых, профессора, читающего лекцию студентам с трибуны. Социально одобренное возвышение происходит, например, в тех случаях, когда занявший на соревнованиях первое место спортсмен поднимается на верхнюю ступеньку пьедестала почета или когда победителя начинают качать, подбрасывая в воздух. Положение «впереди» или «наверху» – положение ведущих, политиков-лидеров, а позиция «сзади», «внизу» – побежденных, ведомых.

Позицию «близко/далеко» коммуниканты занимают в зависимости от характера речевого общения и, в соответствии с распределением коммуникативного пространства по пяти проксемическим зонам.

Умение выбрать адекватное для собеседников расстояние при общении – важная предпосылка его эффективности. Неадекватное использование зон собеседника гарантирует трудности налаживания контакта и взаимопонимания.

При этом особый интерес проксемическое поведение вызывает в политической коммуникации. Умение общаться, не вторгаясь в интимную зону, является актуальной задачей политика, проводящего множество встреч с избирателями. Любое нарушение интимной зоны человека влечет за собой некоторые психофизиологические нарушения в его организме. У него начинается быстрее биться сердце, выделяется адреналин, кровь приливает к голове, напрягаются мускулы; человек физически готов к драке или к какой-либо агрессивной выходке. Нарушение оптимальной дистанции общения воспринимается партнерами негативно, и они пытаются ее изменить, что приводит к возникновению эффекта «движущегося общения» [54, с. 30].

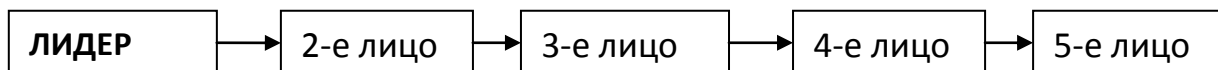
Данные исследований, подтверждающих негативное влияние воздействия на чужое пространство, предполагают необходимость учета коммуникативной дистанции при ведении политической агитации.

Учитывая тот факт, что выбор оптимальной дистанции в общении во многом зависит от национально-этнических и ментальных признаков, специалисты разных стран в области создания имиджа предлагают различные варианты стратегий при осуществлении непосредственного контакта с избирателями. Американские политики стремятся ассимилироваться в толпе своих избирателей, идут на активный контакт, зачастую даже внедряясь в интимную зону. Подобное нарушение интимной зоны избирателей возможно потому, что люди готовы пожертвовать своим интимным пространством только лишь из-за социального престижа кандидата и удовлетворения собственных амбиций – пожать известному политику-кандидату руку, прикоснуться к нему, рассмотреть его вблизи. В последние несколько десятилетий такой тесный контакт с электоратом стал нормой в американских предвыборных кампаниях и придает, по задумке имиджмейкеров, их кандидатам открытость, добродушие и «простонародность».

Не менее интересная типология представлена в книге «Язык подсознания», которая отражает более сложный уровень взаимодействия политика с избирателями. Согласно этой типологии, политик взаимодействует не как индивид, а как член макрогруппы. Общение происходит на нескольких уровнях пространственного размещения, что делает коммуникацию более эффективной. В классификации Холла Э. все построено на вертикально-горизонтальном контексте, а в данной типологии основной принцип – полифоничность, многофакторность расположения политика и его окружения. Здесь выделяются пять типов пространственного размещения, т.е. способа передвижения:

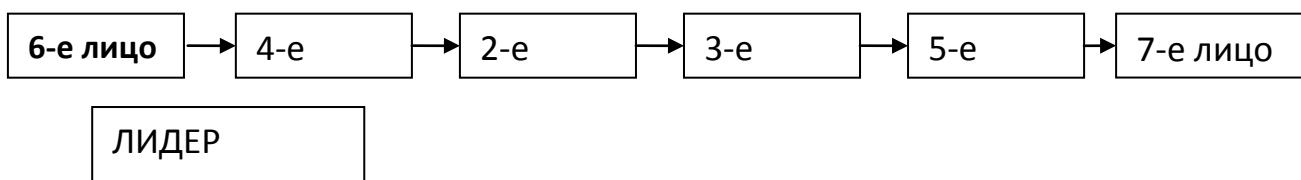
1. Строй
2. Фаланга
3. Клин
4. Таран
5. Лук

Строй – ситуация, когда лидер идет вместе со своим окружением в одной цепи. Звенья цепи сохраняют в строю ближнюю территорию общения (2,0-2,5 м). При этом в строю сохраняется иерархия: первым идет лидер. За ним его заместители, затем третье лицо и т.д.:

Фаланга – лидер идет впереди. За ним идет окружение. В центре ряда, непосредственно за лидером, располагаются вторые, третьи, четвертые лица. Далее по краям ряда по рангам, с тенденцией к уменьшению:

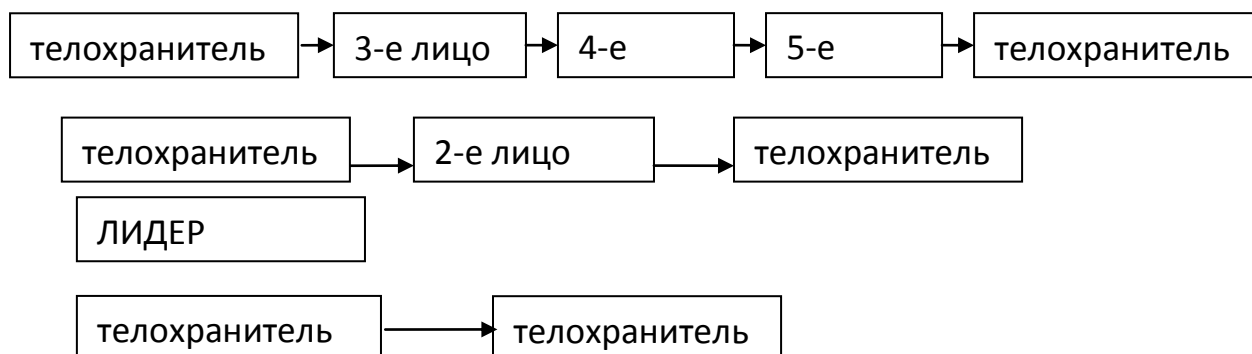
Один из вариантов фаланги – когда лидер находится в центре ряда:

Один из вариантов фаланги – когда лидер находится в центре ряда

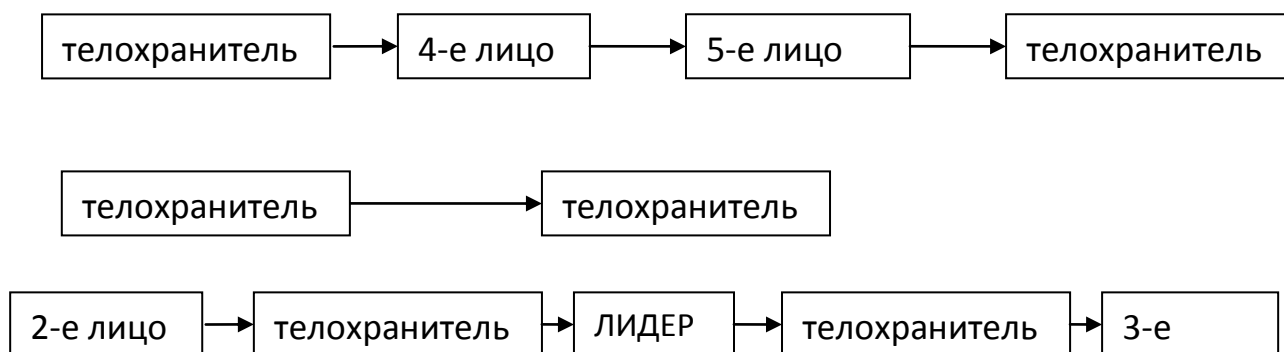
Клин – это, когда лидер идет первым. Он – острая клина. По сторонам и на шаг сзади два ближайших приближенных (телохранителя) и далее в соответствии с рангами:

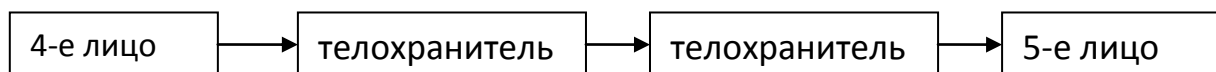
Клин, так же как и предыдущие способы передвижения, имеет свои разновидности. Так, впереди и сбоку от лидера могут двигаться один или два телохранителя. Обычно это бывает в кризисных ситуациях или когда охране необходимо проложить дорогу для лидера в толпе.

Таран – лидер, его заместитель, три или четыре охранника идут впереди на одной линии за ним. За ними плотной колонной, попеременно следует ближайшее окружение – третьи, четвертые лица и далее соответственно статусам.

Этот способ передвижения у нас в стране применяется относительно недавно и у лидеров партий определенной направленности:

В напряженных ситуациях этот способ передвижения еще более усиливается. При этом лидер оказывается в плотном кольце телохранителей:

Обилие телохранителей повышает не только чувство собственной значимости политика, но и его важность и ценность в глазах избирателей. Крайне редко это вызвано необходимостью повышенной безопасности ради обеспечения личной безопасности.

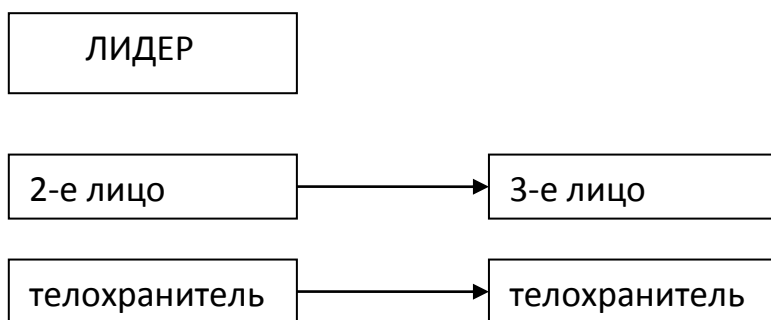
Лук – крайне редко встречающийся способ передвижения политиков. При движении политик и его команда образуют полукруг.

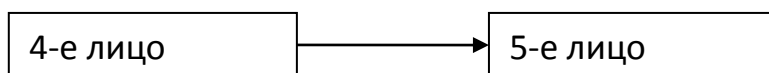
Политик находится в центре дуги, за его спиной находятся последователи. Ближайшие соратники и телохранители составляют дугу лука по обе стороны от политика.

Лук, по сравнению со всеми предыдущими способами передвижения, более мобилен и при необходимости может легко трансформироваться в любой из них.

При таком передвижении лидер сохраняет способность выдвигаться вперед (к народу) и возвращаться назад. А охрана политика сохраняет возможность держать ситуацию под контролем.

Подразумевается, что при «задушевном» общении с народом дуга лука превратится в круг, заполненный восторженными фанатами лидера.

Существует иная типология проксемических средств коммуникации (Панфилова А.П., Хинд Р., Купер К.), которую можно назвать статической или горизонтальной, так как участники невербального коммуникативного процесса сидят. Различают четыре позиции за рабочим столом:

- Угловое расположение
- Кооперативная позиция
- Конкурирующе-оборонительная
- Независимая позиция

Угловая позиция подходит больше всего для дружеской беседы, хотя также возможно применение в деловой сфере. Эта позиция способствует постоянному контакту глаз и создает условия для жестикуляции, не мешающей партнеру, позволяет наблюдать друг за другом. Угол стола служит частичным барьером: в случае агрессивного поведения собеседника можно отодвинуться дальше, в ситуациях взаимопонимания – сблизиться. При этом территориальное разделение стола отсутствует.

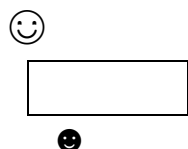

Рисунок 5 – Угловая позиция коммуникантов

Кооперативная позиция необходима для непосредственного взаимодействия и является оптимальной для совместного решения различных задач, поскольку при обсуждении проектов, чтобы понять действия других людей, нужно сидеть рядом.

Рисунок 6 – Кооперативная позиция коммуникантов

Конкурирующе-оборонительная позиция – положение партнеров друг против друга, что создает атмосферу соперничества, при которой каждый из участников взаимодействия жестко ведет свою линию, отстаивает свою позицию. Стол между ними становится своеобразным барьером. Достичь

компромисса при такой посадке очень трудно, и возможен конфликт. Одновременно такая проксема может свидетельствовать о субординации. Разговор носит деловой характер. Однако можно заметить, что политики довольно часто применяют эту позицию при переговорах, что означает равноправную позицию и способствует конструктивному общению.

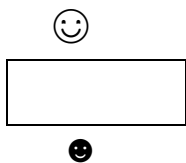

Рисунок 7 – Конкурирующе-оборонительная позиция коммуникантов

Независимая позиция свидетельствует о нежелании людей взаимодействовать, например, на деловом совещании или лидер может создать такую проксему, пересадив человека, с которым не желает поддерживать контакт.

Кроме вышеуказанных проксем, форма стола имеет значение при взаимодействии политического лидера с подчиненным.

Квадратная форма – наиболее оптимальный тип стола для проведения коротких деловых совещаний (президент-подчиненный).

Прямоугольный стол – тип стола, предназначенный для партнеров одинакового социального статуса. Главенствующим местом считается то, на котором сидит человек, обращенный лицом к двери.

Круглый стол – создает атмосферу неофициальности и непринужденности, и за ним лучше всего проводить беседы людям, равным по рангу.

Другой вариант пространственной организации представлен Кнаппем М.Л., который выделяет четыре варианта посадки людей: для передачи односторонней информации возможны вопросы и ответы как во время лекции или собрания.

Коммуникатор, находящийся перед аудиторией, сидящей рядами друг за другом. Такая позиция неудобна, так как существует физический дискомфорт, вторжение в интимную зону, недостаточная видимость и слышимость коммуникатора, большие трудности в установлении обратной связи. Такая рассадка часто используется при организации больших конференций.

- Групповое принятие решений – это, по мнению автора, оптимальная рассадка для брифингов, микроконференций, деловых совещаний и т.д.

Главное преимущество такой рассадки – возможность все видеть и все слышать. Глядя на партнеров, можно считывать не только вербальную, но и невербальную информацию. Кроме того, такая позиция соответствует статусу «лидера».

- Переговоры, коммерческая проксема. Этот тип проксемы используется в основном в деловой сфере и оргпсихологии.

- Тип предназначен исключительно для проведения презентаций и различного рода демонстраций и соединяет в себе все предыдущие три типа.

По мнению имиджмейкеров, для демонстрации фильмов об истории фирмы, представления участников лучше воспользоваться первым типом; организацию встреч с деловыми партнерами лучше проводить по второй схеме; третий вариант хорош для подписания различного рода протоколов и договоров.

Если необходимо создать неформальную атмосферу, то можно воспользоваться комбинацией второго и третьего типов. Но необходимо учесть: в неформальной обстановке лучше себя чувствуют те, кто сидят спиной к стене. У людей, сидящих спиной к входной двери или к окну, повышается давление. Поэтому оптимальная позиция: лидер сидит в центре стола и обязательно спиной к стене.

По мнению ряда ученых, можно выделить три вида территории разных размеров (в отличие от введенных выше зон пространства), а именно: 1) персональное пространство. Это есть область, которую индивид обустроивает вокруг себя, в которую нельзя вторгаться, не вызывая его дискомфорт. 2) персональная территория значительно больше. Ею индивид владеет, использует ее и контролирует, например, дом, сад, автомобиль; временные территории (комнаты в отелях, столы в библиотеках, столы и кресла в ресторанах и т.д.); 3) территория пребывания группы (hote iеггігогу) есть область, которая во всех других условиях является общественной и используется группой [7, с. 11].

Обзор и анализ пространственных отношений коммуникации показал, что они многоуровневые и включают в себя не только горизонтальную типологию, но и вертикальную, а также весь арсенал невербальных средств как жесты, позы и т.д. Таким образом, необходимо учитывать

возможности опоры на невербальные компоненты познавательных процессов.

Как известно, наиболее важные для человека информационные каналы – это зрительный (визуальный), слуховой (аудиальный), а также кинестетический, несущий информацию о положении собственного тела в пространстве и об изменении этого положения. Удельный вес информации, воспринимаемой другими органами чувств незначителен. В обычных условиях большую часть информации о мире мы получаем зрительным путем. Наши наблюдения показали, что проксемное воздействие на собеседника происходит также через зрительный канал.

Изучив различные классификации, мы, в свою очередь, осуществили собственную классификацию проксем:

- по характеру воздействия на воспринимающего – проксемы визуальные, визуально-акустические, визуально-тактильные (*алдымнан шығып, шыла навстречу* – визуальные, *бері кел, иди сюда* – визуально-акустические, *құшақтай алып, обнял* – визуально-тактильные);
- по характеру исполнения проксем различными частями тела – соматические (*бетпе-бет, қолтықтап, лицом к лицу, рука об руку*);
- по гендерно-родовому признаку мужские (*малдас құрып отыру, шынтақтап отыру*) и женские (*аяғын созып отыру немесе аяғын жиып отыру*);
- по семантическому признаку описательные и экспрессивные (*ортасында, в центре* – описательные, *құшақтай алып, обнял* – экспрессивные);
- по морфологическому признаку (глагольные проксемы (*приблизались, отошел*), наречные проксемы (*жақында, алда, артынан, поблизости, впереди, сзади*), проксемы-предлоги (*за, к, перед*) только в русском языке, а в казахском языке падежные аффиксы, служебные слова, союзы (*қарай*), специфические проксемы (*малдас құрып отыру*);
- по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем (индивидуальные, взаимные и индивидуально-взаимные).

Индивидуальные проксемы исполняются одним из коммуникантов. Для иллюстрации приведем следующую ситуацию: *Жалғыз жүрген жолды көңілсіз көріп, алдыңғы жағында кетіп бара жатқан екі аттыны әдейі аңгімелесіп отыру үшін құып жеткен екен. Ему скучно ехать одному, и вот он догнал путников, чтобы поболтать с ними (Ауэзов М., Путь Абая).*

При исполнении взаимных проксем участие принимают оба коммуниканта. Например: *Осы жайды көріп, болжай сала, Абай мен Ғабитхан екеуі қатарынан Кәмшатқа созылды. Абай и Габитхан сразу бросились к малютке (Ауэзов М., Путь Абая).*

В исполнении групповых или индивидуально-взаимных проксем участие принимают несколько лиц. Например: *Үшеу-төртеуі тұтас кіріп, сәлем берісті. Все четверо вошли вместе и в один голос отдали сәлем (Ауэзов М., Путь Абая).*

Также в зависимости от пространственного расположения коммуникантов мы предлагаем различать проксемь статические и динамические.

Статические проксемь – это положение какого-либо субъекта по отношению к другому или другим. Например, *Жаңағы шешелерден басқа: жеңгелер, көрші үйлердің қатындары, бірін-саран тыста жүрген шалкемпір, онан соң осы ауылдың барлық үйлерінен шығып (етістік), жүгірісіп келіп жатқан (етістік-глагол) балалар бар. Подошли многочисленные невестки и женщины соседних юрт, несколько старух и стариков, копошившихся поблизости; примчались со всех ног мальчишки (Ауэзов М., Путь Абая).*

Динамические проксемь – это различные формы движения одного субъекта относительно другого или других субъектов реальной действительности. Например, *Ыңғайсыздықпен қылысып қалған бала, шешесінің сондайлық салқын сабырының мәнін ұқты да, әкесіне қарай тез бұрылды. Смущенный своей оплошностью, мальчик пошел к отцу (Ауэзов М., Путь Абая).*

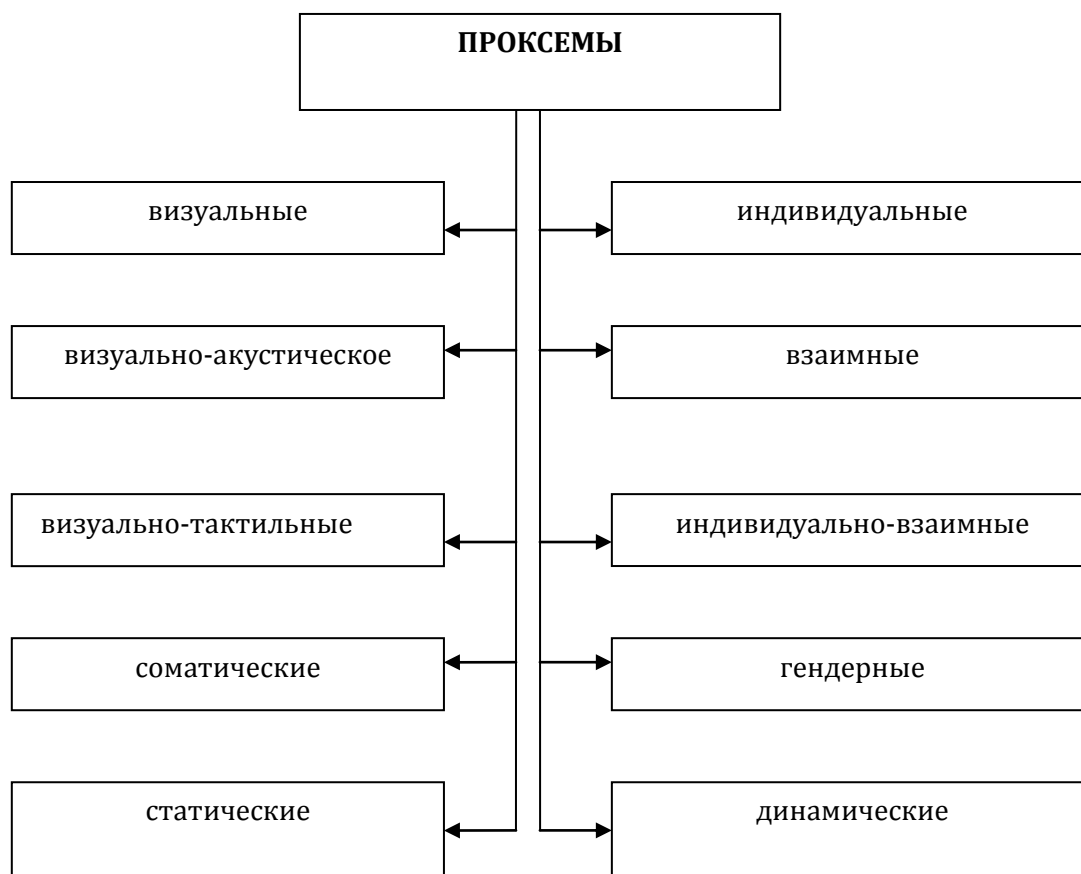

Рисунок 8 – Классификация проксем

Основной функцией проксемии, как мы отмечаем, является невербальная коммуникация. Как гласит одно из наиболее распространенных определений, проксема – это «пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения» [2, с. 78].

Приняв данное определение проксемии, можно уточнить статус ряда проксемного поведения в их отношении к параязыку. Так, очевидно, что проксемии, являющиеся составной частью какого-либо физического действия, не осложненного семиологическим содержанием, не могут быть отнесены к паралингвистическим.

Таким образом, под наше определение нельзя подвести разнообразные движения тела: беспорядочные движения во время устной словесной беседы или монолога, действия без цели назначения (*присесть на стул*), чисто рефлексивные движения (*отшатнуться, вздрогнуть от неожиданности*).

Трудно предположить, что данные движения подчеркивают мысли говорящего и помогают их понять собеседнику, это касается также сугубо индивидуальных каких-либо движений во время беседы. Эти разнообразные ненормированные телодвижения не имеют сколько-нибудь четкой значимости, и их не следует приравнивать к семиотически полноценным проксемам и смешивать с ними. Нельзя отнести к семиотическим единицам также обычные движения и передвижения человека, направленные на достижение какой-либо цели, так как это не знаки. В данных случаях нет обозначаемого, и, что следует из этого, нет обозначения, отсутствует сообщение.

Кроме перечисленных проксемических зон, проксемика также рассматривает персональное пространство, стереотипные формы поведения в пространстве. Проксеми создаются при помощи телодвижений в пространстве, где коммуниканты занимают какое-то место относительно друг друга и окружающих предметов, задают своему телу направление движения, при этом сохраняя за собой право на пребывание в конкретном пространстве.

Итак, пространство заполнено субъектами, которые располагаются в нем относительно друг друга. Так, один субъект (X) может быть локализован выше/ниже, впереди/сзади, слева/справа, далеко/близко, наверху/внизу и т.д. от другого субъекта (Y). Эти разнообразные пространственные отношения между коммуникантами в языке выражаются, прежде всего предложениями и наречиями.

Когда сын подошел ближе, она взглянула на него, и сердце ее болезненно сжалось.

И чем дальше уносили их кони, тем крик ее становился жалобней и отчаянней, как вопль тонущего или горящего на костре.

Скоро он стал спать рядом с Барласом, а днем старался услужить ему, как только умел.

Отряд Кунанбая был уже совсем близко.

Кунанбай стоял с несколькими стариками поодаль, позади Гостиной юрты.

Позицию «близко-далеко» коммуниканты занимают в зависимости от характера речевого общения и в соответствии с распределением коммуникативного пространства по пяти проксемическим зонам.

Умение выбрать правильное для собеседников расстояние для общения – важная предпосылка его эффективности. Неадекватное

использование зон собеседника гарантирует трудности налаживания контакта и взаимопонимания.

Нет никаких сомнений в том, что язык – основа нашей коммуникации. Именно он позволяет репрезентировать наши мысли, идеи в тексты, накопление, хранение и передача которых от одного поколения другому есть важнейшая предпосылка существования культуры. Однако в своем общении информацию мы передаем не только при помощи слов и предложений. Поэтому предметом данного подраздела будет передача национально-культурной информации при помощи проксемических средств.

§ 1.3 Проксемические средства передачи национально-культурной информации казахского и русского народов

Национально-культурная информация в текстах привлекала внимание многих ученых в разных отраслях лингвистики, начиная с Гумбольдта В. в XIX в. и заканчивая представителями таких сравнительно молодых лингвистических наук, как лингвокультурология и теория межкультурной коммуникации. Сюда относятся исследования в области психолингвистики: Леонтьев А.А., Лурия А.Р., Петренко В.Ф. и др.; социолингвистики: Гамперц Дж.Д., Фишер Дж.Л., Хаймс Д.Х., Эрвин-Трипп С.О. и др.; этнолингвистики, этнопсихолингвистики: Крюков А.Н., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А и др.; лингвокультурологии: Снитко Т.Н., теории межкультурной коммуникации: Рот Ю., Коптельцова Г., Kelz Н.Р., Голышева В.Г., Стернин И.А., Рёш О. и др. Особое место в исследовании национально-культурной информации занимает теория лингвистической относительности американских лингвистов Сепира Э. и Уорфа Б., которая до сих пор вызывает массу возражений, и тем самым дает постоянный толчок к разработке проблемы, обозначенной в лингвистике как «язык-мышление-культура».

Обзор теоретической литературы по проблеме изучения национально-культурной информации позволяет говорить о том, что связь национальной культуры и языка происходит посредством сознания человека. Сознание – система понятий, отражающая весь предшествующий опыт данного общества. В этом проявляется общественная природа значений и сознания. Наряду с общественным

опытом отдельная личность имеет свой индивидуальный опыт жизнедеятельности, который обуславливает индивидуальное сознание личности. В национальном сообществе индивидуальное сознание подвергается воздействию общественного сознания, что находит своё отражение в существовании у всех представителей данной нации специфичных логической и языковой картин мира.

Языковая картина мира является промежуточным звеном между объективной реальностью и логической картиной мира. Языковая картина мира одной нации отличается от языковой картины мира другой нации в силу различий у этих наций логических картин мира и в силу существования периферийных участков в языковых картинах мира, детерминированных структурой языков. Проявлениями национальной специфики языковых картин мира у разных народов в целом, и образного мышления в частности, являются языковые лакуны, особенности лексического состава языка, различия во фразеологии, метафоризации окружающего человека мира, в ассоциативных реакциях.

Своеобразие грамматического строя отдельного национального языка обусловлено существованием наряду с универсальными логическими формами мышления (понятиями, логемами, логическими цепями) национальных семантических форм мышления. Особенности грамматики конкретного национального языка могут быть описаны в рамках десяти параметров семантических форм мышления, единых для всех языков:

- степень расчлененности содержания при отражении действительности;
- степень самостоятельности отражаемого содержания;
- распределение совокупного содержания мысли между её компонентами (расположение структурной границы между содержаниями соотнесённых между собой компонентов);
- характер охвата отражаемого содержания;
- порядок следования компонентов мысли;
- система отношений между компонентами мысли;
- направленность отношений между компонентами мысли;
- собственно отношение между компонентами мысли;
- степень структурной полноты мысли;
- степень повторяемости содержания.

Данные десять параметров находят выражение в различных грамматических средствах языка. Параметры национальных

семантических форм мышления едины для всех языков, а различия в грамматическом оформлении данных параметров обуславливают различия в грамматическом строе определенных языков. Таким образом, национальная специфика проявляется в языковом (а именно – грамматическом) выражении каждого из параметров.

В последнее время в связи с увеличением интенсивности межъязыковых и межкультурных контактов особое внимание лингвистов и социальных психологов направлено на изучение процесса общения представителей различных культур. Проблема межкультурного общения, как и проблемы речевого общения напрямую связаны с темой языкового сознания. Тарасов Е.Ф. считает, что «общность языковых сознаний является необходимой предпосылкой речевого общения, неполная общность является основной причиной коммуникативных конфликтов – непонимания партнерами друг друга – и есть следствие их принадлежности к разным национальным культурам» [56, с. 67].

Национально-культурная специфика речевого общения складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной культурной общности. Все эти отличия связаны с географическим положением республики, жизнедеятельностью, историей, традициями, обычаями. Представление об окружающем мире каждым народом выработаны веками, они находят отражение в семантике языковых единиц. Так, овладевая языком и значением слов, носитель языка одновременно воспринимает и особенности культуры, пользующейся этим языком [55-56].

Повышенное внимание к национально-специфическому характерно и для научно-методических исследований, в которых контакт культур наиболее выразительно чаще всего также представлен через «конфликт» культур [134], а коммуникативное поведение русских, например, через контрастивное описание его единиц на инокультурном фоне [57, с. 17]. Как «общение с Чужим» трактуется межкультурная коммуникация и в программе курса «Основы теории межкультурной коммуникации». Отмеченная ориентация на различия характерна, разумеется, не только для отечественных научных и методических теорий. Так, прежде всего на учет социокультурных различий обращается внимание и в концепции обучения иностранным языкам, принятой в свое время Советом Европы:

«чувствительность к социокультурным различиям является неперенным условием эффективности коммуникативного взаимодействия с носителем другого языка».

Концепция культуры получила наиболее полное свое воплощение в теории лингвострановедения, разработанной Костомаровым В.Г., Верещагиным Е.М. и их школой. В основе этой теории лежит ориентация на учет национально-специфического в контактирующих культурах. При этом единицы культурной информации отбираются не только по принципу национальной специфичности, но и по принципам типичности, повторяемости, фиксированности в текстах культуры. Презентация этих единиц в конкретных учебных комментариях предполагает нейтрально-описательный способ подачи материала: в таких ситуациях русские ведут себя (говорят) только так, обычно так, иногда так, никогда так не ... и т. п. [58, с. 36-42].

Однако на жизнеспособность обсуждаемой концепции культуры в лингводидактике второй половины XX в. влияли не только научные идеи, но и геополитические условия. В тогдашнем идеологическом противостоянии двух систем по оси Запад – Восток (читай: капитализм – социализм) национально-специфическое в культурах почти неизбежно ассоциировалось с идеологически-специфическим и легко им подменялось.

В такой ситуации в сферу культуры прямо или косвенно вовлекались и политические и экономические особенности развития того или иного народа. Но к концу XX в. затянувшиеся на десятилетия внешние «культурные игры» привели, наряду с другими факторами, к серьезным внутренним противоречиям и на Востоке, и на Западе: к распаду СССР, к более или менее напряженным внутригосударственным национальным отношениям в некоторых странах (напр., Испания, Великобритания, Бельгия, а теперь и Франция), серьезно стимулировали антиглобалистские движения.

К началу XXI в. противостояние разных идеологических систем оказалось разрушенным. Сегодня в универсальные процессы глобализации вовлечены все страны, все народы, все культуры. В самом деле, почти в каждой стране можно встретить «Макдональдсы» и «Бургеркинги»; одинаково оформленные и одинаково обслуживаемые супермаркеты и модные бутики; одни и те же лица на глянцевых обложках журналов, одни и те же (по существу) передачи по телевидению; наконец,

почти одинаково одетых студентов с похожими рюкзаками за спиной. Универсальные условия и ситуации вынуждают людей вести себя в них и реагировать на них если не одинаково, то узнаваемо.

Очевидно, что под угрозой оказывается именно функционально-поведенческая составляющая национальных культур, которой грозит или исчезновение, или переход в карнавальную сферу, превращение в инсценировку и китч.

Понятие *культура* является весьма распространенным в лингвистике и имеет несколько десятков определений, многие из которых являются взаимоисключающими. Многообразие мнений и суждений о культуре обусловлено прежде всего многогранностью феномена культуры.

Культура в системе общественных отношений выступает как самое сложное и многогранное явление, общественный феномен, представляющий собой совокупность материальных и духовных ценностей, созданных как результат деятельности творцов истории.

Субъектом культуры выступают самые различные социальные общности людей – классы, нации, разного рода социальные образования и институты. Существуют классовая культура, культура национальная, городская и сельская культура. Классы, нация, профессиональные общности людей как социальные субъекты по-разному в соответствии со своей социальной природой участвуют в производстве и потреблении ценностей культуры. Все они обладают специфическими особенностями и представляют интересный объект исследования.

Своеобразие нации как субъекта культуры определяется спецификой нации в системе исторических общностей.

Осознание того, что во многом поведение каждого человека обусловлено его национальной культурой, привело к повышенному вниманию к разным культурам и их сопоставлению. Наиболее известными является классификации культур Холла Э. и Льюиса Р.Д., в основе которых лежат особенности восприятия времени и пространства, отношения к ним, а также роль контекста при взаимодействии людей.

Холл Э. различает культуры монохронные и полихронные. Похожая классификация и у Льюиса Р.Д., который условно делит культуру мира на три типа: моноактивные, полиактивные, реактивные. Более подробно изложено в монографии Льюиса Р.Д. «Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию».

Для теории межкультурного общения важное значение имеет выделение Холлом Э. высоко- и низкоконтекстуальных культур. В основу кладется их отношение к контексту, под которым понимается информация, окружающая и сопровождающая событие, т.е. то, что вплетено в значимость происходящего. При высококонтекстуальном общении большая часть информации уже известна человеку и лишь незначительная ее часть представлена в словах (закодированном, выраженном внешне способе коммуникации). Низкоконтекстуальное общение представляет собой прямую противоположность: большая часть информации передается знаковыми (звукобуквенным) кодом. Для представителей высококонтекстуальных культур многое сказано и определено невербальным контекстом: статусом, иерархией, пространством [24, с. 108].

По мнению Дмитриук Н.В., при контакте представителей разных лингвокультурных общностей выясняется, что, даже владея языком собеседника, носители разных национальных культур действуют по «своим» моделям поведения, употребляют «свои» кинесические и проксемические системы, опираются на «свои» культурные знания. Поэтому взаимодействие представителей разных лингвокультурных и этнических общностей осложняется, кроме языковых, такими компонентами культуры, которые являются национально-специфичными [59, с.47].

К числу таких компонентов относятся национальные традиции (устойчивые элементы культуры, обычаи (традиции в соционормативной сфере культуры), быт, повседневное поведение (принятые в определенном социуме нормы общения), национальные картины мира, отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления психики самих представителей национальных культур и, наконец, национальное искусство, отражающее специфику национальной культуры в целом.

Согласно лексикографическим источникам, части тела первоначально были «инструментом измерения пространства» для передачи расстояния типа «совсем близко», «далеко», например, *рукой подать, под носом, қол созым жер, иек астында*.

Способы измерения расстояния у разных народов специфичны. Например, для русского народа свойственно осваивать пространство зрительно, хотя при измерении площади наделов в русских деревнях

исстари использовался голос, *переклики*, небольшое расстояние, на котором слышен голос. Определение расстояния голосом характерно для многих народов, к примеру, на Украине расстояние определялось степенью слышимости *воловьего рыка, ржания лошади*, для восточных народов эталоном меры расстояния служило петушиное кукарекание. Известны способы измерения пространства топором, веревками, заступами, при помощи табачного дыма *путь на два сука*, (расстояние при котором можно выкурить две трубки). Данными измерениями расстояния пользовались и в Англии.

Следует отметить, что единицы и средства измерения расстояний у многих народов совпадают. Мокиенко В.В. приводит интересные способы измерения расстояния, которые существовали в прошлом и до сих пор употребляются в речи. Пожалуй, самым древним способом измерения пространства было *вержение камня* – расстояние на бросок камня, выражение характерно для церковнославянского языка. В польском, чешском и болгарском языках выражения: *камнем добросить, всего один бросок камнем* имеет переносное значение *рукой подать*. Были попытки установить размер данного броска. Крестьяне Брянщины использовали в своем лексиконе *шибавище* (*шибать – бросать, кидать*), на Смоленщине использовалось *метавище* (*метать*), украинское слово *кидъ* (*кидати*).

Мокиенко В.М., рассматривая данные выражения как меру, заметил, что «расстояние брошенного рукой камня издревле считалось вполне приемлемым мерилем пространства», например, «*ширина реки человеку камнем бросити*» (Хождение купца Федота Котова в Персию, XVI в.), «*Тамо под городом есть гора плоска камена... от города каменемъ кинути*» (Книга нарицаемая Козмография..., XVII) и т.д. [60, с. 63].

Наряду с камнем, брошенная кем-то палка тоже служила измерительным прибором. Выражение *палкой бросить, палкой как добросить*, указывает на небольшое расстояние и используется по сегодняшний день. В казахском языке есть аналогичные выражения *таяқ тастам жер* (расстояние брошенной палки). Человек использовал не только простые бытовые предметы, которые находились под рукой и не требовали больших усилий. Следует заметить, что «с развитием метательной техники меняются единицы измерения расстояния» [60, с. 64]. «Мирные измерительные» приборы *камень, палка* сменяются на *пушенную стрелу, пушечный выстрел, на перелет стрелы*, (слово *выстрел*

имеет корень *стрел*). Например, как известно, стрела является измерительным пределом и расстояние равно примерно 60-70 м. *Күнұзын аттан да түспей, өзге жүргіншілерден оқ бойы алда отырған* [25, 17 б.].

Весь день он подгонял коня, держась впереди провожатых на расстоянии пущенной стрелы [26, с. 13].

Мокиенко В.М. обращает внимание на то, что расстояние зависит от того, какой выстрел был произведен: *лучный выстрел* или *пушечный выстрел*. Если раньше данное выражение употреблялось в прямом и переносном значении, то сейчас оно имеет обобщенное значение *не подпускать, не иметь ничего общего* и т.д. Итак, выражение *на пушечный выстрел* имеет значение *крайне далеко*, в казахском языке *оқ бойы* соответствует данному значению. Но в основном у русских доминировали зрительные способы измерения расстояния, при помощи «глаз», казахи же определяли расстояния преимущественно акустически, при помощи «голоса», звуков, что подтверждается во фразеологических оборотах, пословицах и поговорках. Например, казахские выражения: *Әу дем жер* (100 м.), *шақырым* (1 км.), указывают на присутствие акустических данных при определении протяженности.

Исследование проксемика показывает, что доминирующим принципом мироизмерения в русской языковой картине мира является принцип антропоцентричности, иными словами, мерой измерения пространства и параметров предметов является сам человек. Великий философ античности Протагор провозглашал: «Человек – есть мера всех вещей».

Ориентация на человека, его внешние данные позволяют систематизировать проксемику по частям тела, мы назовем их соматическими проксемами:

- дальнейшее расстояние (*рукой не достанешь, рукой подать да двадцать верст пробежать*);

- близкое расстояние (*рукой подать, рука об руку, рука с рукой, взявшись за руки, вместе, под рукой, рядом*).

Измерение расстояний рукой характерно для многих языковых культур. В частности, в казахском языке для определения близости используются такие выражения, как *қол жетер жер, қол жеткенше* (подать/достать рукой):

- близкое расстояние (*шаг в шаг, в двух (трех) шагах, на шаг, в нескольких шагах, наступают на пятки, по пятам, след в след и т.д.*);

- дальнейшее расстояние (*нога не ступала, куда ноги несут*, а также использование слова *нога* с метафорическим значением родственной или духовной близости: *на родственной ноге, на короткой (дружеской) ноге*).

Со значением «близко» такие части тела, как *плечо, локоть, нос, лоб, лицо, подбородок, грудь, затылок, бок, кровь, плоть, кость* представлены в фразеологизмах: *плечом к плечу, локоть к локтю, нос к носу, лоб в лоб, под подбородком, грудь в грудь, затылок в затылок* и др.

Приведем примеры фразеологизмов с компонентом *глаза*, в которых проявляются зрительные способы измерения пространства:

близко: *с глазу на глаз, на глазах, перед глазами, глаза в глаза*, а также казахские выражения: *көз алдында* (перед глазами), *көз жететін жер*, *көз шалым жер* (обозримое расстояние) и др.;

далеко: *с глаз долой, куда глаза глядят, исчезнуть из поля зрения* и др. В казахском языке есть аналогичные приемы передачи проксем при помощи глаз, например, *көз көрмес, көз жаздыру* и др.

Измерение расстояния рукой характерно для многих языковых культур, в частности, в русском и казахском языках, например, **далеко:** *рукой не достанешь, рукой подать до двадцати верст побегать*; **очень далеко:** *қол жетпес жер* и др. При обозначении **близко** используются такие выражения, как: *под рукой, рука об руку, рука с рукой*, в казахском, *қол ұшында, қол жетер жер* и др.

Таким образом, образное представление расстояния, пространства действительности выражено во фразеологических оборотах, пословицах и поговорках и которые, по мнению Телия В.Н., являются «нишей» для мировидения и так или иначе связаны с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности, а потому могут свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях [61, с. 215].

Динамику становления национальной специфики речевого и неречевого поведения носителей разных культур хорошо объясняет теория Леонтьева А.Н. о формировании личности и ее мышлении, согласно которой личность формируется в онтогенезе как результат процесса «присвоения» культуры общества [84, с. 203-205]. Существуют культурные функции проксемного поведения, иными словами проявление культурных смысловых различий в национальной концептуализации пространства или «видение пространственного устройства бытия в особой проекции» [1,

с. 458]. Например, русские жили в избах, казахи – в юртах. Это обусловлено географическим расположением и образом жизни этноса. Так, например, в зале московского ресторана «У Яра» столы разделяет проход, женщины и дети сидят слева, а мужчины справа от него. На похоронных застольях у русских мужчины и женщины сидят вместе, а у казахов в разных комнатах.

В казахском и русском обществе пространственные территории наполняются культурными смыслами, имеющими отношение к социальному полу, возрасту. Пространственная организация помещений должно соответствовать, особенностям социальной жизни их обитателей, а также поведению человека в замкнутом пространстве дома. Пространство юрты строго разделялось на мужскую и женскую половину. Мужская половина – это левая сторона, где хранились предметы, принадлежащие мужчинам (седло, камча и пр.). Направо от входа находилась женская половина, где хранились предметы домашней утвари, посуда и предметы повседневного быта. Например, языковые выражения, как *қыз бала «оң жақта» жүргенде* или *қыз бала «оң жақта» отырғанда* являются отражением семиотизации коммуникативного пространства.

Наполнение культурными смыслами рассматривается в семиологии. Например, семиологическое описание различных частей дома (символика углов, дверей, лестниц и окон), описание того, как используются разные части дома в разных вербальных и акциональных ритуалах, например, во время семейных встреч, празднования именин, в свадебных церемониях, похоронных обрядах и мн. др. [1, с. 460]. В следующем большом фрагменте из романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая» присутствует насыщенный текст, наполненный культурными знаками: *Когда умершего вынесли из его юрты, дочери и остальные женщины зарыдали еще громче. Божей уложили на кровать, и тогда Байдалы принес и своей рукой укрепил с правой стороны юрты траурное полотнище. Это было самым большим знаком почитания покойного, знаком печали: траурный стяг, укрепленный на острие пики. Если бы Божей происходил из ханского рода, то вывешено было бы знамя тюре – белое, голубое или полосатое. Если же умерший простого происхождения, то цвет знамени зависит от его возраста. Байдалы советовался об этом с Суюндиком, который славился как знаток старых обычаев. Суюндик ответил, что у тела молодого умершего вывешивается красное знамя, у старика – белое, а у человека среднего возраста, каким был Божей, знамя должно состоять из двух полос – черной и белой.*

Этот стяг, водруженный Байдалы **с правой стороны** траурной юрты на другой же день после смерти Божся, свидетельствовал о том, что память покойного будет почтена особо торжественно. Это означало прежде всего, что почитание его памяти не прекратится в течение целого года, после чего будет устроен ас – поминальный пир.

По другому старому обычаю была свершена общая молитва, и **к двери** траурной юрты с противоположных сторон подвели двух коней и привязали **к косяку**.

Старый обычай требовал, чтобы приезжающие для поминок **летели к** аулу умершего вскачь с печальным кличем «Ой, родной мой!». Начинать должны были старшие. **Задние ряды** ждали знака от **передового** отряда. И когда Кунанбай со своей свитой поскакал **вперед** с криком и плачем, все ехавшие **позади** уже ринулись **за ними**, присоединив свой плач.

Жумагул и Такежан **раскачивались** в седлах – вот-вот упадут! Посмотреть на них, – они совсем изнемогали от горя, но их показная печаль не обманывала Абая.

Поднявшись на бугор перед аулом, скачущие сразу заметили **траурный стяг** и **понеслись к нему** стремительно и бурно, точно весенняя река. Люди **мчались** с криком и громким плачем. Абай, скакавший **в средних рядах**, различил около тридцати мужчин, стоявших **за** белой юртой; они **согнулись** и плакали, **опираясь обеими руками на белые посохи**. Это были родичи Божся, приготовившиеся к встрече гостей.

Вместо приветствий приехавшие **обнимали** хозяев и плакали с ними. Увидев, как рыдают Байдалы, Байсал и другие старейшины, Абай не выдержал.

Приезжих, рыдавших и причитавших, так **под руки** и **уводили** в Большую юрту.

Большая юрта была полна женщин. Они **сидели рядами от двери до переднего места** и вели похоронный плач, **раскачиваясь и упираясь руками в бедра**. В самом **центре** причитала в голос байбише Божся. На ее голову была наброшена черная шаль. Из глаз градом катились слезы неподдельного безутешного горя. Несколько **дальше** сидели пять девушек и тоже громко причитали. Купол **Большой юрты**, казалось, не мог вместить стонов и заунывного воя.

Мужчины, входя в юрту, **становились на колени перед** сидящими женщинами, **обнимали** их и плакали вместе с ними.

Абай шел за Кудайберды и **поочередно обнимал** всех, к кому подходил тот. **Обойти** с плачем и печальными приветствиями всех женщин, наполнявших юрту, было просто невозможно.

Она с недовольным видом **вышла на середину** юрты, села **на корточки** накрыла голову черным чапаном и затянула громкую песню [26, с. 161].

Мужчины и женщины сидят в разных комнатах.

После чтения женщин оставили одних, а мужчин повели в другую юрту для угощения [26, с. 173].

В указанном текстовом фрагменте представлена 31 проксемическая единица. Например, установление траурного стяга на острие пика **с правой стороны** в начале в юрте, а затем возле нее, **а также цветообозначение флага** указывает на статус умершего, описаны принятые в казахской культуре правила проксемического поведения людей на похоронах.

Таким образом, национально-культурная специфика проксемического поведения и концептуализация пространства казахов на поминках полно отражены в данном произведении и является олицетворением их духовных традиций и установок.

Пространство юрты было строго регламентировано. Мужчинам и гостям запрещалось ходить против часовой стрелки вокруг очага. Женщины могли ходить и в обратном направлении. Организация коммуникативного пространства содействовала укреплению статуса главы семьи, отражала традиционную структуру семьи. Мужчина, глава семьи сидел на почетном месте (төр) – это место в юрте считалось сакральным. Здесь следует сказать, что и русские следовали этим правилам, т.е. пространственная структура укрепляла авторитет главы семьи, поддерживала традиционную семейную структуру.

Ниже по обе стороны садились согласно возрасту и статусу остальные члены семьи. Незамужняя дочь сидела выше, так как она пользовалась привилегиями, например, «Гостей принимали, как родных. Поэтому вокруг скатерти разместилась вся семья Суюндика. Токжан села между родителями, совсем близко от Абая» [26, с. 138]. Существует даже табу: *қыз бала босағаға отырмайды*. Невеста в казахских семьях не садилась на почетное место, а садилась у входа, например, «За кроватью, ближе к двери, сидела Кунке» [26, с. 144]. Как отмечает Арғымбаев Х.А., невестки никогда не садились на почетное место, даже после смерти свекра и свекрови, *төр* считался святым: «Отауы бөлек келіндер ата енесі тұратын

үлкен үйдің төріне шықпайтын, олардың төсегіне жатпайды, отырмайды да. Тіпті олар өлген күннің өзінде үлкен үйдің төрі, ата-ененің төсек орны келіндер үшін өте киелі деп есептелетіндіктен, бұл ғұрыпты бұзушылар ауруға ұшырайды деп ойлайтын. Бұл әдет ата-ене отырған үлкен үй, қара шаңырақты сыйлау, құрметтеу, оған табынудың нышаны тәрізді» [62, с. 53].

Арғынбаев Х.А. в своей работе «Қазақ халқындағы семья мен неке» отмечает: «Жаңа түскен жас келіндер күйеунің әкесіне және жақын ағаларына, яғни қайын атасы мен үлкенді кішілі жақын қайынағаларына көрінбей жасырынатын. Кейбір жағдайда өмір бойы көрінбей жасырынып өтетін кездері де болады» [62, с. 75].

Особенности проксеминогo поведения казахских женщин отражены в трудах Алтынсарина Ы., в частности, он отмечает: «Согласно казахской традиции, молодая женщина два-три года после замужества не показывается своему свекру на глаза и вообще всем старшим родственникам мужа. Войдя в их юрту, она не может идти далее 5-6 шагов от двери вовнутрь юрты» [63, с. 296].

Таким образом, исследование проксеимических средств с учетом национально-культурной специфики на материале художественных текстов позволяет более глубоко проникнуть в природу коммуникативного акта, при этом невербальное поведение человека представляет особый интерес для лингвистики и семиотики, поскольку в своей основе является, как и вербальное, осмысленным, интерактивным, социальным и культурным [1, с. 69].

В соответствии с коммуникативными дистанциями могут быть определены и характерные для них различные классы жестов – социальные, личные, интимные и т.д.

Очень важно то, что социальная личная и интимная дистанции отличаются, причем довольно значительно, в разных культурах, – меняются, как правило, не только размеры дистанций, т.е. количественная величина, но и их качественные характеристики. Так, в неконтактных культурах, например, скандинавских, физическая дистанция может восприниматься и оцениваться как интимная или личная (иногда говорят: *близ/рядом*), тогда как контактные культуры, например израильская, латиноамериканские или арабская, ту же дистанцию сочтут социальной (*нормальной*). В Юго-Восточной Азии люди, желающие вступить в диалог,

как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не коснуться партнера, поскольку, например, даже нечаянное прикосновение к голове партнера в соответствующих культурах рассматривается как серьезное нарушение этикетных норм проксемного взаимодействия.

Таким образом, становится ясным, что отношение к личному пространству и к нарушениям норм соблюдения дистанции, в том числе к случайным проникновениям или намеренным силовым вторжениям одних людей в личную сферу других (т.е. в то, что в англоязычной традиции зовется *privacy* или *intimacy*) в различных культурах бывает разным.

В каждом естественном языке существуют особые выражения, обозначающие актуальное коммуникативное пространство или расстояние между участниками коммуникации, смену коммуникативных партнеров или конкретных параметров имеющейся коммуникативной среды: ср. *Подойди сюда. Он встал рядом со мной. Сядь с нами. Не приближайся ко мне! Уходи отсюда! Не смей поворачиваться ко мне спиной! Она подошла к ней близко-близко, на расстоянии, на почтительном расстоянии. Мы взялись за руки и, глядя друг другу в глаза, дали клятву. Нагнись, я тебе скажу что-то на ухо. Разрешите обнять вас. Она подлетела ко мне.*

Многие из этих языковых выражений сопровождаются строго определенными жестами и позами, при этом исполнение и восприятие жестов в той же мере, что и употребление слов, связаны с пространством коммуникации. В частности, разные коммуникативные жесты требуют разных физических дистанций между партнерами, а это предполагает в том или ином виде указание на дистанцию в лексикографическом представлении жестов.

Огромное число русских и казахских пространственных единиц, в исходных значениях обозначающих вторжение в некое пространство (или выход из него) и принятие человеком какой-либо позы, в производных значениях представляют когнитивные, сенсорные, оценочные и другие области психической деятельности человека, ср. *захватывать/басып алу, занимать/кіріп алу, орналасып алу, орын тебу, завоевывать (пространство)/жаулап алу, отодвигаться от кого-либо/жылжу, ығысып отыру, жылжып отыру, делать шаг навстречу/істеу, жасау, принимать /қабылдау, қарсы алу, продвигаться вперед/ілгері жылжу, алға басу, вставать на чье-либо место/алу, приближаться/жақындау, жақын болу,*

тура келу, становиться рядом/қасында тұру, отходить подалее/бұрылып кету и т.д.

Описывая коммуникативный акт в ситуациях общения, необходимо различать два типа расстояний и отмечать не только физическое расстояние, как это делали Холл Э. и многие другие после него, но также расстояние психологическое. Например, жест *объятие* предполагает физически – интимную дистанцию, а психологически – личную, тогда как *формальный кивок* в знак приветствия – психологически социальную. *Поцелуй* (любого вида) осуществляется на очень близком физическом, интимном, расстоянии партнеров, а психологически поцелуй может быть и интимным, и формальным социальным жестом (например, при встрече или прощании мужчина-поляк обычно целует женщине руку; это жест чисто ритуальный и, хотя он служит проявлением теплых чувств, не является психологически интимным). Между тем жест *воздушный поцелуй* и не является психологически интимным, и исполняется на более далеком (личном) расстоянии.

Между физическим и психологическим расстояниями бывают и более серьезные несоответствия. Так, жест *глубокий поклон*, в котором участвуют корпус и голова, в силу чисто анатомических условий предполагает большое физическое расстояние между партнерами, однако по своим семантике и функциям он осуществляется на личной дистанции. Этим данный жест отличается от гораздо более формального, исполняемого одной только головой, обычного поклона. Заметим, что именно глубокий поклон является семантической базой для высокого по стилю оборота *«имею честь кланяться»*. <Формальный> поклон, хотя физически и требует меньшего расстояния, чем глубокий поклон, исполняется – с психологической точки зрения – на социальной дистанции, а потому является с этой точки зрения социальным жестом.

Концептуализация психологического расстояния и психологического пространства между участниками коммуникации происходит по своим законам, вообще говоря, иным, чем концептуализация физического пространства и физического расстояния. Это проявляется в языковом коде, в общих принципах и способах выражения речевых актов [70, с. 476], в словах, обозначающих эмоции. Например, *скучать* по какому-то человеку можно, только когда он физически далеко от вас, то *нерасположенность* к кому-то или чему-то – это нежелание быть с этим кем-то или чем-то в

психологической близости, и в еще очень многих других языковых единицах, так и в невербальном.

В частности, англо-саксонская культурная традиция с ее особым вниманием к правам и автономии отдельного частного лица (т.е. к тому, что по-английски передается трудно переводимым на русский словом *privacy*), с ее уважением к желаниям и стремлениям человека, а не, например, к тому, что мы сами считаем будет хорошо для него, не позволяет *переступить границы* личного психологического пространства и вмешиваться в его жизнь. Это пространство для носителя традиций англосаксонской культуры всегда имело положительную ценность, и который вполне терпимо относится к особенностям характера и поведения другого человека, а потому, по сравнению, скажем, с русской или польской культурами, поцелуи, похлопывания и поглаживания (т.е. жесты, не сохраняющие ни психологическую, ни физическую, личные дистанции) у англичан и североамериканцев встречаются значительно реже. Между тем поляки осуждают такое постоянное стремление держать дистанцию, поскольку считают, что оно связано с отчуждением и даже враждебностью [70, с. 156].

Наблюдения Крейдлина Г.Е. показывают, что знание речевого этикета, складывающегося из устойчивых формул, и знание коммуникативной стратегии, т.е. типичных для данной языковой культуры способов речевого поведения в рамках речевых актов облегчает взаимопонимание коммуникантов различных этнических групп. Таким образом, анализ этноязыкового поведения коммуникантов доказывает необходимость развития навыков коммуникативной компетентности, т.е. знание особенностей речевого этикета партнеров способствующих облегчению восприятия и взаимопонимания.

Отражением важности социолингвистической коммуникативной компетентности может служить картина межэтнического общения, складывающаяся в странах СНГ и, в частности, в Казахстане. Межкультурное общение казахов и русскоязычного населения служит примером взаимодействия и взаимопроникновения изначально разных по форме и содержанию культур [71, с. 161].

В процессе своего развития человек все более совершенно овладевает языком и культурой общения. Человек, находящийся в обществе, склонен к приобретению взглядов, точек зрения и привычек тех людей, с

которыми он заинтересован в общении. Он стремится к эталону, сложившемуся в сознании носителей языка, пытается действовать по правилам коммуникативных ролей говорящего и слушающего. Он пытается овладеть устными и письменными формами общения так, как это делают носители языка. Говорящий стремится соблюдать «общую линию» речевого поведения. Принятые нормы и условности общественной жизни самым непосредственным образом влияют на характер речевого поведения.

В любом обществе определенные речевые действия допускаются, другие – не допускаются. В любом случае, говорящий пытается не оскорблять другого человека, не унижать его достоинств, а – напротив, выражать ему уважение, проявлять доброжелательность, т.е. коммуниканты должны проявлять межкультурную компетенцию, «которую можно понимать как интеграцию речевых поступков и внеязыковых знаний и которая включает в себя языковую и – шире – коммуникативную компетенцию, знание чужой культуры» [66, с. 17]. Она может быть успешно реализована, по мнению Недобук А.С., только при условии толерантности, открытости и готовности к общению с носителем иностранного языка. При этом способность коммуницировать не сводится только к определенным областям культуры. В центре внимания находятся прагматические умения, включающие в себя способность самостоятельно устанавливать контакт, вступать в речевое общение, поддерживать его и завершать, соблюдать социальные нормы и речевой этикет носителей чужой культуры.

Отсутствие этих знаний и умений может привести к коммуникативным неудачам в общении с собеседником-иностранцем [66, с. 53]. Используя иностранный язык должен научиться понимать, почему люди другой культуры поступают определенным образом в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Обширные знания о чужой культуре устраняют коммуникативные неудачи с носителями языка.

Под коммуникативной неудачей понимается «ситуация, когда намерение говорящего не достигает намеченной цели», иными словами, не достигается «глобальная цель диалога». По мнению Коневой Н.К., при сохранении очередности обмена репликами, между коммуникантами не наблюдается понимания задачи согласованного продвижения к результативному эффекту коммуникации [67, с. 142-143].

«В каждом обществе этикет постепенно развивался как система правил поведения, система разрешений и запретов, организующих в целом морально-нравственные нормы» [68, с. 44-45]. Этикет и речь, по мнению Формановской Н.И., тесно связаны между собой: «Манера речи, разрешение или запрет говорить одно и не говорить другое, выбор языковых средств как помета своей принадлежности к среде – все это заметно в наших повседневных речевых проявлениях» [68, с. 45]. Речевой этикет «словесно выражает этикет поведения, дает нам в руки те языковые богатства, которые накопились в каждом обществе для выражения неконфликтного, «нормального» отношения к людям, а это значит – отношения доброжелательного» [68, с.47]. Речевой этикет воплотился в стереотипы, формулы общения, которые не строятся заново всякий раз, когда есть необходимость в их употреблении. Мы используем готовые устойчивые выражения, отложившиеся в нашем языковом сознании. Однако, строя что-либо новое, мы производим конкретный выбор в каждом речевом акте, при этом мы проявляем уважение к собеседнику, иными словами, мы строим свое общение на вежливости.

Вежливо и этикетно общаются в самых разных странах, но каждый из национальных языков проявляет свою специфику, потому что на неповторимые особенности языка здесь накладываются особенности обрядов, привычек, всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете данного народа. Данные анкетирования выявляют национальную специфику речевого поведения русских – носителей английского языка. Таких примеров существует множество.

«Русские и немцы – резки, азиатские индийцы и японцы – раболепны, американцы – лицемерны, а британцы – надменны» [69, с. 49] в своих речевых отношениях. Многие исследователи установили, что у носителей языка поведение отличается от поведения носителей языка в ряде речевых актов, в особенности в таких как извинения, просьбы, комплименты и т.п. Отличие это зависит от доли культурных знаний, которыми располагает носитель языка. Однако, «люди, которые более мотивированно изучают иностранный язык (или же его используют), более заинтересованы в наведении контактов с людьми другого сообщества, у них благосклонное отношение к сообществу, и они заинтересованы в языке и позитивно оценивают ситуацию (контекст) изучения» [69, с. 54].

Речевые сообщества выделяют речевые шаблоны, называемые «культурной речью», что открывает важную сферу для исследования речи как феномена культуры.

Встречаясь с представителями иного народа, люди имеют естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры, «мерить их на свой аршин». Существует некий стереотип поведения, обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Существование таких представлений – несомненный факт. Стереотипными являются мнения о вспыльчивости итальянцев, холодности англичан, упрямстве финнов, широте души, неорганизованности и доброте русских. Отсюда и различия в речевом поведении различных народов. Изучающий второй язык оценивает ситуацию, основываясь на своих родных социопрагматических нормах, и происходит прагмалингвистический перенос, когда родные образы действия и лингвистические значения при выполнении речевых актов переносятся на изучаемый язык.

Вежбицкая А. отмечает национальную специфичность любого языка, предлагая выявлять свойства национального характера. Она обнаруживает принципиальные различия между русской и англосаксонской психологией [70, с. 22]. По мнению Вежбицкой А., «особенности русского национального характера раскрываются в словах: *душа, судьба, тоска*» [70, с. 33].

Речевое поведение коммуникантов предполагает наличие определенных моделей общения. Коммуниканты должны отдавать себе отчет в каждом своем речевом действии, которое служит определенной, известной говорящему цели. При соблюдении данного условия в силу вступает так называемый «коммуникативный кодекс», представляющий собой систему принципов, которые регулируют речевое поведение коммуникантов во время коммуникативного акта, базируясь на ряде категорий и критериев.

Базовыми категориями являются коммуникативная (речевая) цель и коммуникативное (речевое) намерение, играющие роль регуляторов речевого общения, которые приводят в действие критерии и принципы корректного речевого поведения. В повседневном речевом общении коммуникативная цель не всегда соответствует коммуникативному намерению. Причиной этого, как правило, является недостаточная компетенция говорящего вследствие не слишком богатого

коммуникативного опыта. Обычно же у коммуниканта в его «арсенале» достаточно моделей речевого общения, для того, чтобы избежать такого несоответствия.

Именно коммуникативная стратегия предполагает выбор только пригодных для данной речевой ситуации моделей речевого поведения, иными словами, «коммуникативных схем». По мнению Белецкой О.Д., выбор коммуникативных схем зависит от коммуникативной ситуации и характера отношений в соответствующей социальной среде, с одной стороны, и, с другой стороны, – от коммуникативных установок и эмоциональных состояний самих языковых личностей.

Национальная специфика речевого поведения выявляется при сопоставлении норм и традиций общения различных народов.

Люди вольно или невольно воспринимают этнокультурные стереотипы, которые многими понимаются как миф, как образцы, которым надо соответствовать, чтобы быть таким, каким «положено» быть его народу. Поэтому стереотипное представление об особенностях национального характера на самом деле оказывает определенное влияние на людей, стимулируя у них формирование тех черт характера и тех норм речевого поведения, которые отражены в прагматических клише, которые являются также важным фактором в межнациональных отношениях. От них в немалой степени зависит атмосфера, в которой развиваются контакты между представителями разных национальностей. Это надо учитывать в наше время, когда многие люди очень остро реагируют на малейший намек, задевающий их национальное чувство. Чем больше мы будем знать о правилах речевого поведения носителей языка, тем эффективнее мы сможем общаться с ними, используя различные языковые средства, приемлемые для данного общества. Без умения понимать и уважать чужие обычаи невозможно жить в современном мире, в котором общение людей всех стран и континентов делается все более тесным и активным.

Одна из наиболее значимых функций культуры – это нормативная функция. Культура создает необходимые условия, формирует среду, в которой прорабатываются специфические человеческие состояния, отношения и поступки, социализируется каждая отдельная личность в пору ее взросления. Во взрослой своей жизни люди придерживаются выработанных культурных навыков и передают их новым поколениям. Так транслируется культура в целом, причем культура общения (в том

числе речевого) носит сквозной характер, пронизывая все культурные сферы. Таким образом, культура общения играет важнейшую роль в обеспечении единства и воспроизводства этноса.

Процессы речевого общения постепенно приводят к выработке особым образом мотивированных знаков культуры [55, с. 90-91], которые в своей совокупности демонстрируют нормы речевого взаимодействия (по Скребневу Ю., в нормах речи выражается социальный оптимум). В речевом быту этноса формируются устойчивые речевые и речеповеденческие образцы для повторяющихся ситуаций, или культурные стереотипы. Нормы общения распространяются и перенимаются именно путем демонстрации и усвоения этих образцов [55, с. 111].

Каждый культурный стереотип представляет собой сложное соединение социального и индивидуального, освященное национальной традицией как социально благоприятное, гармонизирующее речевое действие или речевое средство. Закрепленность за типовой ситуацией и определенным обычаем обеспечивает устойчивость культурных стереотипов, индивидуальный способ их использования – разветвленную вариативность, возможность отражения нюансов ситуации, а также социальных и психологических особенностей говорящего.

Способом утверждения и защиты речекультурных стереотипов как реализованной нормы общения чаще всего выступают неформальные санкции и общественное мнение в целом, т.е. регламентация здесь не имеет жесткого характера. Тем не менее, общество достаточно активно осмысляет предпочтение тем или иным индивидом знаков культуры или знаков «антикультуры»: к примеру, данные проблемы служат предметом постоянного обсуждения как в прессе, так и в речевом быту современной России.

Отражается ли описанная картина в теоретической и прикладной ортологии? К сожалению, нет. Техника культурного речевого пользования к настоящему времени осмыслена системно-результативно: словарь и грамматика современного русского языка получили ортологическую интерпретацию и кодификацию, частично зафиксированы клишированные формулы речевого пользования. Технологическая же, процессуальная, сторона нормы остается вне поля зрения теории культуры речи и ортологической кодификации.

Выделение коммуникативного и этического компонентов культуры речи, усилившееся с развитием функционализма и антропоцентризма в

лингвистике, выработка понятия владения речью восходящего к понятию коммуникативной компетенции [72, с. 90], обещают перемены, способствуют тому, чтобы устойчивая громада уровневой ортологии перестала, наконец, быть единственным способом ортологической систематики. Вторым способом может и должна стать систематика на речедеятельностной основе. Сферы же культурно-речевой регламентации отвечают названным выше компонентам культуры речи: коммуникативному и этическому.

Два родовых денотата, стоящих за данными компонентами – это коммуникативная ситуация и нравственно-этический кодекс общества. Каждый из них представляет собой многофакторное и многоэлементное образование и характеризуется большим количеством вариантов, отражающих различные сочетания переменных величин, составляющих целое.

Описание этического компонента культуры речи, как правило, приравнивается к описанию речевого этикета. Этика впрямую сводится к этикету: «Этические нормы воплощаются в специальных этикетных речевых формулах». Этикет же классифицируется либо на содержательно-ситуативном основании (от идеи этикетной ситуации – приветствие, извинение и т.п. – к ее речевому воплощению в различных социальных условиях), либо вовсе без единого основания. Сколько-то естественный для лингвистического подхода крен в сторону языковых средств явления здесь слишком велик, и это полностью закрывает его (явления) речедеятельностные аспекты.

Адекватное отражение этического компонента культуры речи требует предварительного осмысления спорного принципа научного описания и базовых терминов предпринимаемой классификации.

Крысин Л.П. для коммуникативного (социолингвистического) компонента определяет в качестве базового понятия ситуацию, а принципом описания – исчисление коммуникативных ситуаций с последующим детальным анализом и описанием поведенческих тактик коммуникантов [72, с. 77]. Обратим внимание на экстралингвистический характер базового понятия, а также на речедеятельностный подход в классификационно-описательной сфере.

Этический компонент может быть описан только на основе антропоцентрической концепции в языкознании. Несомненно, что при

исследовании этической стороны речевых взаимодействий в центр ортологических построений должен быть поставлен homo loquens – человек говорящий. Речевое поведение – это поведение личности, личность же, имея дело с нормой, связана обязанностями и наделена правами.

Речевое поведение отдельного человека характеризуется присущими только ему особенностями, которые детерминированы индивидуальным сознанием этого человека. Они могут быть выявлены с помощью методики прагмалингвистического диагностирования личности, разработанной Матвеевой Г.Г. В речевом поведении отправителя текста проявляются свойства личности, которые возникли вследствие отнесенности данной личности к определённой социальной группе. На наш взгляд, в речевом поведении отправителя текста могут быть также обнаружены и такие речевые стереотипы, которые отражают особенности личности, характеризующие её как представителя конкретной нации.

Так, использование категории «отношение» при интерпретации танцевального взаимодействия участников танцевально-экспрессивного тренинга дает возможность доступа к глубинным проблемам личности: проблемам любви и ненависти, жизненных потребностей и ценностей, представлений о себе и о мире и т. д.

Согласно Выготскому Л.С., есть личностный смысл, есть замысел, появляется предикативная структура, связывающая два смысла. И есть язык. А каким же образом происходит выбор языковой единицы, несущей образный смысл? Почему творческое сознание не довольствуется прямой констатацией факта, обязательно преломляет его «через призму» метафоры [37, с. 23].

Проксемика неразрывно связана с коммуникативной кинесикой и подобно проксемике кинесика проявляет национальную специфику.

Таким образом, коммуникативная насыщенность проксемических компонентов позволяет интерпретировать их в разных планах. В общем виде совокупную информацию, извлекаемую на основании употребления в речи параязыка, можно сгруппировать в несколько пластов:

- личные черты индивидуума;
- социально-групповые характеристики;
- национальные или уже территориальные атрибуты говорящего.

Данные исследований по межличностному общению обращают особое внимание на невербальные аспекты коммуникации, поскольку есть все основания полагать, что в повседневном общении основную информацию человек получает оптическим путем, «считывая ее с выражения лица, глаз, жестов, движений собеседника».

Что касается исследований невербальных компонентов коммуникации в казахском языкознании, то они находятся еще в зародышевом состоянии.

Между тем, именно на Востоке можно встретить плодородную почву для проявления невербальных средств коммуникации. Всем известно, что именно на Востоке женщина долгие годы считалась предметом утвари. Мужчина, хозяин дома, почти не разговаривал с женщиной, особенно при посторонних. Женщина была обязана понимать любое желание мужа по средствам мимики и жестов, по движению бровей и взмаху руки, а «неартикулируемые элементы (т.е. интонация, мимика, жесты, выразительные движения) употребляются в том большом количестве и приобретают тем большее значение, чем более имплицитным и недостаточным оказывается словарное предложение. Это именно они вопреки видимости, превращают наиболее скудные высказывания в полные эксплицитные выражения» [2, с. 56].

Уделив в научной деятельности большое внимание невербальному коммуникативному контексту, Бирдвистел Р. ввел в обиход очень важное понятие кинетической переменной. Кинетические переменные, как и кинетические константы, – это социальный статус партнеров по коммуникации, их пол, возраст, психологический тип личности, национальная и расовая принадлежность, отношение партнеров по коммуникации, отношение партнеров друг к другу и т.п.

Интерес вызывает наблюдение над кинетическими параметрами и их влиянием на проксеимное поведение человека.

Различные социальные и культурные кинетические параметры играют в проксеимике разные роли. Исследование их влияния на коммуникативное пространство способствует более глубокому проникновению в природу коммуникативного акта. Рассмотрим в качестве примера соотношение параметров пола партнеров и коммуникативной (физической) дистанции в европейской культуре.

Наблюдения и специальные эксперименты Крейдлина Г.Е. показали, что:

а) в женских парах расстояние между участниками коммуникативного акта меньше, чем в мужских; б) «степень знакомства» здесь особой роли не играет, хотя весьма существенный в других случаях параметр; в) в женских парах с возрастом межличностная дистанция возрастает, а в мужских уменьшается; г) в однополых женских парах расстояние между участниками коммуникации меньше, чем в разнополых; д) в разнополых парах расстояние меньше, чем в однополых мужских; е) в стрессовых ситуациях расстояние между партнерами уменьшается по сравнению с обычным; ж) в смешанных парах степень знакомства партнеров приобретает огромное значение [1, с. 471].

Так, женщина стоит ближе к тому человеку, которого она любит или считает близким другом, чем к просто товарищу или коллеге по работе. В результате, как мужчины, так и женщины находятся на большем физическом расстоянии от партнера-мужчины, нежели от партнера-женщины, а вторжение незнакомого мужчины в личную сферу человека любого пола менее приятно, чем вторжение в то же пространство со стороны женщины: когда мужчина вторгается в личное пространство другого человека, будь то женщина или мужчина, считается, что у него «плохие намерения». Интересно, что мужчины и женщины при этом по-разному реагируют и на способ приближения к ним незнакомых людей: женщины обычно чувствуют себя более неуютно, когда незнакомец находится у них за спиной, а мужчины – когда тот находится к ним лицом.

Особое место в проксеминых исследованиях отводится анализу понятия групповое пространство. Если у животных постоянно поддерживаемое расстояние между членами одного коллектива связано, прежде всего, с репродуктивной функцией, а также со склонностью животных к имитации и передаче информации или настроения от одной особи ко всем остальным, то у людей наличие группового, или, как его чаще применительно к людям называют, социального, пространства служит главным образом защитной реакцией от посягательств на коллектив извне и средством самоидентификации, то есть выделения «своей группы» в кругу всех. У людей общность территории и решение задач по ее благоустройству и охране, а также стремление к групповой самоидентификации предопределили появление особых

коммуникативных функций внутри коллектива и создание социальных языков, включая особые жестовые диалекты.

Среди исследований социального пространства и его влияния на коммуникативное групповое взаимодействие можно выделить работы по анализу соотношений пространственных характеристик и различных параметров вербального и невербального общения. Так, в общественной группе с явно выраженным лидером, «главным говорящим», наблюдается иерархия пространственного расположения слушающих по отношению к лидеру. Например, слушающие, к которым лидер испытывает особую симпатию, располагаются ближе к лидеру. Сам лидер при этом занимает позицию, при которой он всех видит и его все видят, что позволяет осуществлять прямой и потому эффективный мониторинг присутствующих, воздействовать на них и моментально реагировать на их действия (ср. в этой связи расположение в соответствии с «актуальным социальным весом» членов Политбюро коммунистических партий из бывшего Советского Союза и бывших социалистических стран во время всевозможных демонстраций, проводимых в их странах, пространственное распределение мест и дистанций «рядовых» участников переговоров возле или вокруг «главных» участников, функции и роли президиумов).

Выделенность определенного места и ориентация остальных мест в данном пространстве относительно данного имеют еще один коммуникативно и социально очень важный смысл. Предполагается, что лидер – это не только один из многих, то есть такой же член коллектива, как и другие, так сказать, рядовой член группы, но и человек, находящийся как бы вне данной группы. Особое положение главы семьи, директора завода, министра обороны, президента страны и т.п. обычно пространственно маркировано.

Люди, сидящие в зале в первых рядах, оцениваются обществом как имеющие более высокий социальный статус; тот, кто не хочет выступать на общественном собрании или иной коллективной встрече, кто не является социально активным, обычно любит занимать места подальше от части пространства, где предполагается основное коммуникативное взаимодействие. В экспериментальных ситуациях, как это описано в ряде работ Лотта Д., Соммера Р., испытуемые, которым указывали на некоторого находящегося среди них человека как на обладающего очень высоким или очень низким социальным статусом, выбирали во время

совместного рассаживания за столом для себя места подальше от этого человека.

Реально выделяемые места маркируются и в естественном языке, ср. сочетания *императорская ложа, правительственные места на трибуне*. Слово *правофланговый* обозначает не только «человека, находящегося на правом фланге», но и лидера, т.е. «человека, кто своим положением выделяется среди других, кто оценивается людьми как лучший среди членов данного коллектива и кто должен служить для других примером».

О семантике, прагматике и синтаксических свойствах языковых таксономических операторов типа слов *рядовой, обычный, обыкновенный, типовой*, протекания речевого общения тоже существенно зависят от местоположения людей относительно «основного» говорящего, а также физического и психологического расстояний до него. В целом ряде исследований Соммера Р. было показано, что люди, желающие побеседовать между собой, предпочитают садиться напротив друг друга, если физическое расстояние между ними не превышает некоторой пороговой величины, могущей затруднить беседу; для американцев эта величина порядка пяти – пяти с половиной футов, т.е. чуть более полутора метров [77, с. 111-120]. По визуальным наблюдениям Крейдлина Г.Е. за разнополыми парами, сающимися за двухместный столик в кафе, барах и ресторанах (фиксировалось поведение примерно двухсот пар представителей разных – русской, западноевропейской и американской – культур, в период 1996-1998 годов). Был сделан вывод, что, люди, пришедшие просто поесть и поговорить, размещались за столиком напротив друг друга, и наоборот, желающие более интимного общения, предпочитали садиться рядом.

Существуют устойчивые корреляции между психологическим типом человека, его любимой коммуникативной дистанцией и соотносительным с партнером пространственным положением [76, с. 91], а также между текущим эмоциональным состоянием человека и характеристиками коммуникативного пространства. Например, шесть пар женщин-пациенток из семи, регулярно приходившие к доктору Дж. Лафту на психотерапевтический сеанс, находившиеся в более возбужденном состоянии, оценивали физические расстояния между собой и своими партнершами как значительно меньшие по сравнению с теми величинами,

которые называли их партнерши, более адекватно ощущавшие и более точно определявшие искомые расстояния.

В клинической терапевтической ситуации больные шизофренией располагаются по отношению к своим коммуникативным партнерам значительно дальше, чем нормальные люди. Существует методика наблюдения, диагностики и лечения психиатрических больных, которую врачи между собой называют *приманкой*. Если шизофреникам говорят, что в данном месте за круглым столом будет сидеть очень важная персона, например, глава попечительского совета больницы, как было в случае эксперимента, на котором довелось присутствовать Крейдлину Г.Е., то больные обычно «клюют» на приманку и стараются занять места поближе к тому, где, скорее всего, будет сидеть эта персона. Во всяком случае, они стремятся сесть не очень далеко от этого человека и не напротив него. Аналогичная ситуация описана в художественной литературе, например у Кена Кизи в его романе «Над кукушкиным гнездом».

Диалогическое взаимодействие людей является многоместной функцией от пространственного расположения участников диалога, дистанции, поз, типов взглядов и еще очень многих других пространственно-кинетических переменных. Направление жеста, широта жеста (объем занимаемого им пространства), ход жестового движения (например, плавный или порывистый), взаимная пространственная ориентация партнеров, глазное поведение собеседников и расстояние между ними существенно влияют на характер исполнения жеста и ее интерпретацию. Перечисленные переменные, по-видимому, обусловлены или, во всяком случае, непосредственно связаны с глубинными психическими свойствами человека особенностями той культуры, к которой он принадлежит.

Широта движения соотносится с такими чертами человеческой психики, как интровертность/экстравертность/амбивертность. Интроверт сосредоточен на самом себе, на своих внутренних переживаниях и предпочитает не показывать свои эмоции другим людям; экстраверт, наоборот, любит быть на людях, делиться с ними своими мыслями и чувствами, выставлять себя на обозрение другим; амбиверт занимает промежуточное положение между данными психотипами, обладая качествами и интроверта и экстраверта. От интроверта естественнее ожидать узких движений, стереотипно соотносимых со скромностью, сомнением, осторожностью, неуверенностью в себе.

Широкие движения более типичны для экстраверта, поскольку свидетельствуют о бурных чувствах, которыми тот готов поделиться с другими людьми; они говорят об испытываемой им радости или бурной ярости, о переживаемом душевном подъеме, об охватившем его энтузиазме.

Направление движения вдоль пространственных осей тоже семиотически значимо и коррелирует с разными смыслами и культурными коннотациями. Например, движение вверх вдоль вертикальной оси (оси «верх-низ») связано с возрастом человека, его взрослением, с ростом чувства собственного достоинства, с увеличением количества и качества исполняемых человеком общественных функций и ролей. Движение вдоль той же оси вниз связано с низкой самооценкой, со стремлением спрятаться от других, с желанием быть маленьким; а также с униженностью и покорностью. Движение вперед вдоль вертикальной оси (оси «вперед-назад») сопряжено с уменьшением физического расстояния и связано с интересом, любопытством, желанием быть рядом, а также возможностью более тесного, вплоть до телесного, контакта. Движение назад, увеличивающее физическую дистанцию, соотносится с испугом, страхом, отвращением.

Важными пространственно-кинетическими характеристиками невербального поведения являются также:

а) наличие или отсутствие третьего лица в актуальном пространстве коммуникативного взаимодействия: многие люди *кожей чувствуют* приближение к ним сзади постороннего человека, и диалог может прерваться: положение за спиной даже самых близких людей неприятно для беседующих. С другой стороны, люди на публике, особенно при большом скоплении народа, обычно подчеркивают, что они вместе, что их нахождение в одном месте не является случайным, что их объединяют территория и время, общность интересов, задач или целей и что их совместное пребывание создает коллективное или публичное пространство и «privasy» (незнакомые люди при этом стоят ближе друг к другу, чем обычно, берутся за руки, кладут руки друг другу на плечи, одновременно, поднимаются с кресел, хором произносят речевки; скандируют лозунги и призывы, тянут вверх руки в качестве приветствий, пускаются в танец, скорбно молчат и пр.);

б) статичное или динамичное положение партнера: если партнер во время диалога начинает перемещаться перед нашими глазами,

непрерывно двигаясь взад-вперед, – мы в таких случаях обычно говорим *мельтешит*, – то это тоже создает существенные неудобства для общения;

в) несходство поз и ориентации тел во время диалога: неприятной очень трудной, если вообще возможной, бывает беседа, когда один человек лежит, а другой перед ним стоит. Она случается, только если по каким-то причинам один из собеседников не может принять ту же позу, что и другой. Например, врач, подходя к больному, чтобы с ним побеседовать (но не во время обхода!), как правило, берет стул и садится рядом с кроватью больного – он не разговаривает с ним стоя, а наиболее задушевная, по-человечески комфортная беседа людей в купе поезда, в одной комнате отеля, санатория или общежития происходит тогда, когда оба человека лежат на своих местах или оба сидят, то есть когда их позы конгруэнтны.

Чарни Е. изучал поведение врача-психотерапевта и пациентов во время психотерапевтических сеансов, занимавших каждый по времени один час. Исследователь обнаружил статистически вполне убедительную тенденцию роста степени конгруэнтности поз участников сеанса по мере сглаживания коммуникативных барьеров, увеличения интенсивности вербального общения между ними и нахождения некоторых путей к решению волнующих пациента проблем.

Конкретные значения, которые принимают перечисленные пространственно-кинетические переменные, находятся в прямой зависимости не только от контекста, в котором происходит взаимодействие людей, но и от культуры, к которой принадлежат эти люди. Культурно зависимой является, в частности, корреляция между типом ориентации тел и физическим расстоянием между участниками коммуникации. Как показали исследования Уотсона О. и Грэйвса Т., по мере уменьшения физической дистанции между партнерами определенным образом менялись соотносительно расположение и ориентация тел у американцев и японцев, общавшихся в парах друг с другом. Между тем характеристики, которые описывают соотношение тех же признаков в ситуации, когда общались между собой одни только американцы, были совсем иные [112, с. 56].

Пространственная близость (физическое личное расстояние) и *тесное, общение* (психологическое личное расстояние), например, в случае, когда учитель, допуская учеников в свою личную сферу, говорит им: «*А теперь*

садитесь-ка ко мне поближе», предполагают совместное диалогическое обсуждение каких-то интересных проблем или интересный всем ученикам, выходящий за пределы темы урока монологический рассказ учителя. В свою очередь, реализация многих смыслов в актуальном коммуникативном акте непосредственно связана с использованием тех или иных пространственных характеристик.

Так, реализация смысла «теплое отношение к другому человеку» предполагает наличие личной или интимной физической дистанции между участниками коммуникативного акта, а выражение смысла «интимность отношений» является функцией сразу от нескольких взаимосвязанных переменных коммуникации, включая физические (тип пространства, дистанция, ориентация и пр.) и психологические (например, близость, контакт глаз, стиль речи, количество жестов ласки, улыбок и др.). Сами перечисленные переменные участвуют, впрочем, и в выражении других смыслов. Например, контакт глаз между говорящим и слушающим может указывать на то, что зрительный канал открыт для прохождения сквозь него передаваемой информации, а жесты поглаживания могут выражать не «ласку», а, например, «утешение».

Таким образом, существующие правила проксеминового поведения людей (универсальные и культурно-специфичные) опираются не только на физические (собственно пространственные), но и на личностные, социальные, культурные, языковые и другие параметры.

§ 1.4 Концептуализация и проксеминовое поведение коммуникантов

Каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции, которую можно представить как национальную концептуализацию пространства. Можно привести ряд примеров культурных функций проксеминового поведения и проявлений культурных смысловых различий в национальной концептуализации пространства, связанных с проксеминым поведением человека.

Одним из любимых предметов проксемики является семиология, т.е. наполнение культурными смыслами различных частей дома, что никак нельзя считать случайным, поскольку дом, квартира, комната – это основные личные территории человека. Проксемика ищет ответы на разнообразные вопросы, связанные со смысловой нагрузкой этих пространств. Например, ее интересует, почему бельэтаж традиционно

считается хорошим этажом, а для простолюдинов обычно отводят первые этажи, или почему вообще верхняя часть дома издревле считалась чистой, а нижняя – нечистой, и какова пространственная организация дома, в частности символика углов дома и его частей. Ее предметом является семиотика дверей, лестниц и окон, описание того, как используются разные части дома в разных вербальных и акциональных ритуалах, например, во время семейных встреч, празднования именин, в свадебных церемониях, похоронных обрядах и др.

Также для семиологического описания пространства русского дома и казахской юрты используем такие части дома как угол, порог, стена, потолок, двери / төр, бұрыш, босаға, , қабырға, төбе, босаға.

Дом

Угол: красный угол, ставить в угол (наказать), острый угол, на каждом углу (езде, всюду), глухой уголок(отдаленное малонаселенное место).

Потолок: с потолка (без оснований), под потолок (о высоком человеке), плевать в потолок (бездельничать).

Стена: стена об стену (по соседству), к стенке (расстрелять).

Порог: только за порог, стоять на пороге, не пускать на порог, не переступать порог.

Юрта

Төр: төр ортасы, қақ төр, оң жағында.

Бұрыш: үйдің төрт бұрышы.

Төбе: үй төбесі.

Қабырға: үйдің қабырғасы.

Босаға: алтын босаға, ақ босаға.

Таким образом, в сегментировании пространства русского дома и казахской юрты выявлены общие и частные признаки. В пространстве русского дома больше отрицательных характеристик, например, острый угол (предмет споров, разногласий между кем-либо), плевать в потолок (бездельничать), не пускать на порог и т.д. В пространстве казахской юрты больше положительных характеристик, например, қақ төр (почетное место), алтын босаға (граница новой жизни) и т.д.

В связи с концептуализацией пространства можно назвать такие важные в культурном, социальном и коммуникативном плане понятия, относящиеся к компетенции проксемики, как свое и чужое пространство, открытая и замкнутая территория, желательные и нежелательные помещения, чистая и нечистая половина дома (верхняя и нижняя), теснота

и перенаселенность. Например, большое или более свободное пространство – это прерогатива сильного и богатого человека, а бедным и слабым, как правило, отводятся пространства маленькие, тесные, неудобные, плохо охраняемые и защищаемые. Таким образом, обладание большим пространством имеет высокую социальную ценность. Понятия двора, кухни, чулана, красного, или переднего угла избы, комнаты, чердака и их семиотизация в разных культурах и этносах тоже входят в область проксемики как науки о невербальной концептуализации и культурной организации коммуникативного пространства. Например, следующее замечание: «в углоцентрических комнатах венгерского крестьянского жилища место главы семьи совпадало с местоположением «красного угла». В рамках этой системы пространственная структура укрепляла авторитет главы семьи, поддерживала традиционную семейную структуру. Реорганизация пространства часто отражает установление новых семейных связей».

У нас дома двери не закрываются. Мои двери всегда открыты для вас или День открытых дверей. Напротив, закрытая дверь свидетельствует о нежелании контакта, об отчужденности и скрытности. Закрытые двери символизируют, в частности, тотальное недоверие властей к народу и отделенность от него; ср. принятие решений *за закрытыми дверями*. Фразы *Ему указали на дверь. Отныне двери моего дома закрыты для вас* говорят о прекращении каких-либо контактов с человеком, к которому они обращены, а фраза *Перед ней закрылись все двери* обозначает то, что человек подвергнут общественному презрению или изгнан из общества. Здесь можно вспомнить и такие русские языковые выражения, как *снять угол, иметь свой угол, собственный угол, поставить в угол, ходить из угла в угол, из-за угла* и пр., отражающие значимость в русской культуре такого понятия, как *угол*, в повседневной жизни человека. Вот, например, как, описывая невербальное поведение героя, передает его характер известный русский писатель: *Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов* (Набоков В., Рождество).

К семиологии дома относится решение проблем, какой из углов комнаты или избы является сакральным, а в каком углу нельзя вешать предметы религиозного культа, культурные смыслы и функции подвалов, чуланов и чердаков, т.е. темных частей дома, знаковый символизм входов и выходов, соотношение пространственной организации жилищ с

особенностями социальной жизни их обитателей, а также поведение человека в замкнутом пространстве дома. Человек обычно стремится к тому, чтобы у него был свой *собственный угол*, то есть отдельное место в доме, квартире, комнате и даже на службе, как есть у него и любимый стул, стол, одежда, машина и т.п. предметы, которыми он особенно дорожит и которые готов охранять и защищать от внешних посягательств.

Отмечу также, что смысл «X вне дома» в русской культуре устойчиво соотносится со смыслом «X плохой», что проявляется в процессах образования переносных значений слов, метафоризации значений, а также в закономерностях совмещения значений при реальном употреблении слов; ср. такие сочетания, как *дворовый пес, задворки империи, уличная девчонка, уличные замашки, площадная брань, бульварный роман* и пр., а смысл «X вне основной части дома» достаточно регулярно соответствует смыслу «X вторичный, скрытый и потому плохой»: *подпольная деятельность, подвальная хроника, чердачный роман, живу на лестнице* (из письма: его автор имеет в виду, что его частенько выгоняют из квартиры), *подвальная организация* (речь идет об организации «неформалов» – молодых людей, ютящихся по чердакам, подъездам, подвалам и другим подобным помещениям) и т.п. [1, с. 459-461].

Вслед за Крейдлиным Г.Е. и др. учеными, мы считаем, что отношение человека к коммуникативному пространству и его поведение в этом пространстве или проксежное поведение человека, покрывают очень широкий спектр телесных и околотелесных проявлений от универсальных, обусловленных исключительно биологическими факторами, до культурно-специфичных. Это поведение, как и жестовое, подчиняется особым правилам. К универсальным правилам проксежного поведения относятся, например:

- общие законы семиотизации и окультуривания пространства, то есть приписывание некоторым пространственным фрагментам и характеристикам определенных смыслов и наделение их культурными функциями. Например, это обязательное для всех народов (русских и казахов) и культур выделение какой-то части пространства (или нескольких таких частей) как маркированной (сакральной, почетной, светлой или задней (*чулан*), темной, черной и пр.), наложение ограничения или запрета на размещение отдельных предметов или расположение лиц в определенных местах (пример приведен выше);

- вербальное или невербальное заявление человека о претензии на свою территорию, на личное пространство, которое он готов организовывать, обустраивать, поддерживать, охранять и защищать [76, с. 240]. Речь идет не только о правилах, касающихся, например, занятия и защиты индивидуальных, частных территорий и владений, то есть того, что относится к личному пространству, но и о правилах, относящихся к социальному пространству: к делению социальных организаций – институтов, заводов, административных центров, городов – на более мелкие подразделения, например, филиалы, округа, районы, цеха, отделы и другие части, к связанной с этим делением диверсификации социальных функций и ролей, к присваиванию, захвату, получению и т.п. этих пространств человеком (ср, языковые выражения *мой кабинет, мой станок, наш класс* или невербальные акты типа смены обстановки или перевешивания картин в кабинете как знаковые свидетельства смены владельца данной территории: ср. также разные по смыслу и прагматике выражения *занять кому-либо место* и *занять чье-то место* (в прямом значении). *Занимают кому-то место* в физическом пространстве (чаще всего в помещении), делая другого владельцем, как правило, «ничейной территории», всегда по желанию этого другого или, по крайней мере, думая, что тот другой этого хочет, причем так поступающие люди, вообще говоря, не нарушают принятых норм поведения. Но когда *занимают чье-то место* в помещении, то всегда нарушают существующие нормы поведения, захватывая у другого его пространство, которое тот другой по каким-то причинам (обычно это отсутствие другого в данное время в данном месте) не может защитить, и чем самым причиняют ему зло, а себе приобретают незаслуженное и незаконное благо. Отсюда понятны и разные реакции со стороны бенефициантов в каждом из этих случаев. Кроме того, способы, которыми осуществляются действия *занять чье-то место* и *занять кому-то место*, разные. В первом случае кладется легкий предмет или вешается табличка, которые можно легко поднять или снять, а во втором человек садится на место, и поднять его с этого места значительно сложнее. Универсальными являются также некоторые закономерности, отражающие типы и способы влияния со стороны разного рода социальных коллективов на частного человека, и пр.;

- общие законы пространственной организации среды и правила выбора канала коммуникации (например, стремление человека

избавиться от шума и помех в коммуникативном канале), а также сознательно осуществляемый человеком в условиях свободы выбора динамичной или статичной коммуникативной среды (например, человек может ходить взволнованно по комнате и говорить; желая сообщить адресату какую-то неожиданную для него новость, говорящий может попросить его сесть, чтобы он, так сказать, «не упал от неожиданности», и т.п.).

Среди культурно-специфичных правил проксеимного поведения можно выделить:

- правила выбора места и расстояния, например: правила, которые человек соблюдает, выбирая расстояние (дистанцию) для беседы в зависимости от тех или иных факторов: места встречи с другим человеком, пола, возраста или социального статуса предполагаемого собеседника, степени знакомства с ним, его физических и психических свойств, предполагаемого способа взаимодействия, жанра разговора, темы, цели беседы, ее продолжительности и т.п. Отмечая двоякую природу дистанции между партнерами, Холл Э. рассматривает дистанцию между партнерами по диалогу и как контекст, в котором проходит коммуникативный акт, и как знаковое сообщение о самой коммуникации [24, с. 15].

Место и расстояние, которое выбирает по отношению к нам другой человек, характеризуют его и в большой мере обуславливают наши действия. Например, если вы едете в пустом вагоне метро или электрички и на остановке в вагон входит незнакомый человек, то вы, скорее всего, почувствуете себя неуютно, если тот займет место рядом с вами или сядет прямо напротив. Войдя в кафе или кинозал, в котором много свободных мест помимо тех, что имеются рядом с неким сидящим там человеком, вы едва ли сами займете одно из соседних с ним мест. Дело в том, что существует особое правило, покрывающее много разных ситуаций, связанных с проксеимным поведением незнакомых людей в общественных местах. В соответствии с ним человек в ситуации свободного выбора должен занимать позицию по возможности подальше от находящихся в данном месте других лиц. Если же человек по каким-то причинам ведет себя иначе, вторгаясь в личное пространство другого и нарушая это правило, то такое поведение воспринимается как злонамеренное, подозрительное, агрессивное или враждебное.

Правила выбора места и расстояния должны, в частности, предусматривать и отражать возможность сближения проксеимного

поведения с жестовым. Мы имеем в виду, например, вот что: когда один человек в процессе коммуникации внезапно и быстро притягивает к себе другого человека, стоящего перед ним, он тем самым резко уменьшает расстояние между ними и этим движением (часто вместе с соответствующей мимикой) может выразить, например, смыслы «мы с ним вместе (заодно)», «я его в обиду не дам» или «я его сейчас защищу». В этом случае проксежное поведение сближается с жестовым;

- правила пространственного взаимного положения и ориентации тел во время общения (см: русские и казахские языковые единицы *лицом/бет жағы, лицом к лицу/бетпе-бет, влоборота/қырын, сидя спиной/арқа беріп тұру, или рядом друг с другом/қатарында, предстать перед кем-либо/алдына келу, отодвинуться/жылжып отыру, ығысып отыру, повернуться боком/қырын бұрылу, на большом расстоянии от кого-либо/едауір жерде* и многие другие языковые обозначения положений тел участников коммуникативного акта и расстояний между телами);

Приведем в качестве примера два таких правила (несколько других правил пространственного взаимного положения и ориентации людей в ситуации общения указаны ниже):

а) за вычетом ситуации игры или ей подобных общение людей, стоящих или сидящих спиной друг к другу, невозможно или противоестественно, но разговор двух человек, лежащих у противоположных стен комнаты, вполне возможен и не выглядит со стороны странным, даже если собеседники повернулись (как мы говорим; *уткнулись*) каждый лицом в свою стену;

б) коммуникативное пространство человека концептуализирует как несимметричное относительно его тела, а именно область «перед человеком», перед его лицом и глазами, в норме оценивается как более естественная, коммуникативно важная и немаркированная по отношению к областям «сбоку», «сверху/снизу» или «сзади, за спиной». Это проявляется и в вербальном отношении, например, едва ли требует уточнения место локализации объектов относительно фигуры говорящего. В невербальном общении проксежные движения различных языков и культур в большинстве случаев осуществляются в пространстве перед коммуникантом, повернутым лицом к адресату (адресат при этом тоже находится лицом к коммуниканту).

Нарушения этих и подобных правил обычно фиксируются людьми, а пренебрежение правилами влечет за собой индивидуальные или

общественные санкции: нарушителям прямо говорят о неэтичности или просто о недопустимости подобного поведения, а в более серьезных случаях подвергают индивидуальному или общественному ostracism: с ними перестают разговаривать, «не приглашают в дом», исключают из коллектива и др.;

- правила, приписывающие определенные коммуникативные веса различным пространственным параметрам. Например, фиксирующие культурно-специфичные закономерности в соотношениях между полами участников ситуации общения и типом коммуникативного расстояния между ними; правила, отражающие для разных культур разное отношение людей к присутствию или отсутствию третьих лиц в актуальном коммуникативном акте; правила, определяющие культурную ценность и функциональную значимость той или иной разновидности проксеимного поведения, и другие [112, с. 73].

Как и большинство правил невербального поведения, правила проксеимного поведения соблюдаются автоматически, подсознательно: явно фиксируются лишь их нарушения, причем не только невербальным способом (осознанным движением, позой, взглядом и др.), но и словесно (см. высказывания типа *Здесь сидеть воспрещается; Не подходи ко мне; Неужели больше нет других мест?; Лучше уходите отсюда; Вы не подвинетесь?; Не стойте под стрелой крана!; Ты так и будешь лежать? – Тогда я с тобой говорить не буду!*).

В связи с различным пространственным поведением можно выделить три основных типа социальных взаимодействий между людьми: а) взаимодействие с друзьями, товарищами или просто хорошо знакомыми людьми, открытыми для диалога; б) взаимодействие с малознакомыми или совсем незнакомыми людьми, которые хотят общения, и в) взаимодействие с незнакомыми людьми, не ожидающими никакого контакта или не желающими контакта с данным человеком. Каждое из этих отношений порождает особый тип коммуникативной ситуации, который характеризуется своими правилами выбора пространства (например, статическое или динамическое, близкое или далекое) и расстояния между коммуникантами в целях обеспечения комфортности общения и – при этих условиях – особым типом невербального коммуникативного поведения, например определенными позами и мануальными жестами. Проксемику интересует не только организация

коммуникативного пространства, но и способы его восприятия. Так, Холл Э. ввел важные для проксемики понятия неконтактных (distance receptors) и контактных рецепторов (immediate receptors). К первым относятся: глаза, уши и нос, ко вторым – кожа и мышцы [24, с. 39-47, с. 49-60]. Проксемное поведение человека обычно легко воспринимается и оценивается коммуникативным партнером или сторонним наблюдателем, причем в процессе восприятия участвуют органы зрения, осязания и обоняния; кроме того, проксемное поведение воспринимается кинестетически, т.е. через нейронно-мышечную оценку человеком пространства и расстояния. Реализуется же проксемное поведение человека всегда посредством кинетической (двигательной) активности.

Самый надежный из неконтактных рецепторов пространства коммуникации и проксемного поведения – это глаза: в сборе и обработке информации о коммуникативном пространстве зрение в сотни раз более эффективно, чем слух. Вообще, из всех сенсорно двигательных модальностей, быть может, только запах в этом отношении не столь существен для человека (хотя исключительно важен для животных). Между тем хорошо известно, что устранение неприятных запахов может снимать пространственные, и не только пространственные, барьеры между людьми. Например, при отсутствии плохих запахов люди могут подходить друг к другу на более короткие дистанции и дольше находиться рядом – в одном помещении; ср. в этой связи разнообразные невербальные знаки и отношение людей на хорошие и нехорошие запахи. К сказанному о корреляции между пространством коммуникации и запахами можно добавить, что в ряде исследований, относящихся к ольфакпии (науке о запахах), сообщается, что некоторые опытные врачи-психиатры способны выявить больного шизофренией по исходящему от него специфическому запаху, а Холл Э. утверждает даже, что отдельные врачи могут распознать у пациента особый запах ярости [24, с. 46].

Таким образом, проксемное поведение коммуникантов во многом зависит от организации коммуникативного пространства и способов его восприятия, основанных на традициях и нормах поведения определенного этноса, отражающих национальную концептуализацию окружающей действительности.

ГЛАВА 2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОКСЕМ В ЯЗЫКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

§ 2.1 Механизмы, приемы и способы вербализации проксемного поведения в коммуникативном пространстве казахского и русского языков

Обращение к художественному тексту с позиции антропологической лингвистики в качестве приоритетных направлений языкознания XXI в. выдвигает один из важных вопросов – исследование вербальных и в большей степени невербальных аспектов языка. Поэтому для полного создания и описания портретов персонажей различных художественных произведений важным представляется не только анализ речевого портрета, но и изучение вербализации (лат. *verbalis* – устный, словесный) проксем, фонации, кинетических средств языка. Все эти аспекты языкознания еще не изучены в полной мере. Нужно отметить, что анализируемый аспект лингвистики получил широкую разработку в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. Однако в современном языкознании в отношении невербального языка до сих пор имеется ряд дискуссионных вопросов, связанных с существованием противоположных концепций. Прежде всего, возникает немало спорных моментов о значимости и вообще необходимости этого языка. Еще в 70-х гг. XX в. Леонтьев А.А. отмечал: «... не являются предметом внимания

лингвистов особенности паралингвистики, проксемики, мимики, жестикуляции, пространственного расположения говорящих».

Однако, по мнению Рамишвили Д.И., нет необходимости придавать значимость этому аспекту, поскольку «язык жестов не может выразить даже такие простые, но не носящие конкретный характер, содержания, которые обозначаются словами пока, только, кроме, еще и т.п. Глобальный характер проксемики, невозможность создания словоформ, отсутствие в нем действительной грамматической структуры исключают условия, необходимые для языка как средства общения» [87, с. 8].

Реформатский А.А. считает, что «без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной, «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» [1, с. 5].

В художественных текстах путем описания различных проксем и телодвижений, мимики и фонаций передаются привычки героев, их национальные и индивидуальные особенности, манера говорения, культура общения и другие характеристики. С помощью невербальных средств изображается психофизиологическое и эмоциональное состояние говорящего, его внутренний мир. По мнению Колшанского В.Г., знаковая и эмоциональная природа параязыковых средств является фактором, определяющим их функциональные особенности в коммуникации, а именно функциональную эквивалентность параязыковых средств с собственно языковыми средствами коммуникации [50. с. 73]. Вербализованные проявления невербальных форм коммуникации образуют «второе пространство» художественного произведения, что приводит к необходимости учета этих дополнительных смыслов при интерпретации текста. Вежбицкая А. считает, чтобы понять человеческое невербальное поведение, необходимо интегрировать описание вербальной и невербальной коммуникации.

Художественный текст – это эстетическое средство опосредованной коммуникации, цель которой есть изобразительно-выразительное раскрытие темы, представленное в единстве формы и содержания и состоящее из языковых единиц, выполняющих коммуникативную функцию [87, с. 23].

Художественные тексты дают интересный материал для изучения особенностей проксемного поведения индивидов и позволяют дать более

объективную картину о характере литературных персонажей, их межличностных отношений. Например, всем известный и традиционно-описываемый характер Печорина и его большой шаг свидетельствовал об открытости характера героя.

Проблему языковых и неязыковых факторов общения целесообразно решать на материале художественных текстов. По понятным причинам сопутствующие в речи кинесические элементы фиксируются в диалогических связках реплик, заключаемых в авторское обрамление.

Как известно, диалог в художественных произведениях, рассматриваемый в качестве функционального аналога реального диалога, призван, среди прочих задач, создавать эффект аутентичности, достоверности звучащей речи в произведении. Помимо диалога в художественном тексте весьма многочисленны довольно пространные описания особенностей поведения персонажей, включающих и те, которые проявляются не в условиях коммуникативного акта, но в процессе «установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми» [87, с. 218].

В качестве подобных средств поддержания контакта могут служить едва уловимая улыбка или кивок головой, которыми могут обмениваться коллеги при повторяющихся в течение дня встречах.

Исследования единиц отражения проксем в художественных произведениях убедительно свидетельствуют о том, что, во-первых, большинство писателей, осознавая важность данного аспекта речи, регулярно фиксирует его при описании особенностей человека, и, во-вторых, нередко использует, наряду с индивидуально-авторскими средствами, повторяющиеся клишированные единицы воссоздания кинем и проксем, образующие целостную функционально и семантически объединенную систему. Поэтому в известном смысле художественную литературу правомерно рассматривать с этой точки зрения в качестве субститута кинетических явлений. В этой связи представляется, что анализ художественных текстов в культурологическом плане может быть полезен по двум причинам: с одной стороны, он позволяет более адекватно интерпретировать сложные речевые явления, отображаемые в тексте и выполняющие в нем разнообразные стилистические функции; с

другой – дает возможность изучать национальную специфику проксемного поведения того или иного социума.

Художественные тексты дают обильный объективный материал для изучения особенностей поведения представителей того или иного речевого коллектива, поскольку естественно предположить, что в первую очередь осознаются и отражаются средствами языка наиболее типичные, характерные для общества и значимые в процессе общения проксеммы.

В ходе анализа языкового материала решаются две задачи одновременно. В языковой плоскости паралингвистический знак представляет собой анализ превращения паралингвистических явлений, в частности жестов, в языковые факты, которые указывают на внешнюю семантику, технику исполнения, функциональное назначение кинесического элемента в речи. В жестовой плоскости языковой знак (на материале, по меньшей мере, двух языков) – анализ способов отражения жестов намечающий путь к сопоставлению предпочтительных языковых форм, выбираемых тем или иным языком для отражения сходных жестов.

Известно, что коммуникативное поведение, как и прагматическое, улавливается только в контексте. Роль контекста немаловажна в случаях использования полифункциональных жестов и способах разрешения их многозначности. Немаловажно значение контекста при отражении жеста не стандартными языковыми формами, а индивидуально-авторскими средствами, которые призваны выполнять в тексте дополнительные стилистические задания.

По мнению Горелова И.Н., вербализация – это «этап оформления смысла». Верещагин Е.М. предлагает (вслед за Джексоном Х., Лурия А.Р. и др.) «принять в качестве исходного допущения, что порождение речи – это вербализация», т.е. процесс перехода от мыслимого содержания, выраженного средствами какого-то кода внутренней речи, к внешней речи [73, с. 21, 84].

По мнению Гобача И.Н., вербализация – это «выражение в словах». Если мы описываем объекты, сцены или действия, мы используем их название вместе с другими словами, которые касаются их организации, отношений, свойств и т.д. Мы говорим, каковы они, основываясь на видении, слышании и других непосредственных переживаниях. Если мы рассуждаем о них, – мы манипулируем рядами слов, которые их описывают. Это может происходить уже без непосредственного опыта, потому что коль скоро

что-то названо, слово может для многих целей выступать в качестве названного.

Так ученый отмечает, что нормальная, здоровая вербализация обычно отталкивается от невербального: объектов, условий, положения дел и пр., и заканчивается невербальными эффектами. Это не значит, что вербализация иной раз не может быть полезной и в отношении того, что само уже вербально: книг, пьес, или того, что кто-то сказал; но эта тенденция разговаривать по поводу разговоров иной раз превращается в болезнь. Если человек боится соприкосновения с действительностью – с людьми из плоти и крови, с собственными ощущениями и чувствами, – слова начинают использоваться как экран между говорящим и его средой, а также между говорящим и его собственным организмом. Человек пытается жить в одних словах и смутно ощущает, что чего-то не хватает. У «интеллектуала» вербализация гипертрофирована. Он навязчиво и импульсивно пытается быть «объективным» по отношению к своему личному опыту, что, как правило, означает словесное теоретизирование по поводу себя и по поводу мира. Тем временем, посредством этого самого метода он избегает соприкосновения со своими чувствами, с драматизмом действительных ситуаций. Он живет подставной жизнью слов, изолированных от остальной части его личности, высокомерно презирая тело и стремясь к словесным победам «правильности», произведенного впечатления, пропаганды, рационализации – в то время как действительные проблемы организма остаются без внимания.

Так, Горелов И.Н. выявляет патологические аспекты вербализации. При этом он анализирует проговаривание слов вслух, также «просто думание» – внутреннюю речь. «Ребенок учится сначала говорить вслух, но потом человек может использовать этот обретенный во внешнем общении язык как внутреннюю речь, «думание». В цельной личности такое думание – полезное средство для активной работы со сложными отношениями сознаваемых потребностей, воображаемых средств достижения и явного поведения, которое делает конкретным то, что сначала воображалось. Большинство взрослых людей, однако, полагает, что мышление независимо и первично: «Легко думать, но трудно выражать мысли». Это происходит из-за вторичного блока, из-за страха по поводу того, как другие будут реагировать на мысли, высказанные вслух. Однако если человек сможет говорить в хорошем темпе, воодушевлен своей темой, оставляет свои страхи, перестает проверять свои высказывания, прежде

чем произнести их вслух, одним словом, когда нечего бояться, – становится очевидным, что говорение и думание тождественны» [73, с. 84].

Таким образом, чтобы осмыслить, включить в состав целого наш вербальный и мыслительный опыт, мы должны сознавать его. В этом случае средством ориентации по отношению к говорению выступает слушание.

Отметим также, что большая часть того, что принято считать оценками и моральными суждениями является внутренней речью во внутренних драматических ситуациях, следовательно, *вербализация* – отражение опыта в речи и речевой показатель личности. В широком смысле это понятие означает вербальное (словесное) описание переживаний, чувств, мыслей, поведения. В специальной терминологии вербализация определяется как точное словесное описание психотерапевтом эмпатического понимания эмоционального содержания переживания пациента.

Выготский Л.С. под вербализацией понимает не просто трансформацию чего-то в словесную форму, а прежде всего, восстановление предельных смыслов. В частности, он отмечает: «Говоря о способах и методах вербализации, надо понимать, что природа человека многоуровневая, в нем присутствует и мышление, и деятельность, и многое другое. При этом у каждого уровня свои предельные смыслы. Вербализация происходит путем восстановления и соотнесения этих смыслов между собой. Получается, что вербализация – это игра в укладывание смыслов, но не каждый смысл может быть вербализован. К тому же под вербализацией мы понимаем точное схватывание сути, выраженное в слове» [37, с. 43].

Интересными, на наш взгляд, кажутся рассуждения Выготского Л.С. о скрытой вербализации, при помощи которой происходит логическая переработка чувственных данных, их осознание и понимание в определенной системе понятий и суждений: «Элементы вербализации речи мы находим во всех наших сознательных восприятиях, действиях и переживаниях, в которых они проявляются в виде речевых установок или самоинструкций или в виде вербальной интерпретации ощущений и восприятий. Все это делает вербализацию речи весьма важным и универсальным механизмом умственной деятельности и сознания

человека. Для вербализации речи характерны: а) свернутость и «агглютинированность» компонентов. Вербализация речи – речь эллиптическая, строящаяся как своеобразное стохастическое, линейное сцепление семантических «смыслов», еще не облеченных в конкретную словесную форму. Это становится возможным благодаря тому, что вербализация речи есть речь для себя. Естественно, что для того, чтобы эти «смыслы» могли функционировать в языковом мышлении, они должны иметь материальную опору; но эта опора может сводиться к минимуму, например к представлению начальных букв слов; б) предикативный характер компонентов вербализации речи: она вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых... Закон для вербализации речи – всегда опускать подлежащее...; в) семантическая специфика компонентов вербализации речи и большая степень ситуативной контекстуальной обусловленности» [37, с. 41].

Переход от вербализации речи к внешней речи – это «переструктурирование речи, превращение совершенно самобытного и своеобразного синтаксиса, смыслового и звукового строя вербализации речи в другие структурные формы, присущие внешней речи, превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других речь» [37, с. 46].

Таким образом, вербализация речи возникает из внешней, является ее психологической трансформацией, в которой наибольшее значение имеет даже не столько ее «беззвучность», а прежде всего ее крайняя ситуативность, обобщенность и вытекающая из них словесная фрагментарность. Все эти специфические особенности вербализации речи при некоторых условиях (например, общности ситуаций) обнаруживаются и во внешней речи. Все это означает, что вербализация речи не может быть изолирована от внешней, и не может рассматриваться как независимое от нее явление. Вместе с тем совершенно очевидна также и функциональная зависимость внешней речи от вербализации речи. Это следует из того, что при всех более или менее отсроченных сообщениях своих мыслей (предметных или словесных ассоциаций) мы предварительно фиксируем их.

Изучение особенностей вербализации речи тесно связано с анализом коммуникативного поведения партнеров, представляющего собой в настоящее время обширную область исследований со своими подходами и

методами. В настоящий момент внимание исследователей привлекает анализ коммуникативного поведения в контексте общения и социальной перцепции. Доказано, что «экспрессия» или «выражение» возможны потому, что есть «приемник» или другой, воспринимающий человек, который реагирует на экспрессию. Причина единства экспрессии и импресии, выражения и впечатления – в интерперсональной природе коммуникативного поведения человека [55, с. 23]. Изучение коммуникативного поведения человека приобретает особое значение в контексте взаимовосприятий, взаимодействий и взаимоотношений людей. Данный подход к коммуникативному поведению в российской психологии разрабатывается доктором психологических наук, профессором Ростовского госуниверситета Верой Александровной Лабунской. В работах Лабунской В.А. (1986, 1990, 1999) представлены личностно-динамический подход к феномену «экспрессия человека», структурно-функциональный подход к анализу экспрессивного, невербального общения, подход к интерпретации коммуникативного поведения как творческого процесса. Она определяет коммуникативное поведение как «социально и биологически обусловленный способ организации невербальных средств выражения личностной «структуры» [55, с. 34], как форму «объективации внутреннего мира человека». Невербальное поведение является инструментом познания внутреннего мира личности, так как «оно и есть часть этого мира, форма его существования» [55, с. 33]. В связи с этим невербальное поведение рассматривается Лабунской В.А. в качестве «внешнего экспрессивного «Я» личности, внешней формы существования и проявления ее психического мира.

Рассматривая коммуникативное поведение как сложное, многокомпонентное образование, Лабунская В.А. доказывает следующие положения:

- коммуникативное поведение полисеманлично, оно несет информацию о состояниях, психологических и социально-психологических качествах личности, а также об особенностях ее взаимоотношений с другими;
- формирование невербального поведения личности осуществляется на стыке природных форм выражения переживаний, отношений и

социокультурных способов поведения, взаимодействие между которыми опосредовано общением;

- взаимосвязь между определенным поведением и какими-либо психологическими особенностями человека не является однозначной. В этой связи Лабунская В.А. говорит о «поле психологических значений» невербального поведения;

- коммуникативное поведение имеет многокомпонентное строение и включает в себя акустическую, оптическую, тактильно-кинестетическую, ольфакторную и проксемическую структуры;

- коммуникативное поведение предстает в общении в 2-х видах: невербальное поведение личности и невербальное поведение диады, группы или невербальная интеракция. Эффект «невербальной интеракции» создает взаимодействие между кинесической, такесической структурами невербального поведения и пространственно-временными компонентами общения – *проксемикой* (вид ориентации партнеров относительно друг друга – варьирует от *лицом к лицу* до *спина к спине*; месторасположение в пространстве общения; дистанция между партнерами; персональное пространство каждого из них, время общения);

- проанализировав ряд экспериментальных исследований зарубежных ученых, Лабунская В.А. приходит к выводу, что невербальная интеракция, ее кинесико-проксемические средства несут информацию о 3-х главных компонентах межличностных отношений: 1) аффилиация (притяжение, любовь-отталкивание, ненависть); 2) доминирование-подчинение; 3) включенность-«отсутствие». Эти три компонента соответствуют трем группам отношений, которые были выделены в исследовании психологов Столина В.В., Голосовой Н.И. (1982) и рассматриваются ими как основные координаты эмоционального отношения человека к человеку: симпатия-антипатия; уважение-неуважение; близость-отдаленность. Этот вывод для нас особенно важен. Он доказывает, что в ходе общения участники невербальной интеракции, а также ее наблюдатели, с помощью кинесико-проксемических форм невербальной интеракции, в которые включены кинесическая структура невербального поведения каждого из партнеров, дистанция, ориентация, месторасположение партнеров и их персональное пространство, могут представить для осознания оценки, изменения системы своих взаимоотношений. Эта система становится более очевидной при подключении в структуру невербальной интеракции такой

подструктуры невербального поведения, как такесика (система прикосновений). Лабунская В.А. пишет: «Нет более четкого и ясного индикатора затрудненного общения, изменения отношений между людьми, чем такесика» [55, с. 22]. Если исходить из этого, то диадный танец представляет собой «идеальную» модель для изучения, развития и изменения отношений между партнерами;

- кинесико-проксемические средства взаимодействия выполняют разнообразные функции, среди которых для нас представляют особый интерес диагностические, регулятивные и образовательные (создание образа о человеке). Известно, что состояния, качества личности, отношения не даны воспринимающему непосредственно, а «закодированы» в особенностях поведения и деятельности человека. С помощью социально-психологической интерпретации, которая понимается Лабунской В.А. как «процесс установления всей иерархии связей» [115, с. 47] между объектными и субъектными свойствами человека, между «внешним» и «внутренним», личность воспринимаемого человека во всем многообразии его качеств и отношений становится представленной субъекту восприятия в образе-представлении. Интерпретация достаточно субъективна, содержит в себе личностные определения одного человека другим, выражает отношение субъекта к объекту суждения;

- невербальное поведение другого человека является пусковым механизмом разворачивания процессов социально-психологической интерпретации. Осознанное же установление связей между невербальным поведением и психологическими особенностями субъекта восприятия осуществляется личностью в том случае, если в общении возникает некоторая проблема или перед человеком ставятся соответствующие задачи. Содержание интерпретации зависит как от «эталонных», так и от индивидуальных интерпретационных схем, в которых закреплён опыт, накопленный личностью при соотнесении внешних, наблюдаемых элементов невербального поведения человека и его психологических характеристик. В результате исследований, проведенных Лабунской В.А. (1986, 1990), была создана «Методика свободной семантической оценки невербального поведения», позволяющая выявить структуру и содержание «эталонных», «деперсонализированных» интерпретационных схем. Эти схемы дают представление о различных индикативных и

функциональных возможностях экспрессивного поведения личности и экспрессивного поведения диады, группы («невербальной интеракции») в плане формирования образа человека и его отношений. Так, например, в центре «семантического поля» психологических значений поз человека находится категория «отношение», мимики – «эмоциональные состояния», невербального поведения диады, группы – «формы взаимодействия». Мимика оценивается воспринимающим субъектом в первую очередь как знак эмоциональных состояний, поза – отношений, а невербальная интеракция служит индикатором сложившихся между партнерами форм взаимодействий (схемы «полей» психологических значений невербального поведения подробно представлены в сборнике «Эмоциональные и познавательные характеристики общения», 1990).

В этой связи интерес вызывает сравнительный анализ таких явлений, как проксемика и танец, по следующим критериям: время и источник возникновения, детерминанты формирования, основные свойства, функции, структура и схемы анализа:

а) время и источник возникновения. В самом общем смысле к проксемике относят расстояние и дистанцию. Большинство исследователей (Горелов И.Н., 1980; Лабунская В.А., 1986; Луговая Е.К., 1991 и др.) подчеркивают историческую древность невербального поведения, существование в «доречевой эпохе». С этой точки зрения невербальные знаки предшествовали звуковой речи и служили средством общения и взаимодействия для человека. Танец – это «ритмичные» выразительные движения. Курис И. в этой связи пишет: «В начале танцев, как таковых, не существовало, были экспрессивные телодвижения, естественно, выражающие эмоциональные порывы, которые постепенно приобретали определенный ритм и значение», т.е. с этой точки зрения невербальные средства – более древнее явление, чем танец. Одновременно и танец и невербальные средства имеют своим источником исторически первую форму языка – «всеобщий телесный жест». Таким образом, невербальные средства и танец имеют один источник и время возникновения (доречевая эпоха);

б) детерминанты формирования. Известно, что формирование невербального поведения осуществляется под влиянием многообразных биосоциальных факторов. Что же касается танца, то выделенные его

основные характеристики также свидетельствуют о многообразной обусловленности его функций в истории человечества;

в) основное свойство танца – движение. К описанию и анализу и невербального поведения, и танца могут быть применены такие параметры движений, как произвольность/непроизвольность, интенсивность/расслабленность и т.д.

Экспрессивное поведение, в отличие от танца, выполняет также определенные функции в общении, связанные с речью. Но основными функциями как для экспрессивного поведения, так и для танца являются индикативно-диагностические, регулятивные и коммуникативные. Они по-разному представлены в различных видах танца. Близкая дистанция в парном танце, наличие прикосновений, расположение «лицом к лицу» и пересечение персональных пространств партнеров, которые имеют, по некоторым данным [55, с. 36], эллипсообразную форму, свидетельствуют о близком личностном общении партнеров. Групповой танец предполагает не очень близкую дистанцию и взаимонепересекающиеся персональные пространства партнеров, что рассматривается нами как реализация внутригрупповых отношений. Индивидуальный танец, осуществляемый в одиночестве, без обращенности к реальному или воображаемому партнеру, рассматривается нами как аутокоммуникация, основная цель которой – самопознание и саморегуляция.

Таким образом, танцевальное взаимодействие партнеров – это, по сути своей, невербальная интеракция. Значит, в танцевальном взаимодействии также проявляются три главных компонента межличностных отношений: симпатия/антипатия, уважение/неуважение, близость/отдаленность и, следовательно, становятся представленными партнерам по танцевальной интеракции для осознания, анализа и изменения.

Рассмотрение танцевального взаимодействия через призму невербальных (такесико-проксемики-кинестических) паттернов взаимодействия дает его участникам доступ к системе отношений каждого из них: к отношениям к себе, к другому (к конкретному другому и к обобщенному другому), к миру – к глубинным проблемам личности: проблемам любви и ненависти, дружбы/вражды, симпатии/антипатии, уважения/неуважения, близости/отдаленности других.

Невербальные средства взаимодействия «относительно устойчивые, взаимообусловленные совокупности элементов невербального поведения и проксемики общения, отличающие один вид взаимодействия от другого. Они выполняют не только социальные функции регуляции, идентификации, стратификации, адаптации, но и социально-психологическую функцию демонстрации отношения к другому, к самому себе, принятия себя и ожидания определенного поведения от других» [79, с. 38].

Проиллюстрируем это следующим примером: *«Она, не смущаясь, через всю залу **шла прямо ко мне**, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас **подводили** к ней и она не угадывала моего качества, она, **подавая руку** не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне»* [79, с. 213].

Часто молчаливое послание при помощи языка тела, которое использует автор, дает больше информации об искренности чувств и истинности отношений между людьми, чем самая многословная тирада. Такие проявления языка тела, как физический контакт, дистанция, ориентация, мимика, манера молчать, помогают произвести впечатление на окружающих (в данном случае на читателя) или скрыть то, что мы хотим сохранить в тайне от постороннего.

«По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней» [79, с. 213]. Используя пространственное физическое расстояние (см. выше), позволяет Толстому Л.Н. передать искренне влюбленные чувства героя.

*«Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, **часто дыша**, улыбаясь, говорила мне «епсоге», и я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела»* [79, с. 213].

В приведенном выше примере, где писатель использует интимную дистанцию, эта дистанция наполнена особой полной человеческой близости. Она определяет высокую коммуникативную значимость и часто даже решающую роль в общении, передаваемую через особую интонацию и голос: *«Князь Андрей любил танцевать и, желая поскорее отделаться от политических и умных разговоров, с которыми все обращались к нему, и желая поскорее разорвать этот досадный ему круг смущения, образовавшегося от присутствия государя, пошел танцевать и выбрал*

Наташу потому, что на нее указал ему Пьер и потому, что она первая из хорошеньких женщин попала ему на глаза; но едва он обнял, этот тонкий, подвижный, трепещущий стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко от него, вино ее прелести ударило ему в голову, он почувствовал себя ожившим и помолодевшим, когда, переводя дыханье и оставив ее, остановился и стал глядеть на танцующих» [80. с. 107].

В каждом естественном языке существуют особые выражения, обозначающие коммуникативное пространство между участниками коммуникации, ср. *Зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко от него.*

Следующий пример из повести Куприна А.И. «Поединок»: *В зале, которая, казалось, вся дрожала от оглушительных звуков вальса, вертелась две пары. Бобетинский, распустив локти, точно крылья, быстро семеня ногами вокруг высокой Тальман, танцевавшей с величавым спокойствием каменного монумента. Рослый патлатый Арчаковский кружил вокруг себя маленькую, розовенькую младшую Лыкачеву, слегка согнувшись над нею и глядя ей в пробор; не выделывая па, он лишь лениво и небрежно переступал ногами, как танцуют обыкновенно с детьми.*

«Вот проплыла, не глядя на своего кавалера, едва перебирая ногами, с неподвижными плечами и с обиженным видом суровой недоτροги величественная Тальман и рядом с ней веселый, скачущий козлом Епифанов, Вот маленькая Лыкачева, вся пунцовая, с сияющими глазками, с обнаженной белой, невинной, девической шейкой. Вот Олизар на тонких ногах, прямых и стройных, точно ножки циркуля» [81, с. 415].

Диалогическое взаимодействие людей является многоместной функцией от пространственного расположения участников диалога, дистанции, поз, типов взглядов и еще очень многих других пространственно-кинетических переменных. Направление жеста, широта жеста (объем занимаемого им пространства), ход жестового движения (например, плавный или порывистый), взаимная пространственная ориентация партнеров, глазное поведение собеседников и расстояние между ними существенно влияют на характер исполнения жеста и ее интерпретацию.

Как мы уже указывали, широта движения соотносится с такими чертами человеческой психики, как интровертность / экстравертность / амбивертность. Интроверт сосредоточен на самом себе, на своих внутренних переживаниях и предпочитает не показывать свои эмоции

другим людям; экстраверт, наоборот, любит быть на людях, делиться с ними своими мыслями и чувствами, выставлять себя на обозрение другим; амбиверт занимает промежуточное положение между данными психотипами, обладая качествами и интроверта и экстраверта. От интроверта естественнее ожидать узких движений, стереотипно соотносимых со скромностью, сомнением, осторожностью, неуверенностью в себе. Широкие движения более типичны для экстраверта, поскольку свидетельствуют о бурных чувствах, которыми тот готов поделиться с другими людьми; они говорят об испытываемой им радости или бурной ярости, о переживаемом душевном подъеме, об охватившем его энтузиазме. Автор, используя эти приемы, через танец дает психологическую характеристику персонажам.

«От долгого движения разгоряченных тел и от пыли, подымавшейся с паркета, в зале стало душно, и огни свеч обратились в желтые туманные пятна. Теперь танцевало много пар, и так как места не хватало, то каждая пара топталась в ограниченном пространстве: танцующие теснились и толкали друг друга. Фигура, которую предложил дирижер, заключалась в том, что свободный кавалер преследовал какую-нибудь танцующую пару. Вертясь вокруг нее и выделявая в то же время на мазурки, что выходило смешным и нелепым, он старался улучшить момент, когда дама станет к нему лицом. Тогда он быстро хлопал в ладоши, что означало, что он отбил даму. Но другой кавалер старался помешать ему сделать это и всячески поворачивал и дергал свою даму из стороны в сторону, а сам то пятился, то скакал боком и даже пускал в ход левый свободный локоть, нацеливая его в грудь противнику. От этой фигуры всегда происходила в зале неловкая, грубая и некрасивая суэта» [81, с. 417].

В данном случае Куприн А.И. применяет правило пространственного взаимного положения и ориентации тел (в качестве примера: *теснились и толкали друг друга, станет к нему лицом, скакал боком*). Люди на публике, особенно при большом скоплении народа, обычно подчеркивают, что они вместе, что их нахождение в одном месте не является случайным, их объединяют территория и время, общность интересов, задач или целей и что совместное пребывание создает коллективное (публичное) пространство и «рпуасу» (незнакомые люди при этом стоят ближе друг к другу, чем обычно, берутся за руки, кладут руки друг другу на плечи, одновременно, «как бы в едином порыве», поднимаются с кресел, пускаются в танец, скорбно молчат и пр.).

Как показывает анализ нескольких «танцевальных» сцен из произведений русской литературы XIX-начала XX в., мотив танца находит отражение в произведениях самого разного толка. Однако, наличие устойчивых инвариантных элементов в структуре мотива (физический контакт, ориентация тел и др.) дает основание предполагать, что танец содержит некий инвариант, позволяющий интерпретировать танец как знаково-символический комплекс.

В настоящем исследовании наш интерес вызывает описание механизмов, способов и приемов вербализации проксежного поведения в языке художественных текстов. Так, при описании проксежного поведения персонажей определяющую роль играет выбор автора точных художественных и языковых средств.

Сопоставительный анализ произведений Ауэзова М. «Путь Абая» и «Абай жолы» показал, что самую многочисленную семантическую группу слов, используемых писателями при воссоздании проксежного поведения, составляют глаголы. Для каждой группы характерно употребление в виде того или иного ориентира с соответствующими видами пространственных отношений.

Будучи самой сложной и самой емкой категорией языка глагол, по замечанию академика Виноградова В.В., является наиболее конструктивной категорией слов. В казахском языке глаголы «являются самыми активными в образовании словосочетаний. С ними могут сочетаться все имена, наречия, деепричастия, слова с послелогами и служебными именами» [112, с. 590]. Глагол как стержневой компонент словосочетания способен присоединить к себе любое существительное, являющееся зависимым от него.

Выступая в качестве главного компонента проксежного словосочетания, русский глагол управляет зависимой конструкцией, как и в казахском языке. В тюркских языках управление широко распространено в качестве способа синтаксической связи слов и в составе словосочетаний. «В составе глагольных словосочетаний около 50 % структурных вариантов образовано посредством управления, что позволяет считать управление самым синтаксическим средством связи в словосочетаниях. Посредством примыкания образуется 40 % всех глагольных словосочетаний и путем согласования – более 10 %».

В казахском языке глаголы по своим значениям и синтаксическим функциям тесно связаны с различными именами. В этом случае глаголы требуют от имен определенного грамматического оформления, показывающего их отношения друг к другу. Имена как зависимые компоненты вместе с глаголами образуют наиболее распространенный тип словосочетаний, которые в отличие от других, называют глагольные словосочетания с управляемыми именами [155, с. 279]. Таким образом, как в казахском, так и в русских языках глагол является синтаксически организующим центром словосочетания и выступает главным компонентом словосочетаний проксемического значения в казахском и русском языках (ввиду многозначности большинства казахских и русских глаголов фактически имеются в виду лексико-семантические варианты определенного содержания):

- 1) движения и передвижения: *выйти-шығу, ходить-жүру*;
- 2) пребывания: *быть, находится-болу*;
- 3) действия: *вызвать-шақыру*;
- 4) состояния: *сидеть-отыру, стоять-тұру*.

В основе семантики всех постпозитивов, сочетающихся с этими глаголами, лежит проксемическое значение. Они обозначают переход субъекта глагола в новое проксемическое состояние – его подъем, опускание, удаление, вхождение, продвижение, т.е. представляет собой разновидность локализатора.

Руководствуясь задачами нашего исследования, проведенный анализ проксемических единиц для воссоздания проксемного поведения в произведении М. Ауезова «Путь Абая» и «Абай жолы» можно представить в виде следующей таблицы:

**Таблица 2. Частотность проксемных единиц
в художественном тексте**

Русский язык			
1	2	3	4
Тип проксемных единиц	Частота	%	Количество проксем
Глагол	222	38,9	32
Наречие	62	10,8	10
Предлог	109	19,1	18

Существительное	17	2,98	2
Прилагательное	7	1,22	-
Словосочетание	10	1,75	2
Частица	-	-	-
Местоимение	3	0,52	-
Казахский язык			
1	2	3	4
Тип проксемической единицы	Частота	В %	Количество проксем
Глагол	210	37,5	23
Наречие	59	10,5	8
Предлог	-	-	-
Существительное	25	4,46	-
Прилагательное	7	1,25	-
Словосочетание	11	1,96	2
Частица	37	6,60	2
Местоимение	3	0.53	1

Наряду с описанием глагольного сочетания, в качестве ведущего компонента в изучаемых нами словосочетаниях употребляются фразеологические сочетания со значением перемещения в пространстве.

Таким образом, лексические единицы русского языка, заключающие в своей семантике компонент, указывающий на проксему, выражены, прежде всего, глаголами и глагольными фраземами, а также их приставочными коррелятами.

Как показал анализ фактического материала, основную группу проксем составляют динамические проксеммы, характеризующие различные формы движения относительно другого или других предметов действительности.

В русском и казахском языках динамические проксеммы выражаются глагольными словосочетаниями с наречием и с предлогами динамической локализации в русском языке, а в казахском языке им соответствуют падежные аффиксы и служебные имена.

Исходя из вышеизложенного, в работе корпус проксем, эксцерпированных из художественных текстов, систематизируется в предлагаемой нами модели лексикографического описания проксем русского и казахского языков.

Выйти навстречу (здесь: **вышла навстречу**), выражено глаголом + наречие.

Толкование

В направлении, противоположном кому-, чему-нибудь, движущемуся для сближения. В переносном значении: (идти навстречу) сочувствуя, оказывать содействие кому-, чему-нибудь. Приставка вы – глагольная приставка, означает: 1) движение изнутри, направления.

В русском языке встречаются подобные приставки. Которые означают: 2) исчерпанность действия, достижение чего-нибудь, направление (выучить, выпросить, 3) с частицей -ся – полную исчерпанность действия, направления (вылежаться, выспаться).

Комментарий

Данная проксема обозначает движение, выражающее желание коммуниканта уменьшить расстояние до максимальной близости.

Текстовая иллюстрация

*Подъехал я к дому, она **вышла навстречу** и стала привязывать коня, а песня моя пошла гулять по свету. Вот и все, – сказал он и подмигнул Жумабаю [26, с. 26].*

Ср.

Алдынан шығу (здесь: **алдымнан шығып**), выражено наречием (үстеу) + глагол (етістік)

Толкование

Қарсы кездесті, жолықты, құрметтеп қарсы алды.

Перевод

Алдынан қарсы шығу – выехать, выйти навстречу.

Текстовая иллюстрация

Келсем, алдымнан өзі шығып, атымды байлап жатыр, – деп, Жұмабай жаққа қарап, иек қағып қойды [25, с. 7].

Итак, данные проксемы **вышла навстречу** в русском языке и **алдымнан шығып** в казахском языке представляют собой в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольно-наречные, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

В лингвистической литературе сочетания глагола с постпозитивом понимаются по-разному: 1) как свободные сочетания и 2) как единицы

класса глагол. Что касается второго компонента этих сочетаний, то он рассматривается как наречие.

Вслед за Аносовой мы считаем, что послеглагольный наречный элемент-это функционально несамостоятельный, полностью зависимый элемент, образующий с глаголом единый семантический комплекс для выражения проксемного поведения коммуникантов.

Круто повернуться (здесь: **круто повернулся**) – проксема, выраженная наречием + глагол.

Толкование

С резким, внезапным изменением направления. Вращательным движением, ворочаясь изменить положение.

Комментарий

Данная проксема показывает на негодование человека к происходящей ситуации.

Текстовая иллюстрация

*Теперь он **круто повернулся** и увидел, что коренастый мальчишка повалил Абая и сидит у него на груди, не давая возможности подняться [26, с. 34].*

Ср.:

Жалт қарау (жалт қарады) – глагол + наречие

Толкование

Қарай қалды, бет бұрды.

Перевод

Повернулся

Текстовая иллюстрация

*Енді тентек Оспанның дағдылы мінезі құтырып, үдей бастаған соң ашуланып, шұғыл бұрылып, **жалт қарады** (еліктеуіш + етістік) [25, с. 14].*

Проксемы **круто повернулся** в русском языке и **жалт қарады** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольно-наречные, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Иди сюда – проксема, выраженная глаголом + наречие

Толкование

1. Двигаться, перемещаться.
2. Отправляться, направляться куда-н. В это место, в ту сторону.

Комментарий

Данная проксема указывает на направление перемещения.

Текстовая иллюстрация

В тусклом отсвете огня, падавшем сквозь открытую дверь, он сразу узнал мальчика и тихо окликнул его:

– Абай, я здесь! **Иди сюда!** [26, с. 43].

Ср:

Бері кел – наречие + глагол

Толкование

Өзіне қарай шақыру.

Перевод

Кел – иди.

Текстовая иллюстрация

Есік ашылған жерден Абайды көрді де, ақырын дауыспен:

– Абай, **бері кел**, мұнда кел... – деді [25, с. 21].

Проксемы **иди сюда** в русском языке и **бері кел** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, хотя сюда – это статическая проксема, которая указывает на локализацию, но т.к. наречный элемент является примыкающим к глаголу и уподобляется ему, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-акустические, по морфологическому признаку глагольно-наречные, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Подойти (здесь: **подошли**) – проксема, выраженная глаголом.

Толкование

Идя, приблизиться на близкое расстояние. Приставка *по-* 1) образует глагол со значением начало действия. В русском языке встречаются аналогичные приставки.

Комментарий

Проксема указывает на приближение субъекта (-ов) на близкое расстояние.

Текстовая иллюстрация

Подошли многочисленные невестки и женщины соседних юрт, несколько старух и стариков, копошившихся **поблизости**; **примчались** со всех ног мальчишки [26, с. 29].

Автор в данном предложении использует 3 проксемы.

Ср.

Келе бер (келе бергенде) – сложный глагол (дееприч. + причаст. с падежным аффиксом)

Толкование

Бері қарай бет алып жүру, жылжу.

Келе бергенде – подошли.

Текстовая иллюстрация

Аттылар үйдің сыртына келе бергенде (күрделі етістік – глагол) алдарында, сол үлкен үй мен күншығыс жағына тігілген қонақ үйдің екі арасында (үстеу-наречие) бұларды күткен бір топ жан тұр екен. Жаңағы шешелерден басқа: жеңгелер, көрші үйлердің қатындары, бірен-саран тыста жүрген (етістік) шал-кемпір, онан соң осы ауылдың барлық үйлерінен шығып (етістік), жүгірісіп келіп жатқан (етістік-глагол) балалар бар. Бұл топқа қарай ауылдың үлкендері де жан-жақтан дабырлап сөйлеп, ағылып келіп жатыр (күрделі етістік) [25, с. 9].

Проксемы **подошли** в русском языке и **келе бергенде** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку – сложный глагол, выраженный деепричастием (кел+е) и вспомогательным глаголом, выраженный причастием (**берген + де**) падежное окончание, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – групповые.

Приближались к – проксема, выраженная глаголом.

Толкование

Стать более близким. Приставка *при-* образует глаголы со значением: а) доведения действия до конечной цели, направления (приехать, приблизиться), а также выражает б) добавления, сближения, скрепления чего-нибудь с чем-нибудь. Предлог *к* обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Здесь проксема использована автором, чтобы показать направление движения.

Текстовая иллюстрация

*С разных концов аула **приближались** мужчины.*

*С другой стороны аула к нему **приближались** несколько всадников, тучных, богато одетых, на хороших конях. Вдруг позади них раздался топот: **приближались** верховые [26, с. 29].*

Ср.

Ағылып келіп жатыр – сложный глагол (деепричастие + вспом. глагол)

Толкование

Бері қарай бет алып жүру, жылжу.

Перевод

Келе жатыр-идет, идут, ехать.

Текстовая иллюстрация

*Бұл топқа қарай ауылдың үлкендері де жан-жақтан дабырлап сөйлеп, **ағылып келіп жатыр** [25, с. 9].*

Проксемы **приближались** в русском языке и **ағылып келіп жатыр** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку сложный глагол выраженный деепричастием (кел+іп) и вспомогательным глаголом (жатыр), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – групповые.

Схватил – проксема, выраженная глаголом.

Толкование

Выражает соединение.

Комментарий

В данном примере мы видим вторжение в некое личное пространство с целью показать любовь старших к ребенку и ребенка к матери.

Текстовая иллюстрация

*С детской торопливостью Абай **бросился** к матери, но кто-то **схватил** его, обнял, и тотчас на него посыпались поцелуи множества пожилых женщин и мужчин. Значит, он для них все еще ребенок? [26, с. 30].*

Ср.:

Құшақтай алып – сложный глагол (деепричастие + деепричастие)

Толкование

Құшағына алу, қапсыра қысу.

Перевод

Құшақтап алу – обнять.

Текстовая иллюстрация

Абай қайтадан өзінің жасына лайық қуанышты бала қалпына келе калды. Бала еңді асығып, өз шешесіне қарай жақындай беріп еді, Жұманның қатыны, Қалика деген бір жеңгесі:

*– Телғара! Айналайын Телғара! Соқталдай азамат боп кетіңсің-ау! – деп, мойнынан **құшақтай алып**, бетінен сүйді. Содан кейін үлкен қатындар және осы топтағы үлкен еркектің, ағалардың да бір-екеуі сүйіп жатыр. Абайды шын балаға айналдырып жіберген осы сүйістер еді [25, с. 10].*

Проксемь **схватил** в русском языке и **құшақтай алып** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемь, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку глагольные в казахском языке сложный глагол, выраженный деепричастием (**құшақта+й**) и вспомогательный глагол-деепричастие (**ал+ып**), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Направились к – проксема, выраженная глаголом + предлог.

Толкование

Двинуться по направлению к кому-, чему-нибудь.

Предлог **к** обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Текстовая иллюстрация

*Пробивая себе путь сквозь стадо овец, тянувшееся на вечерний выпас, они **направились** прямо **к** большому белому юрту. Примчавшись в Кольгайнар, Абай спрыгнул с коня и **направился** к юрте матери [26, с. 28].*

В данном предложении 3 проксемь (бросился, схватил, обнял).

Ср.:

Қарай – (шылау) союз

Толкование

Барыс септікті меңгеретін септеулік шылау. Мағынасы белгілі бір нысанға қарай бағыт беру.

Текстовая иллюстрация

*Осы ауылдың шеткі үйлерін сырттап, кешкі жайылымға, батыс жаққа **қарай** жаңа өріп бара жатқан бойдақ қойдың ішін аралап, ортадағы үлкен үйлерге **қарай** беттеп келе жатқан үш аттыны бұл ауыл тез таныды [25, с. 8].*

Проксемы **направились** в русском языке и **қарай** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамическая проксема в русском языке, а казахском языке – статическая проксема, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные в русском языке, в казахском языке – союз «қарай» сочетается с дательным падежом, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – групповое в русском языке.

В казахском языке проксемное поведение представляет собой гетерогенное явление, так как в его создании участвуют разнопорядковые средства (падежные аффиксы, послелогои и служебные имена). Статические (**қарай**) и динамические (**направились**) проксемные поведения противопоставляются на основании различий в семантике аффиксов пространственных падежей.

Прильнул к – проксема, выраженная глаголом + предлог.

Толкование

Обозначает прижаться всем телом к кому-нибудь.

Предлог к обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Указывает на интимное расстояние.

Текстовая иллюстрация

*Когда наконец он **прильнул к** родной матери, та не поцеловала его: она только крепко обняла и прижала сына к груди, жадно вдыхая запах его волос [26, с. 30].*

Ср.: Есімше тұлғалы етістік жатыс септігінде келіп, мезгілдік мағынада жұмсалады.

Текстовая иллюстрация

*Кезек өз **шешесіне келгенде**, ол сүйген жоқ. Қатты бір қысып (етістік), баурына басып тұрды да, маңдайынан иіскеді Абайдың*

әкесіндегі тартымды салқындық шешесіне де көптен бергі мінез болған [25, с. 12].

Проксемы **прильнул к** в русском языке и **келгенде** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные в русском языке, в казахском языке – визуальные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке причастием с падежным аффиксом, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Толкнул к – проксемы, выраженная глаголом + предлог

Толкование

Двигать от себя, касаться резким движением, коротким ударом.

Предлог к обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Данная проксема показывает на сильное желание коммуниканта отдалить и удалить от себя на большое расстояние даже, на расстояние, не видимое глазу.

Текстовая иллюстрация

– *И толкнул Оспана к двери* [26, с. 34].

Ср.:

Итеріп қалды – сложный глагол (дееприч. + вспом. глагол)

Толкование

Итер – бір нәрсені тұрған орнынан қозғап жылжыту, сырғыту.

Перевод

Итеру – толкать, толкнуть, толкание.

Текстовая иллюстрация

– *Бар, алып кет қарғыс тигенді! – деп Оспанның бетін бұрды да, **итеріп қалды*** [25, с. 14].

Проксемы **толкнул к** в русском языке и **итеріп қалды** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке сложный глагол, выраженный

деепричастием (итер+іп) и вспомогательным глаголом (**қалды**). По характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Прижала к – проксема, выраженная глаголом + предлог.

Толкование

Выражает тесное прислонение.

Предлог к обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Проксема указывает на интимное расстояние, т.е. коммуникант допускает близкого к себе человека к такой близости.

Текстовая иллюстрация

*Она только крепко обняла и **прижала** сына к груди, жадно вдыхая запах его волос [26, с. 30].*

Ср.:

Қысып – деепричастие

Толкование

Бауырына басу, қапсыра құшақтау.

Перевод

Қысып – прижать, зажать, сжимать, теснить, давить.

Текстовая иллюстрация

*Қатты бір **қысып**, баурына басып тұрды да, маңдайынан иіскеді Абайдың әкесіндегі тартымды салқындық шешесіне де көптен бергі мінез болған [25, с. 10].*

Проксемы **прижала к** в русском языке и **қысып** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке деепричастием (**қыс+ып**). По характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Подъехали к – проксема, выраженная глаголом + предлог

Толкование

Приблизиться, передвигаясь на чем-нибудь. В переносном значении: выбрав удобный момент, обратиться к кому-нибудь с просьбой, вопросом, предложением. Приставка *по-* 1) образует глагол со знач. начало действия. В русском языке встречаются аналогичные приставки, которые означают 2) незначительной или неполной меры действия, совершаемые в течение короткого времени, направления (попрыгать, поспать) и т.д.

Предлог *к* обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Проксема обозначает движение в заданном направлении для приближения к объекту.

Текстовая иллюстрация

А) Путники **подъехали к** аулу, расположенному у самого родника.

Б) Между Большой юртой, к которой **подъехали** всадники, и Гостиной юртой их уже ожидала большая толпа.

В) Весь день они были в пути, кони их взмылились, и к закату, перед самой вечерней молитвой, они **подъехали** наконец **к** аулу Кунанбая на Кольгайнаре, где жила и родная мать Абая – Улжан [25, с. 29].

Ср.:

Келе жатыр – сложный глагол (дееприч. + вспом. глагол)

Толкование

Бері қарай бет алып жүру, жылжу.

Перевод

Келе жатыр – идет, идут, ехать.

Текстовая иллюстрация

Жүргіншілер булақтың дәл қасына ең жақын қонған ауылға келе жатыр. Ортасында (үстеу-наречие) бес үлкен ақ үйлер бар, кәп үйлі ауыл — Абайдың екі шешесі Ұлжан мен Айғыздың аулы [25, с. 9].

Проксемы **подъехали к** в русском языке и **келе жатыр** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке: сложный глагол, выраженный деепричастием (кел+е) и вспомогательным глаголом (жатыр). По характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – групповые.

Подойди к – проксема, выраженная глаголом побудительного наклонения + предлог + существительное

Толкование

Идя, приблизиться. *Подо-* – приставка

Предлог к обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Текстовая иллюстрация

Улжан не стала долго задерживать его.

– **Подойди к** бабушке, – сказала она и повернула мальчика к двери Большой юрты.

– **Негодный, не прибежал ко мне сразу! К отцу пошел, негодный!** – бормотала она [26, с. 30].

Ср.:

Әжеңе бар – глагол + существительное

Толкование

Жақында, жуықта, жет.

Перевод

Бар – иди

Текстовая иллюстрация

Ұлжан көп ұстаған жоқ.

– **Әжеңе бар, әнеки!** – деп үлкен үйдің алдына қарай бұрып жіберді [25, с. 10].

Проксемы **подойди к** в русском языке и **бар** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-акустические, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке глагольная форма выражения побудительного наклонения с существительным, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Вбежал в – проксема, выраженная глагол + предлог.

Толкование

Войти куда-нибудь бегом.

Комментарий

Данная проксема показывает на желание коммуниканта быстрее увидеть кого-то.

Текстовая иллюстрация

*В эту минуту в юрту **вбежал** Оспан, младший брат Абая. Сколько раз сегодня Абай спрашивал о нем! Как хотел видеть этого озорника!*

Оспан не забыл отдать салем, но тут же, не обращая внимания; ни на отца, ни на других, присутствовавших здесь, старших, повис на шее Абая. Он степенно обнял Оспана и поцеловал в обе щеки. Но Оспан сейчас же начал шалить, и хорошее впечатление, вызванное его приходом, мгновенно рассеялось [26, с. 34].

Ср.:

Кіріп келді – сложный глагол (деепричастие + вспом. глагол).

Толкование

Бері қарай бет алып жүру, жылжу.

Перевод

Кіріп келді – вошел.

Текстовая иллюстрация

*Сөйткенше, сырттан Оспан **кіріп келді**. Кішкене інісі. Ауылға келгелі көп сұраса да, көре алмаған тентек, содыр інісі [25, с. 13].*

Проксемы **вбежал** в русском языке и **кіріп келді** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные в казахском языке – сложный глагол, выраженный деепричастием (кір+іп) и вспомогательным глаголом (**келді**). По характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Повалил – проксема, выраженная глаголом.

Толкование

Обрушивать вниз, заставлять падать.

Комментарий

Данная проксема показывает на некое вторжение в личное пространство.

Текстовая иллюстрация

– Не говори, не говори отцу! Ни за что не смей говорить, – угрожающе шептал он и вдруг **повалил** Абая навзничь [26, с. 34].

Ср.:

Жыға берді – сложный глагол (деепричастие + вспом. глагол)

Толкование

1. Жығылу, құлау, омақасу.
2. Бір жағына қарай қисаю, жантаю, жату.

Перевод

Жығу-валить, свалить, повалить, победить.

Текстовая иллюстрация

– *Айтпа, айтпа деймін анаған! Айтушы болма анаған!.. – деп, әкесі жақты нұсқап, Абайдың аузын аштырмай, шалқалатып жыға берді* [25, с. 14].

Проксемы **повалил** в русском языке и **жыға берді** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку сложный глагол выраженный деепричастием (**жық+а**) и вспомогательным глаголом (**берді**), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Пытался освободиться – проксема, выраженная глаголом.

Толкование

Избавиться от кого-чего-н. нежелательного, получить свободу.

Комментарий

Данная проксема показывает на желание коммуниканта отдалиться на какое-то расстояние.

Текстовая иллюстрация

Абай, понимая все неприличие такой возни при старших, пытался освободиться и привести себя в порядок. И все же коренастый Оспан положил его на обе лопатки, вытащил изо рта что-то скользкое засунул Абаю за воротник [26, с. 34].

Ср.:

Текстовая иллюстрация

Абай бір жағынан еріксіз күліп, екіншіден қысылып, бойын жиып алайын деп еді [25, с. 14].

Проксема **пытался освободиться** в русском языке, а в казахском языке данная проксема отсутствует. В зависимости от расположения коммуникантов – динамическая проксема, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальная, по морфологическому признаку глагольная форма выражения, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальная.

Попытался вырваться – проксема выраженная глаголом + инфинитив.

Толкование

Стараться делать чего-н. Силой освободиться, уйти откуда-н., отделиться.

Комментарий

Данная проксема показывает на желание освободиться, отдалиться на какое-то расстояние.

Текстовая иллюстрация

*Абай передернул плечами и **попытался вырваться*** [26, с. 34].

Ср.:

Ырши берген – сложный глагол (деепричастие + причастие)

Толкование

Ыршы – шұғыл секіру, қарғып кету

Перевод

Ыршу-прыгнуть, вскочить.

Текстовая иллюстрация

*Абай сескеніп, тітіркеніп **ырши берген*** [25, с. 14].

Проксемы **попытался вырваться** в русском языке и **ырши берген** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку сложный глагол выраженный ддепричастием (ырш+и) и вспомогательный глагол с окончанием причастия (бер+ген) формы выражения, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Схватил Оспана – проксема, выраженная глаголом+существительное.

Толкование

Брать резким движением руки, ловить.

Комментарий

Данная проксема показывает на вторжение в некое пространство быстрым движением.

Текстовая иллюстрация

Такое озорство вывело Кунанбая из себя: одной рукой он схватил Оспана и притянул к себе, а другой дал ему несколько увесистых пощечин [26, с. 34].

Ср.:

Сүйреп алды да – сложный глагол

(деепричастие + вспом. глагол + частица)

Толкование

1. Затты бір орнынан екінші орынға жерге тигізу тарту, дарылдату

2. Алды-артына қаратпай тартқылау, ерікке қоймау.

Перевод

Сүйреп әкелу-приволочь, притащить.

Текстовая иллюстрация

*Құнанбай өз алдындағы мына бейбастақтыққа қатты ашуланып, Оспанды сол қолымен өзіне қарай жұлқып (есімдік + шылау + етістік) **сүйреп алды да**, жақтан тартып-тартып қалды. Оспан екі беті нарттай жанып, үлкен көздерімен әкесіне шоқтай қадалып (зат есім + зат есім + етістік), сазарып тұрып алды [25, с. 14].*

Проксемы **схватил** в русском языке и **сүйреп алды да** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку сложный глагол, выраженный деепричастием (сүйре+п) и вспомогательным глаголом (**алды**) с частицей **да**, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Притянул к – проксема, выраженная глагол + предлог.

Толкование

Тягой приблизить, таща, придвинуть.

К предлог обозначает направление в сторону кого-чего-н., добавление в протраственном, временном и т.п. отношениях как в прямом так и в переносном смысле.

Комментарий

Данная проксема показывает на вторжение в личное пространство.

Текстовая иллюстрация

*Такое озорство вывело Кунанбая из себя: одной рукой он схватил Оспана и **притянул** к себе, а другой дал ему несколько увесистых пощечин [26, с. 34].*

Ср.:

Өзіне қарай жұлқып – словосочетание

(местоимение + союз + деепричастие)

Толкование

1. Сілке тарту, жұлқылау.

Перевод

Жылқу – дергать, рвать, вздергивание, вырывание.

Текстовая иллюстрация

*Құнанбай өз алдындағы мына бейбастақтыққа қатты ашуланып, Оспанды сол қолымен **өзіне қарай жұлқып** (есімдік + шылау + етістік) сүйреп алды да, жақтан тартып-тартып қалды. Оспан екі беті нарттай жанып, үлкен көздерімен әкесіне шоқтай қадалып, сазарып тұрып алды [25, с. 14].*

Проксемы **притянул к** в русском языке и **өзіне қарай жұлқып** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку глагольное сочетание с предлогом в русском языке, а в казахском языке словосочетание, выраженное возвратным местоимением с падежным окончанием (**өзі+не**) и союз **қарай** обозначающий направление (дательный падеж), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Отшатнулся от – проксема, выраженная глаголом.

Толкование

1. Шатнуться в сторону, отклониться

2. перен. Резко изменив отношение к кому-н.

Предлог **от** указывает на что-н. удаляемое, избегаемое. Подлежащее устранению, прекращению, направленное против чего-н.

Комментарий

Данная проксема указывает быстрое желание коммуниканта отдалиться, где-то даже испуг.

Текстовая иллюстрация

Он с ужасом отшатнулся от Оспана.

– Ой, что ты сказал! – воскликнул Абай, но Оспан не дал ему договорить и снова повис у него на шее [26, с. 34].

Ср.:

Сескеніп – глагол (деепричастие).

Толкование

1. Жасқаншақтап қорқу, қаймығу.

2. Қауіптену, күрдектену.

Перевод

Сескену – бояться, страшиться, испугаться; робеть, вздрогнуть, опасаться.

Текстовая иллюстрация

Абай сескеніп, құлағын тартып қап [25, с. 13].

Проксемы **отшатнулся от** в русском языке и **сескеніп** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке – деепричастие, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Бросился к, остановила – проксемы, выраженные глаголами + предлог

Толкование

а) Резко уменьшить расстояние, быстро устремиться, переместиться из А в Б. б) Сдержанность, запретить кому-нибудь, делать что-нибудь.

Предлог к обозначает направление в сторону кого-чего-н., включение во что-н., добавление (пространственном, временном и т.п. отношениях) как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

В данном примере автор при помощи проксемы показывает отношение «матери и сына». Проксема «остановила» показывает на нормы поведения.

Текстовая иллюстрация

В многолюдной толпе мальчик сразу увидел родную мать. Он бросился к ней, но Улжан остановила его:

– Э, свет мой, сынок, посмотри – вон стоит твой отец! Сперва отдай салам ему! [26, с. 29].

Ср.:

Жүре беріп еді сложный глагол (дееприч. + дееприч. + вспом. глагол)

Толкование

1. Адам, мал, ең, тағы басқалардың алғын басу арқалы, бір жерден екінші жерге жетуі; бару.

2. Бір жаққа бет алу, жолға шығу, сапарға аттану; кету.

Перевод

Жүре беру – идти, ходить.

Текстовая иллюстрация

*Бала көп ішінен, ең алдымен өзінің шешесін көріп, соған **қарай жүре беріп еді** шешесі анадай жерде тұрып:*

– Әй, шырағым балам, әуелі ар жағыңда әкең тұр... Сәлем бер! – деді. [25, с. 9].

*Кезек өз шешесіне **келгенде (етістік)**, ол сүйген жоқ. Қатты бір **қысып (етістік)**, баурына басып тұрды да, маңдайынан иіскеді Абайдың әкесіндегі тартымды салқындық шешесіне де көптен бергі мінез болған [25, с. 9].*

Проксема **бросился к** в русском языке и **жүре беріп еді** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксема, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке – деепричастие (жүр+е) – деепричастие (бер+іп) – вспомогательный глагол (еді), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Пошел к – проксема, выраженная глаголом+предлог.

Толкование

Двигаться, переступая ногами из А к Б. Предлог к обозначает направление в сторону кого-чего-нибудь, включение во что-н., добавление (в пространственном, временном и т.п. отношениях) как и в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Данная проксема указывает на правила и нормы поведения.

Текстовая иллюстрация

*Смущенный своей оплошностью, мальчик **пошел к** отцу. Байтас и Жумабай, спешившись и ведя коней в поводу, тоже **шли к** Кунанбаю [26, с. 29].*

Ср.

Әкесіне қарай бұрылды – словосочетание

(существительное с падежным окончанием + союз + глагол)

Толкование

Әуелгі беттен өзге бағытқа ауысу, қайрылу. Келе жатқан бағыттан кері қарай қайту. Бетбұрыс.

Перевод

Бұрылу – повернуться, поворачиваться, развернуться, разворот.

Текстовая иллюстрация

*Ыңғайсыздықпен қылысып қалған бала, шешесінің сондайлық салқын сабырының мәнін ұқты да, әкесіне **қарай тез бұрылды** [25, с. 9].*

Проксемь **пошел к** в русском языке и **қарай бұрылды** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемь, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные с предлогом в русском языке, а в казахском языке – существительное с падежным окончанием (**әкесі+не**) – союз **қарай** – глагол (**бұрылды**), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Статические проксемь передают такую связь между предметами, событиями или явлениями, при котором расстояние между коммуникантами представляется постоянным. Другими словами, статические проксемь выражают положение кого-либо предмета или субъекта по отношению к другому предмету или субъекту, выражают общую идею близкого расположения (адпозиционная локализация), предлоги за, к выражают понятие близкого расположения сбоку от коммуниканта (латериальную локализацию), например, сзади и спереди и т.д.

В изученном нами текстовом материале соотношение сочетаний с рассматриваемыми здесь предлогами следующее за-10%, до-5% и т.д.

В исследованном материале словосочетания с предлогом за составляет самый большой объем. Ниже мы рассматриваем их казахские соответствия.

В казахском языке эти отношения получили выражение в ряде словоформ или словосочетаний.

За ним – проксема, выраженная предлогом

Толкование

Позади, вслед за кем-нибудь.

Комментарий

Указывает на локализацию субъектов.

Текстовая иллюстрация

– Неужели мы так и будем плестись **за ним**, как подводчики за чиновником? Прибавим ходу, Жумаке, это же позор! – сказал Байтас и, ударив чалого, **пустился вскачь**.

Жумабай волей-неволей **последовал за ним**, и скоро все трое мчались наперегонки [26, с. 27].

Ср.:

– Артыңда қалып, майырға ерген лаушыдай қашанғы текіректейміз. Бұл қорлықты көргенше кел, Жұмеке, біз де аттың басын қоя берейік, – деп [25, с. 8].

Проксемы **за** в русском языке и **артыңда** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – статические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку предлоги в русском языке, а в казахском языке наречная форма выражения, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Перед ним на корточки – проксема, выраженная предлогом +местоимение+наречие

Толкование

В некотором расстоянии от лицевой стороны кого-чего-н.

На корточки – согнув колени и держась на носках.

Комментарий

Данная проксема указывает на симпатию коммуниканта к собеседнику.

На корточки – специфическая проксема.

Текстовая иллюстрация

На вопрос Абая, где он был, шалун сел **перед ним на корточки**, снова обнял его за шею, притянул к себе и прошептал на ухо грязное ругательство [26, с. 34].

Ср.:

Текстовая иллюстрация

Ол, «қайда жүрдің» деп сұраған ақырын сұраған Абайға жүресінен отырып, ағасының мойнынан құшақтап, өзіне қарай тартты (есімдік + шылау + етістік) да, құлағына бір нәрсе сыбыр етті [25, с. 13].

Проксема **перед** в русском языке и в казахском языке данная проксема отсутствует, но есть специфическая проксема **жүресінен отырып**, а в русском языке **на корточки**. В зависимости от расположения коммуникантов – статические проксема, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку в русском языке **на корточки** –наречные, а в казахском языке – глагольное наречие, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные.

Перед отцом – проксема, выраженная предлог+существительное

Толкование

В некотором расстоянии от лицевой стороны чего-н., напротив кого-чего-н.

Комментарий

Данная проксема показывает на локализацию субъекта.

Текстовая иллюстрация

*Лицо мальчика запылало, но он неподвижно застыл **перед отцом**, сверкая большими глазами. Пощечины не испугали его, он продолжал стоять, как ни в чем не бывало [26, с. 34].*

Ср.:

Текстовая иллюстрация

Оспан екі беті нарттай жанып, үлкен көздерімен әкесіне шоқтай қадалып, сазарып тұрып алды [25, с. 14].

Проксема **перед отцом** в русском языке, в казахском языке данная проксема отсутствует. В зависимости от расположения коммуникантов – статическая проксема, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальная, по морфологическому признаку предлог+существительное в русском языке, а в казахском языке отсутствует данная проксема, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальная, по семантическому признаку – описательный.

Поблизости – проксема, выраженная наречием.

Толкование

Находиться неподалеку. Вблизи кого-, чего-нибудь. Приставка *по-* образует глагол со значением начало действия. В русском языке встречаются аналогичные приставки.

Комментарий

Данная проксема указывает на нахождение субъекта неподалеку.

Текстовая иллюстрация

*Подошли многочисленные невестки и женщины соседних юрт, несколько старух и стариков, копошившихся **поблизости**; примчались со всех ног мальчишки [26, с. 29].*

Ср.:

Тыста – наречие

Толкование

Тыс сырт жақ, дала.

Перевод

Тыста – снаружи; на дворе.

Тыс – внешность, наружность, оболочка, обложка, сверх, вне.

Текстовая иллюстрация

*Жаңағы шешелерден басқа: жеңгелер, көрші үйлердің қатындары, бірін-саран **тыста жүрген (етістік)** шал-кемпір, онан соң осы ауылдың барлық үйлерінен шығып (етістік), жүгірісіп келіп жатқан (етістік-глагол) балалар бар [25, с. 9].*

Проксемы **поблизости** в русском языке и **тыста** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – статические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку наречные, по семантическому признаку – описательные.

Поодаль – проксема, выраженная наречием.

Толкование

В некотором отдалении от кого-, чего-нибудь.

Комментарий

Данная проксема указывает на статус, социальное положение. Эта некоторая отдаленность от толпы простых людей.

Текстовая иллюстрация

*Абай быстро оглянулся и только теперь заметил отца. Кунанбай стоял с несколькими стариками **поодаль**, позади Гостиной юрты [26, с. 29].*

Ср.:

Сыртында – наречие

Толкование

Сырт – бір нәрсенің ішіне қарама-қарсы жақ, тыс.

Сыртта – шеттеп қалу, алыстан кету.

Перевод

Сыртта – вне дома

Текстовая иллюстрация

*Абай жалт қарап барып жаңа көрді. Анадай жерде, қонақ үйдің **сыртында**, қасында екі-үш үлкен кісі бар – әкесі Құнанбай тұр екен [25, с. 9].*

Проксемы **поодаль** в русском языке и **сыртында** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – статические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку проксемы наречия в русском языке и в казахском языке, по семантическому признаку – описательные.

Артында – наречие

Толкование

Соңында, ақырында.

Перевод

Артында – в конце, позади.

Текстовая иллюстрация

***Артында** қалып, майырға ерген лаушыдай қашанғы текіректейміз. Бұл қорлықты көргенше кел, Жұмеке, біз де аттың басын қоя берейік, – деп Байтас бұрыл атты ағыза жөнелді. Жұмабай да еріксіз шапты. Аздан соң Абай бұларды тосып алып, енді үшеуі бірдей ұзақ-ұзақ жарысуға айналды [25, с. 8].*

Рядом – проксема, выраженная наречием.

Толкование

Обозначает находиться вблизи около кого-, чего-нибудь. Один подле другого.

Комментарий

Данная проксема указывает на локализацию субъекта.

Текстовая иллюстрация

*Родная его мать, Улжан, и третья жена Қунанбая, красавица Айгыз, стояли **рядом** [26, с. 30].*

*Но в этом молчаливом **объятии** он почувствовал такую теплоту и любовь, что сердце сильно-сильно забилося в груди...*[26, с. 30].

Ср.:

Қатар – наречие

Толкование

Теңбе-тең, қоса қабат, бірге.

Перевод

Қатар – рядом

Текстовая иллюстрация

*Абайдың өз шешесі Ұлжан мен екінші шешесі, сұлу жүзді – Айғыз **қатар** тұр екен* [25, с. 10].

Проксемы **рядом** в русском языке и **қатар** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – статические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку проксемы наречия, по семантическому признаку – описательные.

Наименьшую группу выражения проксемного поведения в языке художественного произведения составляют деепричастия и существительные, например:

Вырвавшись из – проксема, выраженная деепричастием + предлог.

Толкование

Обозначает отделиться, силой освободиться, уйти прочь.

Комментарий

Данная проксема указывает желание отдалиться, вырваться на какое-то расстояние.

Текстовая иллюстрация

***Вырвавшись** наконец **из** объятий, Абай **направился** к матери* [26, с. 30].

Ср.:

Сытылып – глагол (деепричастие)

Толкование

Жылы етіп шығып кету, құтылу.

Перевод

Сытылып-незаметно вырваться.

Текстовая иллюстрация

*Барлық үлкеннің құшағына амалсыз кезек-кезек кіріп болып, енді **сытылып** (етістік) шешесіне қарай баса берді* [25, с. 10].

Проксемы вырвавшись из в русском языке и **сытылып** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку деепричастия с предлогом в русском языке, а в казахском языке глагол выраженный деепричастием (**сытыл+ып**), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные, по семантическому признаку – описательные.

Оказался в объятиях – проксема, выраженная словосочетанием глагол + предлогом + сущ.

Толкование

Употребляются при обозначении места, направления куда-нибудь или нахождения где-нибудь кого-, чего-нибудь.

Движение или положение рук, охватывающих кого-н. для ласки.

Комментарий

Контактная проксема, которая указывает на интимное расстояние.

Текстовая иллюстрация

*Но едва внук **оказался в ее объятиях**, упреки сменились самыми нежными, самыми ласковыми словами. – Светик мой, ягнечок маленький, Абай, сердечко мое! – говорила бабушка, и прозрачные крупные слезы навернулись на ее глаза. В юрту Абай так и **вошел в объятиях** старушки [26, с. 30].*

Ср.:

Құшақтаған бойында кірген – словосочетание

(сложное наречие + причастие)

Толкование

Екі қолдың ішкі жағын қамтитын адамның алдыңғы иіні, қойын. См. кірді.

Текстовая иллюстрация

*Әжесі **құшақтаған бойында** үлкен үйге **кірген** Абай, ымырт жабылғанша осында болды [25, с. 10].*

Проксемы **оказался в объятиях** в русском языке и в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуально-тактильные, по морфологическому признаку глагол с предлогом + существительное в русском языке, а в казахском языке – словосочетание,

выраженное сложным наречием (**құшақтаған бойында**) и причастием (**кір+ген**), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – взаимные, по семантическому признаку – описательные.

Боком к – проксема, выраженная наречием + предлог.

Толкование

Правая или левая сторона туловища, тела.

К предлог обозначает направление в сторону кого-чего-н., добавление в протраственном, временном и т.п. отношениях, как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Текстовая иллюстрация

*Отец сидит **боком к** Абаю: свет падает на него с одной стороны* [26, с. 34].

Ср.:

Қырын отырған – наречие

Толкование

Оң не сол бүйірі алға қараған, тұзу емес.

Перевод

Профиль, боком, побрейся.

Текстовая иллюстрация

***Қырын отырған** әкесінің үлкен, кесек пішіні Абайға жартылай ғана көрінеді* [25, с. 14].

Проксемы **боком к** в русском языке и **қырын** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – статические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку наречие в русском языке, так и в казахском языке, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные, по семантическому признаку – описательные.

Отдал салем – проксема, выраженная глагол+сущест..

Толкование

Вступить, проникнуть в внутрь.

Комментарий

Показывает на перемещение в пространство, значительный акцент, естественно, делаем на проксемное поведение коммуниканта в данной

ситуации (приветствие коммуниканта после проникновения в помещение).

Текстовая иллюстрация

*Войдя, Абай отчетливо и громко **отдал** всем **салем*** [26, с. 33].

Ср.:

Сәлем берді – глагол

Толкование

См. Кір – ену, келу.

Перевод

Кір – войти, забраться, залезть, заход, лезть, вступить, входить.

Текстовая иллюстрация

*Абай есіктен кіре, үйде отырған үлкендерге ашық дауыспен, айқын етіп **салем берді*** [25, с. 12].

Проксемы **отдал салем** в русском языке и **сәлем берді** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольная форма выражения с существ. в русском языке и в казахском языке, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные, по семантическому признаку – описательные.

Переступив порог – проксема, выраженная деепричастием+сущ.

Толкование

Ступив, перейти что-н. в данном случае порог.

Комментарий

Данная проксема показывает на локализацию субъекта.

Текстовая иллюстрация

*В юрту вошел посыльный Майбасара, бородатый Камысбай. Едва **переступив порог**, он обратился к мальчику:*

– Абай, голубчик, отец тебя зовет! [26, с. 33].

Ср.:

Келді де – глагол + частица.

Толкование

Еңу, келу.

Перевод

Келді – пришел.

Текстовая иллюстрация

*Дәл осы кезде Майбасардың атшабары кеп кірді. Бұл бағана, кеште Құнанбайдың қасында тұрған қаба сақал, қара Қамысбай еді. **Келді де:***

– Абай шырағым, сені әкең шақырып жатыр, – деді [25, с. 12].

Проксема **переступив порог** в русском языке и **келді де** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксема, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку глагольные с существительным в русском языке, а в казахском языке глагольная форма (**келді**) выражения с частицей (**де**), по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные, по семантическому признаку – описательные.

Повернувшись к – проксема, выраженная деепричастием.

Толкование

Вращательным движением, ворочаясь, изменить положение.

К предлог обозначает направление в сторону кого-чего-н., добавление в протраственном, временном и т.п. отношениях, как в прямом, так и в переносном смысле.

Комментарий

Данная проксема показывает на желание коммуниканта привлечь внимание.

Текстовая иллюстрация

*Вдруг, как бы наперекор всем, он проговорил, **повернувшись** в сторону Абая:*

- Если уж чего-нибудь ждать – так ждите только от этого черномазого мальчугана!

***Повернувшись к** Божею и Байсалу, он спросил с улыбкой;*

– А вы слышали, что мальчик сказал во время обряда обрезания [26, с. 33].

Ср.:

Мойын бұрып – Деепричастие

Толкование

Бұрыл етістігінің қимыл атауы.

Перевод

Бұрып – повернув.

Текстовая иллюстрация

*– Қайта, теріс көргендей мойын **бұрып**, Абайға қарап:*

Одан да, не күтсеңдер де осы жаман қарадан күтсеңдерші! – деді [25, с. 13].

Проксемы **повернувшись к** в русском языке и **мойын бұрып** в казахском языке в зависимости от расположения коммуникантов – динамические проксемы, по характеру воздействия на воспринимающего – визуальные, по морфологическому признаку деепричастие с предлогом в русском языке, а в казахском языке – деепричастие, по характеру участия коммуникантов в исполнении проксем – индивидуальные, по семантическому признаку – экспрессивные.

Сопоставительное исследование материала способствовало установлению семантических и грамматических характеристик, которые можно квалифицировать как сходные (изоморфные) и различные (алломорфные) в структуре казахского и русского языков.

Наши наблюдения показали, что в системе частей речи обоих языков имеются языковые средства, выражающие проксемное поведение, среди которых глагол является самым частотным. Это явление общее не только для сопоставляемых языков, но и для всех языков мира, т.е. понятийные категории универсальны для всех языков.

В обоих языках между главным и зависимым компонентом словосочетания проксемного поведения преобладает подчинительная связь, хотя в каждом из сопоставляемых языков имеет свою специфику.

Также есть типологические различия в выборе грамматических средств при вербализации проксемного поведения: в казахском языке предлоги отсутствуют и для обозначения статических и динамических проксем употребляются падежи (местный, направительно-дательный и исходный).

В казахских словосочетаниях зависимая конструкция присоединяется посредством управления, а в русском – посредством примыкания.

В казахских словосочетаниях зависимая конструкция стоит в препозиции, а в русском языке – в постпозиции.

Таким образом, корпус проксем, выявленный художественной литературы, характеризуется как типологически общими параметрами для русского и казахского языков, так и уникальными, свойственными только одному из этих языков особенностями.

§ 2.2 Национально-культурные особенности проксем казахского и русского народов

Проксемы находят яркое отражение в языке художественной литературы и несут в себе дополнительную лингвокультурологическую информацию. Вербализация проксем в речевой ситуации, выраженной невербальными средствами, сопряжено с рядом трудностей, связанных с национально-культурной спецификой пространственной организации окружающей действительности.

В исследованиях казахстанских авторов: Бейсембаевой С.Б. и Омиралиевой Ж.К. подчеркивается, что кочевой образ жизни сыграл большую роль в становлении проксемических компонентов в казахском языке [2, 8].

Интерес представляет обращение к описанию казахской юрты как семиологическому знаку. Казахская юрта имела единый традиционный порядок размещения в ней бытовых предметов, и, что интересует нас больше всего, предполагала определенные нормы поведения и расположения в ней людей. Расположение людей в юрте зависело от почетного места – *төр*.

Төр считался самым почетным местом в юрте, был расположен прямо напротив входа, в глубине юрты. Это место всегда занималось самыми старшими и почетными людьми. В зависимости от этого почетного места, далее места распределялись по нисходящей линии по кругу юрты, учитывая возраст и социальный статус присутствующих. Эта иерархия являлась законом и всегда неукоснительно соблюдалась. В случае прихода нового гостя, ему отводилось положенное его возрасту и положению место, что приводило к сдвигу уже зафиксированного расположения. Для иллюстрации приведем следующие примеры: *Комната напротив входа тоже битком набита гостями, сидящими **тесным кругом**. Это преимущественно городские купцы – татары, казахские баи. В самом **центре** сидит имам новой мечети - мулла Хасен. В этой комнате не так шумно, как в первой, - гости смеются редко и сдержанно, стараясь соблюсти достоинство и благопристойность в поведении. В третьей комнате, налево от входа, сидят старейшины и главари родов Бошан и Карашор [46, с. 120]*.

Ср.: Төрдегі бөлмелер екеу екен. Онда да жағалай тізіліп, малдас құрып, сығылыса отырған қонақтар екен. Бұндағы қонақтың көбі қаланың татар

саудагерлері, қазақ байлары және тап ортада жаңа мешіт имамы Хасен Молда көрінді [45, с. 94].

В русском тексте неточно передана национальная поза *малдас құрып*.

*Абаю тяжело было видеть своего отца сидящим **рядом** с Божеем. Надо было **освободить место старшим**, и под этим предлогом он **вышел** из комнаты.*

Проксеммы создаются также с помощью телодвижений в пространстве, где коммуниканты задают своему телу направление движения, сохраняя за собой право на пребывание в конкретном пространстве. Ярким примером данных проксем в казахском языке являются сугубо национальные позы общения, которые опять-таки детерминированы прецедентом речевого быта и условиями исторического жилища казахов – юртой.

В этих условиях и формировались позы «малдас құрып отыру», известная в Европе как восседание «по-турецки», «жантаю», «жамбастап (шынақтап) отыру» и т.п.

Например, в романе Ауэзова М. «Путь Абая» отмечено: *За большим низким складным столом, **облокотившись** на белые пуховые подушки, сидели на груди одеял Кунанбай и Алшинбай. На почтительный громкий салеми они ответили сдержанно, чуть пошевелив губами.*

*Вошедшие сели **по обеим сторонам** собеседников, Алшинбай говорил о чем-то, но при их появлении прервал свой рассказ и взглянул на Кунанбая.*

Кроме перечисленных проксемических зон, проксемика также рассматривает персональное пространство, стереотипные формы поведения в пространстве. Проксеммы создаются с помощью телодвижений в пространстве, где коммуниканты занимают какое-то место относительно друг друга и окружающих предметов, задают своему телу направление движения, сохраняя за собой право на пребывание в конкретном пространстве.

Это распределение в пространстве, безусловно, в первую очередь, связано с этикетом: «с одной стороны... всевозможные конвенции, касающиеся поз, жестов, с другой – столь же заданные и этикетно значимые концепции деления и распределения пространства в зоне социального взаимодействия личностей». Нельзя также не согласиться с тем, что на способах структурирования пространства всегда лежит печать

определенной эпохи, определенной социальной и этнической среды, – это элементы культуры этноса.

Исходя из данного заключения, можно сделать вывод, что большую роль на становление проксемических компонентов в казахском языке сыграл кочевой образ жизни, в связи с которым они использовали такое жилищное устройство как юрта. Казахская юрта имела единый традиционный порядок размещения в ней бытовых предметов, и, что интересует нас больше всего, предполагала определенные нормы поведения и расположения в ней людей.

С национальным жилищем казахов связано еще одно пространственное перемещение – это кочевки из «қыстау» (зимовье) на «жайлау» (летовка). С данными перемещениями тоже связаны определенные знаки. Например: *«Они снялись все вместе, дружно, шли, не растягиваясь в пути. Обыкновенно аулы во время кочевки тянулись вереницей, как стая журавлей или гусей»* [26, с.33]. Целому ряду правил подчинялось поведение всадника. Нужно отметить, что независимо на коне или пешему, не полагалось опережать в шаге старшего. В качестве иллюстрации приводим следующие примеры:

В центре их ехал сам Кунанбай. С обеих сторон его окружали дяди по отцу, братья, двоюродные братья и другие сородичи [26, с.43].

Кунанбай ехал на шаг впереди своей свиты: так имам во время молитвы выделяется перед толпой молящихся. Первенство и здесь, как всегда, было за ним. Если более молодые всадники выезжали вперед, старики немедленно одергивали их коротким приказом: «Осади назад!» [26, с.49].

Как было отмечено выше, проксеммы создаются также с помощью телодвижений в пространстве, где коммуниканты задают своему телу направление движения, сохраняя за собой право на пребывание в конкретном пространстве. Ярким примером данных проксем в казахском языке являются сугубо национальные позы общения, которые опять-таки детерминированы прецедентом речевого быта и условиями исторического жилища казахов – юртой.

Известно, что в юрте сидели на кошмах, покрытых национальными коврами – текеметом или алашой, поверх которых расстилались мягкие стеганные маты – көрпеше. В этих условиях и формировалась поза «малдас құрып отыру», известная в Европе как восседание «по-турецки». Эта поза

обычно применима для мужской части населения. Женщины же сидят, подогнув ноги под себя (но не сидят на них, как японки, а отводят их немного в сторону) или же вытянув ноги под стол. Незнание этого полового различия данной позы приводит к неправильному воспроизведению ее в переводах. Например, «**Направо, на постели, разостланной на полу, сидит Зере, раскачивая коленом люльку своей маленькой внучки Камшат, дочери Айгыз**» [26, с.34].

Другой традиционной позой диады, триады и т.д., расположившихся за низким национальным круглым (квадратным) столом, является поза «жантаю», «жамбастап (шынақтап) отыру» – сидеть полулежа, облокотившись на подушки: *Ол әрі аласа, әрі үлкен, жағалай, бірі шынақтап, бірі екі аяғын столдың астына жіберіп отыра қалса, он адам мольнан сыяды* [25, 130 б.].

Казахи – народ кочевой, поэтому многие кинесические и проксемические явления связаны с атрибутами верховой езды и непосредственно с самой лошадей. Например, злосчастный Жаяу Муса, у которого отобрали лошадь и пустили пешком по степи. Это считалось величайшим позором. Видимо, это связано с тем, что в пять лет мальчика сажают впервые на лошадь и устраивают по этому поводу большой праздник. Именно с этого момента он считается полноправным мужчиной. Отняв же лошадь, его как бы лишают звания мужчины.

Большую смысловую нагрузку несет в себе и расположение всадника на лошади, или же на повозке. В знак позора человека сажают на лошадь задом наперед. Для иллюстрации приведем следующий пример: «...И, вынув Уразбая из кузова, как ребенка, он посадил его снаружи на задок повозки, приказав вознице привязать его. В таком виде лишь на следующую ночь Оспан с позором доставил в свой аул связанного Уразбая. Слух об этом неслыханном унижении мгновенно разлетелся по соседним аулам» [26, с. 157].

Таким образом, проксеми выражают общий характер существующих между коммуникантами статусных, ситуационных отношений или отклонений от них (пригласить гостя на почетное место или отказать ему в этом). Возникновение тех или иных проксемических явлений обусловлено всем ходом исторического развития общества. С другой стороны, они преобразуются под натиском новых, сменяющих друг друга общественных отношений. Как мы убедились в ходе исследования,

казахский язык изобилует проксемическими компонентами коммуникации, которые могут явиться плодородной почвой для исследований в этой области.

§ 2.3 Способы передачи проксем в художественных переводах

В современной лингвистике описано несколько способов передачи механизма национальной специфики в разных языках лингвокультурных общностей. По мнению Маркиной М.В., выявление национально-культурной специфики удобно в рамках теории лакун, поскольку процесс «адаптации фрагментов ценностного опыта одной лингвокультурной общности при восприятии его носителями некоторой другой культуры сводится к процессу элиминирования лакун различных типов. Элиминирование лакун в тексте, адресованному инокультурному реципиенту, осуществляется двумя основными способами: заполнением и компенсацией» [71, с. 11-18].

За последнее десятилетие в науке о переводе накоплен богатый материал. Задача выявления основных тенденций в развитии науки о переводе, т.е. сведения всего многообразия подходов к основополагающим парадигмам, сегодня стоит особенно остро. К середине 90-х годов XX в. культурный поворот (Лефевре А. и Баснет С.) был признан в науке о переводе, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные исследования.

Итак, в результате кардинальных изменений в переводоведении выявились две основные парадигмы – лингвистическая и культурная.

Ученые, придерживающиеся первого взгляда, сосредоточивают основное внимание на поиске объективных переводческих законов, в которых могут быть зафиксированы эквивалентные отношения между оригиналом и переводом.

По Кузменко Л.А., перевод в идеале должен быть нацелен на максимальное раскрытие оригинального объекта, что предполагает объективность переводчика по отношению к взаимодействующим культурам [125, с. 24].

Проблематика, связанная с преодолением культурного шока при восприятии текстов (прежде всего художественных), созданных в рамках иной культуры, достаточно давно привлекало к себе внимание как

специалистов в области этнопсихолингвистики, так и ученых, работавших в области переводоведения. В связи с этим был поставлен вопрос о формах и способах трансформации исходного текста, способствующих выполнению указанной задачи, т.е. о способах передачи проксем в художественных переводах. Однако их исследования носили зачастую фрагментарный характер, поскольку с точки зрения теории перевода в собственном смысле слова передача обычно представляется как своего рода «неполноценное» преобразование оригинала [71, с. 45].

В литературоведении и при переводе текста (Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.) особенно важным становится наличие минимального количества общих знаков и общего опыта. Знаки и опыт, которые не являются общими для авторов и переводчика, приводят к ошибкам, к заметным и незаметным пробелам, т.е. лакунам. Таким образом, необходимым условием адекватного перевода и понимания текста становится участие так называемого профессионального бикультурного специалиста, задача которого состоит в передаче смысла текста, в посредничестве между автором и адресатом из другой культуры.

Основоположник российского лингвистического переводоведения Федоров А.В. указывал, что «основа научной речи – логическая и терминологическая, практическая необходимость в переводе научных трудов (произведений классиков науки XIX в. и более ранних) возникает сравнительно редко... Что касается произведений художественной литературы, то постоянно переводятся произведения, созданные в различные периоды истории...» [Федоров, 1983, с.284]. Кроме того, именно в художественных текстах наиболее проявляется национально-культурная специфика. В этой связи можно вспомнить слова Пушкина А.С.: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними только соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком... Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Проведение паралинговконтрастивного анализа художественных переводов позволяет с достаточной полнотой выявить национальную специфику того или иного народа, дать более объективную картину о

характере литературных персонажей, а также исследовать проблемы, возникающие в казахском переводе в связи с описанием этих проксемических средств на русский язык.

Каждый народ и каждая культура имеют свое «немое кино». Чаплин Ч. как-то сказал: «Дайте мне посмотреть, как вы двигаетесь и жестикулируете, и я сразу скажу вам, где вы родились». Неправильная интерпретация носителями одной культуры невербального сообщения, сделанного представителем другой культуры, может привести к нежелательным конфликтам и опасным последствиям. Проблема межкультурного соответствия невербальных средств, или, как ее обычно называют в невербальной семиотике, проблема универсализма, тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются. Можно выделить три вида отклонений от правильного понимания текста при переходе от одной культуры к другой:

- неправильная интерпретация
- неполная интерпретация
- избыточная интерпретация

Точное понимание смысла полученного невербального сообщения важно еще и потому, что отдельные невербальные формы, встречающиеся в разных культурах, хотя и не тождественны по значению, могут иметь в них семантически сходные интерпретации. Например: Миллер Дж. А. [64, с.560] пишет: «Неправильное понимание невербального поведения – один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого вполне можно было бы обойтись. Например, сходное по форме невербальное поведение людей (как, впрочем, и вербальное) и внешние идентичные проксеми могут быть даже антитетическими, или энантисемичными, выражая в разных культурах вещи прямо противоположные.

Так щекотка может обозначать акт агрессии и компонент любовной игры; плевков может обозначать «презрение», а может и «любовь». Говоря об оппозициях и антитезах в невербальном поведении людей, Дарвин Ч. [65, с. 28, 50-51] приводит, правда в другой связи, слова Рэйнодса Дж.: «Любопытно наблюдать за тем, как высшие точки прямо

противоположных страстей очень мало отличаются одна от другой, бесспорно также, что они могут выражаться одними и теми же действиями».

Следует отметить, что по-прежнему продолжает существовать наивное представление об универсальности проксем. Поэтому часто люди, изучавшие иностранный язык, даже не подозревают о том, что проксемы, характерные для их родной культуры, вследствие национально-культурной специфики могут мешать пониманию со стороны иноязычного и инокультурного партнера по коммуникации. Для носителя национальной проксемы, бытующие в данном народе расстояния кажутся настолько естественными, как бы биологическими, что ему не приходит в голову изменять их в другой национальной среде. Слушающий начинает обращать внимание на то, как говорит его партнер по коммуникации, вместо того, чтобы полностью сосредоточиться на передаваемой информации. Это создает определенное препятствие, снижающее эффективность передачи и восприятия информации.

Художественные тексты дают хороший материал для изучения особенностей проксемических правил поведения представителей того или иного народа.

В художественной литературе достаточно часто встречаются слова, обозначающие пространство. Любой народ обладает богатой национальной художественной литературой, в которой можно встретить яркие примеры невербальных средств коммуникации, выражающихся, в данном случае, проксемами.

Для нашего анализа мы обратимся к произведению выдающегося казахского писателя Мухтара Ауэзова «Путь Абая». Богат, гибок и красочен язык романа, восхищает нас многообразием изобразительных средств и интонаций в художественном арсенале автора. Нельзя не указать еще на такие важные и характерные стороны его художественного мастерства, как способность писателя четко и выпукло нарисовать портреты своих героев, органически включать портретную зарисовку в состав психологических характеристик этих героев, их взаимоотношений, используя проксемические средства выражения. Частотность используемых проксем в произведении очень высока.

По мнению Стернина И.А. и Харитоновой Б., «при контрастивном исследовании лексики часто выявляются так называемые лакуны» [23, с. 97]. По мнению Эртельт-Фит А., понятие «лакуна» обозначает то, что не

представлено, то, что является иным, некую «скважину» в тексте/контексте или разницу, которая образуется на основе другой перспективы или внешней перспективы. Лакуны per definitionem обнаруживаются при сопоставлении (по крайней мере) двух культур или уровней культуры.

Как отмечает Муравьева В.Л., под лакунами понимают «лишь те иноязычные слова и устойчивые сочетания, которые выражают понятия, не закрепленные в языковой норме данного языка, и для передачи которых в данном языке требуются более или менее пространственные перифразы – свободные словосочетания, создаваемые на уровне речи». Существует два основных вида лакун – внутриязыковые (отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы) и межъязыковые (отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом).

*Дал бұрыштан бұрылып, бұған Повернув за угол, он столкнулся
қарсы шыққан үш аттыға көзі с тремя всадниками [26, с. 113].
түсті [25, 98 б.]*

В данном случае при переводе проксема используется неточный перевод. Верещагин Е.М. и Костомаров В.Г. для обозначения понятийного содержания, общего для двух языков, использует термин «межъязыковое лексическое понятие». Слова, значения которых включают межъязыковые классические понятия, называют обычно эквивалентные, такие слова используют для взаимного перевода. Эквивалентные слова, выражая в разных языках одинаковое, межъязыковое понятие, могут различаться семантическими компонентами, как здесь: *қарсы шыққан* – *столкнулся*.

*Тобықтының шеті болсын, Где бы не появлялся Кунанбай, его
баршалық қоналқаға түскен встречали с необычайным
ауылдары Құнанбайды қажыдан почетом, будто, какого-нибудь
келе жатқандай қарсы алады [25, хаджи, вернувшегося из Мекки [26,
100 б.] с. 126].*

В тексте оригинала автор использует проксеменный принцип граничности, здесь: *тобықтының шеті болсын*, в русском же тексте этого нет. Для русского языка это является межъязыковой безэквивалентной

лакуной, т.к. в русской культуре нет деления народа на роды и жузы, как в казахской культуре. Безэквивалентные слова, значения которых полностью специфичны только для данного языка. Безэквивалентные слова прямо и непосредственно отражают национально-культурную специфику страны и ее народов и поэтому не имеют переводных лексических эквивалентов.

*Бөжей үлкен үйге кіргенде, Зере
орнынан тұрып, қарсы барып,
бетінен сүйіп жылады [25, 103 б.].*

*Когда Божей переступил порог
Большого дома, Зере поднялась с
места, подошла к нему и со слезами
поцеловала его [26, с. 129].*

Қарсы барып не точный перевод проксемой *подошла к нему*. Данный перевод является лакуной. Показательными в этом отношении являются средства обозначения проксем в содержательном плане, которые ориентированы на функциональное назначение, а не форму исполнения проксемы.

*Абай әжесінің төменгі жағында
отыр еді [25, 103 б.].*

*Абай сидел недалеко от бабушки,
возле двери [26, с. 129].*

При переводе переводчик использовал проксемную локализацию *возле двери*, чего нет в тексте оригинала. Но Ауезов М. использовал проксемную локализацию *төменгі жағында*, которая отражает национально-культурную специфику, правда не точно эксплицированного переводчиком.

*Аздан соң үндемей отырып, басын
Изеп, осы үйдегі балаларды көрді
[25, 103 б.].*

*Несколько минут он молчал и
наконец повернулся к детям
[26, с. 129].*

При переводе *көрді*, что не является проксемой, автор использует проксему *повернулся*. По нашему мнению, это более удачный перевод, т.к. полно раскрывает внутренний мир персонажа и его отношение к людям, в частности, к детям.

*Камшат тысқа қарай бір бөтен,
үлкен кісі ала жөнелгенде ғана
шошынып еді [25, 104 б].*

*Когда незнакомый человек взял
ее на руки и понес ее из комнаты, она
испуганно вздрогнула [26, с. 130].*

При переводе автор использовал проксемы взял на руки. Нередко недостаточно эксплицированное со стороны формы описание проксемы в оригинале расширяется или же конкретизируется при переводе.

*Әке мен бала ең алғашқы рет
шындасып бет ашысатын белге
келгендей еді [25, 124б].*

*Наступил час, когда отцу довелось
стать лицом к лицу с сыном и
объясниться до конца [26, с. 149].*

Проксемы лицом к лицу нет в тексте оригинала. В данном случае наиболее удобным способом передачи проксем в переводе является, по нашему мнению данный перевод, поскольку в описании проксемы в переводе хорошо раскрывается ее семантика.

*Биік төсектердің бас жағында жер
төсек бар екен. Соның үстінде
Бөжейдің екі бойжеткен қызы
кесте тігіп отыр [25, 128 б].*

*За кроватью на полу сидели обе
дочери Божея, занятые
вышиванием [26, с. 152].*

В казахском тексте *бас жағында* указывается локализация объекта, в русском локализация объекта отсутствует, однако дана точная подача национальной гендерной позы (на полу). Более полная передача проксемы в данном случае во многом определяется объемом тех фоновых знаний, которыми располагает переводчик.

*Мынау отырған төрт досынан
ішінде сыр беріп жылаған – жалғыз
Сүіндік [25, 136 б].*

*Из всех четырех друзей, сидевших
вокруг него, только старый
Суюндик не выдержал и заплакал
[26, с. 160].*

Точного перевода данного предложения нет, как и нет проксемы – *вокруг*.

Часто переводчик не переводит проксемную лакуну совсем. Это объясняется многими факторами, связанными со спорными проблемами теории художественного перевода: сохранить или не переводить совсем.

Үй іші келушінің барлығына ырза болды да, келмегендерді санаған жоқ [25, 127 б.] *В доме Зере всех встречали радушно, а тех, кто не пришел, не вспоминали, будто и не замечали их отсутствия [26, с. 152].*

В данном случае переводчик изменил предложение.

Абай әкесіне Құланшақтың көнгенін айтса да, өкпесін айтқан жоқ [25, 109 б.] *Вернувшись домой, Абай передал отцу согласие Кулиншака, но о его недовольстве умолчал [26, с. 134].*

В тексте оригинала отсутствует проксема *вернувшись*, которую использовал переводчик.

Қыздың көп кіріп шығысы қонақтардың қамы екен. Аз уақытта дастарқан жайғызып, күтуші әйелге шай құйғызып, өзі әкесінің төменгі жағына отырып, шыныларды әперіп, үй ішіне қызмет көрсете бастады [25, 110 б.] *Тогжан заботилась о приеме гостей и часто заходила в юрту. Она приказала служанке разостлать скатерть, подать чай и села рядом с отцом, угощая собравшихся [26, с. 134].*

Автором передана национально-культурная специфика проксемного поведения казахов *өзі әкесінің төменгі жағына отырып*, при переводе автор использовал только его локализацию *рядом*.

Әке мен бала ең алғаш рет шыңдасып бет ашысатын белге келгендей еді [25, 124 б.] *Наступил час, когда отцу довелось стать лицом к лицу с сыном и объясниться до конца [26, с. 149].*

Здесь автор передал психологическое расстояние между отцом и сыном через проксемную единицу *бет ашысатын*, мы считаем, что

русский перевод *лицом к лицу* подобран переводчиком с максимальной точностью.

Екі қыз бөліне салысымен мына көлденең қарап тұрған аттыларды көріп, шырқай созып, қаралы мұнды дауыс айта жөнелген. Көш бойында, жүргіншілер жанынан өтсе, қаралы көштің қара жамылған осындай қыздары дауыс айтатын салты *Заметив, что встречные остановились, пропуская кочевку. Эти две девушки затянули поминальный плач. Остальные пять, следовавшие за ними, выровняли ряд и присоединились к их пению. По старому обычаю, девушки траурной кочевки, проезжая мимо аулов и незнакомых путников, должны заводить плач*
[25, 145 б.] [26, с. 167].

Переводчик вводит в данный фрагмент несколько словосочетаний проксемного поведения коммуникантов *остальные пять, следовавшие за ними, выровняли ряд и присоединились к их пению*, тем самым дополняет проксемами предложения.

Үлкен күмбез ақ үйдің іші, оң жақ босағадан дәл төрдің ортасына дейін қатар тізіліп, мықындарын қос қолдарымен таянып, аңырап жылап отырған қатындарға толы екен *Они сидели рядами от двери до переднего места и вели похоронный плач, раскачиваясь и упираясь руками в бедра* [26, с. 170].
[25, 150 б.]

В текстовом переводе автор использует жестовую проксемию *раскачиваясь*, а в оригинале нет данной проксеми. Поскольку существование проксемной лакуны в речевом общении обуславливает соответствующую лексическую лакуну в языке перевода, передача ее описания на другой язык может осуществляться по-разному. Это определяется рядом факторов: полифункциональным характером проксем-лакуны; стилистическими особенностями употребления проксеми; стремлением переводчика наиболее тонко и полно передать национальную специфику проксемного поведения, особенно, если он характерен для общества другого народа.

Бұл елдің ежелгі ырымы бойынша, өлімге бата оқи барудың ең үлкен шарты осылай алыстан айқалап: Ойбай, бауырым! деп, жылай шабу болатын. Сол шабысты ең әуелі үлкендер бастамақ керек [25, 149 б.].

*Старый обычай требовал, чтобы приезжающие для поминок летели к аулу умершего вскачь с печальным кличем. Начинать должны были старшие. **Задние ряды** ждали знака **от переднего ряда** [26, с. 170].*

При переводе автор дополняет целым рядом проксемного поведения *от переднего ряда задние ряды*.

Ол ашулы түскен түйіліп, қара шапанды басына жамыла беріп, жүрелей отырып ап, айқайлай жәнелді [25, 151 б.].

Она с недовольным видом вышла на середину юрты, села на корточки, накрыла голову черным чапаном и, затынула громкую песню [26, с. 172].

В переводном тексте проксемное поведение Сары апа на похоронах Божея, а именно, публичный выход ее на середину юрты (здесь: *вышла на середину юрты*, ярче и полно передает национально-культурную специфику и взаимоотношения персонажей произведения.

Применяя переводческий анализ в качестве способа выявления национальной специфики проксемного поведения и способа перевода, нужно исходить из следующих посылок: поскольку значительные расхождения, обуславливающие неповторимую специфику общения разных речевых коллективов, равно как и долю участия в нем дополнительных средств передачи информации, обнаруживаются наряду с языковыми особенностями в невербальных факторах речи, последние отражаются в художественном тексте достаточно регулярно, объективно, полно.

Таким образом, наши наблюдения над сопоставительным анализом текста оригинала и его перевода показали:

1) в невербальных факторах речи, которые достаточно регулярно, объективно и полно отражаются в художественном тексте, наряду с языковыми особенностями обнаруживаются значительные расхождения,

обусловленные неповторимой спецификой общения разных речевых коллективов;

2) переводчик, знающий культуру, обычаи, особенности речевого этикета другого народа, стремится адекватно и полно передать специфику проксемного поведения в речи при переводе.

Для целей контрастивного исследования невербальных компонентов общения сопоставляются их языковые соответствия с учетом формального (внешнего) и содержательного аспектов проксем.

Наблюдения показали, что объект сопоставления локализован, как правило, в синтаксических структурах больших, чем предложение, особенно в тех случаях, когда осознаются факты расхождений в проксемном поведении двух народов. Исследования выявили разнотипные лексические средства отражения проксемических элементов общения, фиксирующие проксемы либо со стороны формы исполнения, в содержательном плане, включающем смысловой, прагматический аспекты, стилистические особенности употребления проксем, либо описывающие проксемы в разных аспектах одновременно.

Вербализация проксем при переводе с казахского языка на русский сопровождается рядом лингвистических сложностей. Основные причины, обуславливающие трудности при передаче проксем, сводятся к следующему:

1) отсутствие соответствия проксем в казахском и русском языках по форме и по содержанию. Совпадение в ряде случаев может создать ложное впечатление об абсолютном тождестве соответствующих проксем;

2) существование проксемических лакун разных типов, при переводе которых возникают проблемы: с одной стороны, желая сохранить национальную специфику проксем, переводчик отыскивает способы передачи проксем при переводе, с другой стороны, копируя способ описания проксем в оригинале, переводчик может в результате передать его неполно, что приведет к непониманию текста, либо к неверной интерпретации поведения персонажа в связи с отсутствием необходимых знаний у читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проксемы представляют собой интереснейший объект исследования, поскольку практически во всех формах устной и письменной коммуникации они выполняют важную роль как для характеристики героев произведений и в целом коммуникантов, так и позволяют судить о степени взаимоотношений, статусе и других параметрах.

Информация, в которой отражается весь познавательный опыт человека, поступает по различным каналам (вербальному и невербальному). Особенностью языка телодвижений является то, что его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания, и отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному, вербальному каналу общения.

Доказано, что ни у кого не вызывает сомнения информативная ценность и функциональная полноценность элементов проксемической системы, и в настоящее время объектом исследования являются все компоненты проксемической единицы, которые являются неотъемлемой частью речевого и неречевого общения.

Исследование проксемических систем производится, в основном в следующих направлениях: в первом случае рассматриваются проксемические компоненты, распространенные в пределах одной языковой общности, то есть ограниченные одним языковым коллективом, либо проксемические единицы рассматриваются в рамках сопоставительного анализа на примере, по меньшей мере, двух разных языковых коллективов с целью установления национально-культурной специфики поведения; во втором случае производится выявление особенностей проксемического поведения

людей внутри одного языкового общества, но принадлежащих к разным социальным группам; в третьем случае проводится исследование особенностей проксемного поведения совместно с изучением этикета. Исходной посылкой служит положение о том, что использование проксемного поведения в общении подчиняется правилам этикета и социальным нормам поведения личности.

Настоящая монография основывается на сопоставительном анализе проксемного поведения коммуникантов в контексте художественных произведений на материале казахского и русского языков. При этом основной акцент делается на семантических и функциональных элементах, играющих решающую роль в коммуникативном взаимодействии невербальных единиц с вербальными. Также в работе анализируются «танцевальные» сцены из русской литературы XIX века с целью «разгадать» проксемику символики танцев.

Наши наблюдения позволяют говорить о том, что пространственно-кинетические переменные находятся в прямой зависимости не только от контекста, в котором происходит взаимодействие людей, но и от культуры, к которой принадлежат эти люди. Прежде всего, культурно зависимой является корреляция между типом ориентации тел и физическим расстоянием между участниками коммуникации. Пространственные отношения в коммуникации многоуровневые и включают в себя не только горизонтальную типологию, но и вертикальную, а также весь арсенал невербальных средств: жесты, позы и т.д.

Проксемное поведение коммуникантов зависит от свойственной им пространственной модели восприятия мира и наполняется национально-культурной информацией. Проксемное поведение характеризуется общими законами пространственной организации среды, а также особенностями вербального и невербального заявления человека на свое личное пространство.

Основной единицей исследования выступили проксеми, представляющие пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения. Приняв данное определение проксем в исследовании, можно уточнить статус ряда проксемного поведения в их отношении к параязыку. Так, очевидно, что проксеми, являющиеся составной частью какого-либо физического действия, не осложненного семиологическим содержанием, не могут быть

отнесены к паралингвистическим. Таким образом, всякие другие движения тела – беспорядочные движения во время устной словесной беседы или монолога, действия без цели назначения (типа «присесть на стул»), чисто рефлекторные движения (отшатнуться, вздрогнуть от неожиданности) не являются проксемами. Основной функцией проксемы, как мы отмечаем, является невербальная коммуникация.

Проксемы в художественных текстах отличаются наличием латентных смыслов, вербализация которых вызывает определенные трудности, наиболее часто наблюдаемые в переводной литературе.

Пространственная сфера коммуникации имеет непосредственное отношение к взаимодействию коммуникантов и тесно связана с культурой, традициями народов. Пространственный фон общения порой не осознается коммуникантами, но при этом он всегда присутствует и определяет «сценарий» их поведения. Описание проксеменного поведения позволяет писателям более убедительно и полно создать образ литературного персонажа и воспроизвести национально-культурные особенности исторического времени.

Проксеменное поведение ярко проявляется в межкультурной коммуникации и достаточно часто является предметом описания в художественных текстах.

На основе анализа выявленного корпуса проксемен в работе предложена самостоятельная классификация проксеменных единиц: по характеру воздействия на воспринимающего (визуальные, визуально-акустические, визуально-тактильные); по характеру исполнения проксемен различными частями тела (соматические); по гендерно-родовому признаку (мужские и женские); по семантическому признаку (описательные и экспрессивные); по морфологическому признаку (глагольные, наречные, предложные, специфические); по характеру участия коммуникантов в исполнении проксемен (индивидуальные, взаимные, индивидуально-взаимные).

В зависимости от пространственного расположения коммуникантов проксемены могут быть статическими и динамическими. Статические проксемены определяются по характеру расположения коммуникантов по отношению к друг другу. Динамические проксемены характеризуются различными формами движения одного субъекта относительно другого или других субъектов реальной действительности.

Таким образом, проксемены играют важную роль в межкультурном коммуникативном взаимодействии, обладают как типологически

сходными параметрами, так и национально-специфическими уникальными свойствами. Общие стратегии проксемного поведения концептуализируют их языковые закономерности в казахском и русском языках, свидетельствуют об особых обозначениях знаковых проксем. Национально-культурная обусловленность проксем в казахском и русском языках, их особая знаковая символика, связанная с культурой и традицией народов, порождает трудности вербализации проксем в художественных текстах.

Выводы:

1. Корпус проксем, выявленный из текстов художественной литературы, характеризуется как типологически общими параметрами для русского и казахского языков (общие законы семиотизации и окультуривания пространства; вербальное или невербальное заявление человека на свое личное пространство; общие законы пространственной организации среды и выбора канала коммуникации), так и уникальными, свойственными только одному из этих языков особенностями (правила выбора места и расстояния; правила пространственного взаимного положения и ориентации тел во время общения и др.).

2. Проксемное поведение ярко проявляется в акте межкультурной коммуникации, наполняется национально-культурной и лингвистической информацией. Проксемное поведение коммуникантов выстраивается по «сценарию», определяемому социальным статусом, полом и возрастом, выбором места и дистанции в зависимости от ситуации общения. В художественных произведениях писатели при описании особенностей человека осознанно фиксируют проксемное поведение коммуникантов, нередко используя, наряду с индивидуально-авторскими средствами, повторяющиеся клишированные единицы воссоздания проксем.

3. Общие стратегии проксемного поведения проявляются в языковых закономерностях вербализации проксем в казахском и русском языках, в которых существуют особые выражения, обозначающие актуальное коммуникативное пространство или расстояния между участниками коммуникации. Вербализация в художественных текстах осуществляется при помощи лексических, морфологических и синтаксических конструкций.

4. Вербализация проксем в художественном контексте отличается национально-культурной спецификой и латентными смыслами той пространственной сферы, которая имеет непосредственное отношение к

взаимодействию коммуникантов и свидетельствует об особых обозначениях знаковых проксем. Проксемы при переводах с одного языка на другой требуют дополнительной экспликации, связанной с национально-культурными особенностями проксемного поведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
- 2 Бейсембаева С.Б. Невербальные компоненты коммуникации в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Алматы, 2002. – 26 с.
- 3 Ешимов М.П. Ым семантикасы универсалды және ұлттық табиғаты: филол. ғыл. канд. дис...: 10.02.19. – Алматы, 2004. – 140 б.
- 4 Кажгалиева К.Ш. Национально-культурная специфика фатической речевой коммуникации в казахском языке // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1991. – № 1. – С. 29-34.
- 5 Момынова Б.К., Бейсембаева С.Б. Казак тіліндегі ым мен ишараттың қазақша-орысша түсіндерме сөздігі. – Алматы, 2003. – 136 б.
- 6 Муканов М.М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков // Психология, интеллект и речь. – Алма-Ата, 1972. – Вып. 2. – С. 114.
- 7 Нуржанова З.М. Невербальные средства общения: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Алматы, 2005. – 26 с.
- 8 Омиралиева Ж.К. Национально-культурная специфика конвенциональных фразеологизмов с соматизмами: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Алматы, 1999. – 124 с.
- 9 Сейсенова А.Д. Лингвистикалық мәдениеттану: филол. ғыл. канд. ... автореф.: 10.02.02. – Алматы, 1998. – 26 б.
- 10 Татубаев С.С. Жесты как компонент искусства. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – 109 с.
- 11 Акишина А.А., Кано Х. Жесты и мимика в русской речевой коммуникации. – М., 1991. – 144 с.
- 12 Birdwhistell R.L. Introduction to kinesics / University of Louisville Press, Louisville. – Kentucky, 1952. – P. 55-67.
- 13 LaBarre W. The cultural basis of emotions and gestures // Journal of counseling personality. – 1948. – № 12. – P. 49-68.
- 14 Wundt W. The language of gestures. The Hague. – Mouton, 1973. – P. 47-59.
- 15 Johnson S. Japanese nonverbal communication. – Rowley, MA: Newbury House, 1955. – P. 22-46.

16 Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – М., 2001. – 256 с.

17 Железанова Т.Т. Национальная специфика невербального поведения носителей немецкого языка // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тезисы докладов X всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1991. – С. 107-108.

18 Кулиш Л.О. Невербальный код человеческой коммуникации // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тезисы докладов X всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1991. – С. 155-156.

19 Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2000. – 60 с.

20 Сенченко С.В. Паралингвистические средства вербальной коммуникации // Проблемы вербальной коммуникаций. – Алма-Ата, 1987. – С. 117-122.

21 Сапожников С.К.: Жестуалитет: Семантико-филогенетический аспект // Семантико-прагматические и социолингвистические аспекты изучения языка: Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов. – М., 1980. – С. 7.

22 Столярова М.Б. Связь вербальных и невербальных средств в регулировании спонтанного диалога // Текст как единица коммуникации: Сборник научных трудов. – М., 1991. – Вып. 371. – С. 23.

23 Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2000. – С. 97-112.

24 Hall E.T. Proxemics // Current anthropology. – 1968. – № 9. – P. 83-108.

25 Әуезов Мұхтар. Абай жолы: Роман-эпопея. – Алматы: Жазушы, 1990. – Т. 1.– 608 б.

26 Ауэзов М. Путь Абая. Роман. – Алма-Ата: Жазушы, 1977. – Т. 1. – 608 с.

27 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Русский язык», 1998. – Т.1: А-З. – 699 с.

28 Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 233 с.

29 Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. – М.:

Русский язык, 1975. – 180 с.

30 Кожаметова Х.К. и др. Казахско-русский фразеологический словарь. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – 219 с.

31 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жал. ред. басқ. проф. І.К.Кеңесбаев. – Алматы, 1959. – Т. 1. – 338 б.

32 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина: в 4-х т. – М., 1964. – Т. 3. – 556 с.

33 Халықұлы Ғ. Қазақ тілінің дәстүрлі мәдениетінің энциклопедиялық сөздігі. – Алматы, 1977. – 560 б.

34 Копорулина В.Н. Психологический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 574 с.

35 Почепцов Г.Г. Теории коммуникации. – М.: Рефл.-бук., ваклер, 2001. – 152 с.

36 Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж, 1994. – 205 с.

37 Выготский Л.С. Мышление и речь. – 5-е изд. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

38 Каган М.С. Мир общения межсубъектных отношений. – М., 1988. – 176 с.

39 Андреева Г.М. Атрибутивные процессы в условиях совместной деятельности. – М., 1987. – 186 с.

40 Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-Дана, 2004. – 271 с.

41 Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.

42 Стернин И.А. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – С. 24-33.

43 Колесов В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестник СПбГУ. Серия 2, История, языкознание, литературоведение. – 1992. – № 3. – С. 30-40.

44 Маркина М.В. Эмоциональный концепт «гнев» как маркер русской национальной картины мира // Сб. статей: Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: РАН Институт языкознания, 1998. – С. 161-162.

45 Суюнова Г.С. Лингвокультурологические аспекты описания слов

«степь» в русском и казахском языках // Материалы республиканской научно-практической конференции «Проблемы лингвистики на рубеже веков». – Караганды, 2001. – С. 283-284.

46 Валиханов Ч.Ч. Коленопреклонение // Собрание сочинений в 5 т. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – Т. 1. – 432 с.

47 Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: ЕВРОЗНАК, 2005. – 672 с.

48 Ребер А. Большой толковый психологический словарь: в 2-х т. – М.: Вече, Аст, 2000. – Т. 2. – 567 с.

49 Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. – М.: «ИНФА-М», 1997. – 658 с.

50 Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М., 1974. – 80 с.

51 Галичева А.И. Кинесический и проксемический компоненты речевого общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1987. – 22 с.

52 Даниленко А.И. Типология выражения пространственных характеристик. – М., 1990. – 117 с.

53 Гачев Г. Национальные образы мира. Итальянский, английский и американский образы мира // Вопросы литературы. – 1987. – № 10. – С. 89-96.

54 Швейцер А.Д. Некоторые проблемы «Язык и культура» в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. – М.: Наука, 1978. – С. 254.

55 Лабунская В.А. Невербальное поведение. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского унив-та, 1986. – 136 с.

56 Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Сб. статей: Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Изд-во РАН Институт языкознания, 1998. – С. 67.

57 Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Сборник статей: Языковое сознание. – М., 1998. – С. 282-283.

58 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 36-42.

59 Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика вербальных

ассоциаций: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Алматы, 1990. – 125 с.

60 Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М., 1990. – 194 с.

61 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

62 Арғынбаев Х.А. Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу). – Алматы: Ғылым, 1973. – С. 327.

63 Алтынсарин Ы. Таңдамалы шығармалар. – Алматы, 1994. – 384 б.

64 Miller G.A. Nonverbal communication / V.P. Clark, P.A. Eschholz & A.F. Roza (eds.) Language: introductory readings. – 5-th edn. – New York: St. Martin's Press, 1994. – 657 p.

65 Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животного. Собрание сочинений. – М.: Издательство АН СССР, 1953. – Т. 5. – С. 659-920.

66 Недобук А.С. Вербальные сигналы мены коммуникативных ролей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Калинин, 1990. – 25 с.

67 Конева Н.К. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Локид-Миф, 2000. – 556 с.

68 Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1983. – 159 с.

69 Hinkel A.D. The cultural basis of emotions and gestures // Journal of counseling personality. – 1948. – № 12. – P. 49-68.

70 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

71 Маркина М.В. Эмоциональный концепт «гнев» как маркер русской национальной картины мира // Языковое сознание устоявшееся и спорное: XIV международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2003. – С. 161.

72 Крысин Л.И. Речевое общение и социальные роли говорящих. Социально - лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – 186 с.

73 Верещагин Е.М. Порождение речи: латентный процесс (предварительное сообщение). – М., 1968. – С. 21, 84.

74 Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура. – 4-е изд. – М., 1990. – 220 с.

75 Жебит В.А. Теория коммуникации. Нелинейная коммуникация. – М., 2005. – 200 с.

76 Sommer R. Studies in personal space // Sociometry. – 1959. – № 22. –

P. 247.

77 Sommer R. The distance for comfortable conversation: A further study // Sociometry. – 1962. – № 23. – P. 111-120.

78 Чарни Е. Charni E.J. Postural congruence in psychotherapy // Psychosomatic Medicine. – 1966. – №28. – P. 305-315.

79 Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 2. – 492 с.

80 Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1982. – 305 с.

81 Куприн А.И. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1956. – 577 с.

82 Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

83 Бедяева-Станден Е.И. Межкультурная прагматика русско-американского диалога // Языковое сознание устоявшееся и спорное: XIV международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2003. – С. 26.

84 Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

85 Пиз А. Язык телодвижений (как читать мысли других по их жестам). – Новгород, 1992. – 262 с.

86 Ковалев Г.А. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации у человека // Вопросы психологии и познания людьми друг друга. – Краснодар: Изд-во Кубанск. унив-та, 1979. – С. 14-24.

87 Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – Изд. 2-ое, стереотипное. – М.: Ком. книга, 2006. – 112 с.

88 Горолев И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – М., 1991. – 134 с.

89 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 53 с.

90 Андриянов В.В. Сравнительная характеристика жестов русских и французов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 260-268.

91 Тіл білімі сөздігі. – Алматы: Ғылым, 1998. – 544 б.

92 Байбурин А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. – 1985. – №2. – С. 36-46.

93 Успенский Б.А. Избранные труды / Семиотика культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. – Т. 1. – 607 с.

94 Николаева Т.М. Структура речевого высказывания и национальная специфика жеста // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы: Тезисы докладов и выступлений. – М., 1969. – С. 250-251.

95 Смирнова Н.И. Невербальные аспекты коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 1973. – 21 с.

96 Волос Р. П. Введение в изучение невербальной коммуникации русского языка // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 74-82.

97 Леонтьев А.А. Психология общения. – Тарту.: Изд-во Тартуского ун-та, 1974. – 220 с.

98 Мартинес Э.Л. Внесловесный язык // Культура. – 1986. — № 2. – С. 12-26.

99 Мироненко В.В. Психология выразительных движений и вопросы диагностики психических состояний: Библиографический указатель литературы. – М.: ИПК АПН СССР, 1979. – 24 с.

100 Рамишвили Д.И. О природе некоторых видов выразительных движений. – Тбилиси: Мециереба, 1976. – 126 с.

101 Абдуазизова Д.А. Сравнительно-типологический анализ паралингвистических средств (на материале английской, узбекской и русской вербальной и невербальной коммуникации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Ташкент, 1997. – 20 с.

102 Геллерштейн С.Г. Историческое значение труда Ч. Дарвина // Дарвин Ч. Собрание сочинений. – М.: Изд-во ЛН СССР. 1953. – Т. 5. – С. 659-680.

103 Геллерштейн С.Г. Выразительные движения // БСЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т. 3. – С. 534.

104 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

105 Миккин Х. Невербальная коммуникация в диадах // Труды по психологии: По материалам экспериментальных исследований за рубежом. – Тарту: Изд-во Тарт. унив-та, 1974. – Вып. 335, № 3. – С. 110-127.

106 Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада,

1997. – 68 с.

107 Нурманов А.Н., Сайдаханов М.М. Паралингвистические средства выражения утверждения и отрицания: (на материале узбекского языка) // Советская тюркология. – 1986. – № 56. – С. 67-73.

108 Стернин И.А. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 34-42.

109 Lewis D. The body language of children: How children talk before they can speak. – London: Souvenir Press, 1978. – P. 14-24.

110 Williams J.L. Personal space and its relation to extraversion-introversion // Canadian journal of behavioral sciences. – 1971. – № 3. – P. 158.

111 Watson O.M. Proxemic behavior: a cross-cultural study. – The Hague: Mouton, 1970. – P. 114-115.

112 Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 320 с.

113 Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов.энциклопедия, 1990. – 685 с.

114 Филиппов А.В. Жесты и их отображение в тексте художественного произведения // Лингвистический сборник: Сб. трудов Министерства просвещения РСФСР. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1975. – Вып. 4. – С. 78-63.

115 Лабунская В.А. Психология экспрессивного поведения. – М.: Знание, 1989. – 62 с.

116 Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975. – 53 с.

117 Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979. – 719 с.

118 Мечковская Н.Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка: языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 376-393.

119 Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Типы китайской символики в языке и культуре // Этнопсихолингвистика / Под ред. Ю.А. Сорокина. – М.: Наука, 1988. – С. 66.

120 Виноградов В.В. О языке художественной прозы / Избранные

труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

121 Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

122 Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцев Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 67-69.

123 Мурзин М.Н. Психолингвистический анализ организации пространственной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1986. – 25 с.

124 Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 480 с.

125 Кузменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М., 2005. – С. 23-29.

126 Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. – 2-е изд., доп. – М.: Знание, 1983. – 247 с.

127 Леонтьев А.А., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 98-103.

128 Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

129 Аракина Н.Е. Языком танца. – М.: Знание, 1975. – 297 с.

130 Карабанова С.В. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. – М.: Наука, 1979. – 190 с.

131 Джунусов М.С. Сближение советских национальных культур и развитие общенародного двуязычия. Нация как субъект культуры // Национальный язык и национальная культура / Отв. ред.: Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, Академия наук СССР, Институт языкозн., 1978. – С. 87-89.

132 Крейдлин Г.Е., Чувилина Е.А. Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутри языковой типологии невербальных актов) // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 66-93.

133 Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.

134 Николаева Т.М. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место и преподавании языка // Роль и место страноведения и практика преподавания русского языка как иностранного / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М., 1969. – С.

47-73.

135 Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С.59-60.

136 Шевченко Ю.С. Французское невербальное коммуникативное поведение // Русское и французское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – С. 50-54.

137 Хайдеметс М. Пространственный фактор в межличностных отношениях // Человек, среда, пространство. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1979. – С. 120-123.

138 Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник-практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.

139 Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции: Учебное пособие для студентов вузов / Г.П. Бакулев. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 176 с.

140 Бендер П.У., Трач Р.А. Секреты эффективной межличностной коммуникации / Бендер П.У., Трач Р.А. / Пер. с англ. Т.Н. Юсова. – Минск: ООО «Попурри», 2006. – 368 с.

141 Киинова С.С. Проблема мотивации и роль невербальных средств при обучении // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. – № 2(64). – С. 109-112.

142 Демесинова Г.Х. Выражение проксимальной локализации английскими предложениями (в сопоставлении с казахским языком) // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. – № 7(69). – С. 119-121.

143 Амандыкова С.Х. Семантика глаголов движения казахского и русского языков (жүр – ходить, идти, ездить, ехать) // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. – № 7(69). – С. 155-157.

144 Амандыкова С.Х. Семантическая структура глаголов направленного движения казахского и русского языков // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. – № 7(69). – С. 160-164.

145 Бердалиева Р.Ш. Невербальные средства коммуникации: характер функционирования с языковыми средствами при обучении языка // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. – № 5(67). – С. 66-68.

146 Кунапиянова К.С. О некоторых аспектах перевода русской поэзии

на казахский язык // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. – № 5(67). – С. 176-178.

147 Дмитриук С.В. Социолингвистический и этнокультурологический аспект восприятия категорий «времени» и «пространства» представителями русского и казахского этносов // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2004. – № 3(75). – С. 48-51.

148 Муминов С.О. Художественное пространство и художественное время в романах Л.Н. Толстого // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2004. – № 2(74). – С. 53-55.

149 Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Краткий словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 170 с.

150 Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 150 с.

151 Сыдыкбекова Д. Особенности коммуникативного поведения киргизов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М., 1982. – С. 132.

152 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жал. ред. басқ. А.Ы. Ысқақов. – Алматы, 1978. – 735 б.

153 Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Сост. Л.А. Войнова и др. – 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

154 Кеңесбаев І.К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – Алматы: Қазақ ССР-нің Ғылым баспасы, 1977. – 712 б.

155 Краткий казахско-русский словарь / К. Бектаев, А. Ахабаев, Е. Керимбаев, К. Молдабеков. – Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1991. – 256 с.

Сведения об авторе

КАЗМАГАМБЕТОВА АЛМАГУЛЬ САДУАКАСОВНА

Кандидат филологических наук и.о. доцента кафедры языковой и общеобразовательной подготовки иностранцев КазНУ им. аль-Фараби.

Кандидатская диссертация «Вербализация проксемного поведения в языке художественной литературы» (10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное

языкознание, 2008 год, научный руководитель – д.филол.н. проф. Шаймерденова Н.Ж.

Автор более 30 научных трудов, в том числе:

- Функционирование проксем в билингвальном коммуникативном пространстве /А.С. Казмагамбетова // Планета "Русский язык" в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве [Электронный ресурс]: виртуал. сб. научн. тр., 3-5 октября 2012 – Италия, Армения, Южная Корея, США, Казахстан, 2012 – Режим доступа: <http://alfacert.cliro.unibo.it/moodle/file.php/198/Atti/WVCongress.pdf>.
- О проблемах межкультурного общения в иноязычной аудитории /А.С. Казмагамбетова // Қазақ тілі білімі: жаңа ғылыми парадигмалар мен оқытудың инновациялық технологиялары атты халықаралық ғылыми-теориялы конференцияның материалдары. – Алматы: «Арыс» баспасы – 2012. – 400 б.
- Национально-культурная специфика речевого общения в иноязычной аудитории / А.С. Казмагамбетова // Инновационные приоритеты в языковом образовании: Материалы докладов и сообщений Международной конференции. – Алматы. – 2011 г. – С.129-132.

Электронный адрес: alma_kaz70@mail.ru